

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Е
**Юридические
науки**

3/2020

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета. Серия Е: Юридические науки»

Главный редактор – д.ю.н., доцент, профессор, зав. кафедрой административного и финансового права **Е. М. Сынкова**.

Зам. главного редактора – к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**.

Ответственный секретарь – к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**.

Технический секретарь – специалист-редактор 1 категории **А. К. Миронова**.

Члены редколлегии: – к.ю.н., доцент **Е. А. Матвиенко**; к.ю.н., доцент **Е. Ю. Краснонос**; к.ю.н., доцент **М. П. Тишаков**; к.ю.н., доцент **О. В. Никольская**; к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**; к.ю.н., доцент **Л. Ю. Одогова**; к.ю.н., доцент **Е. Н. Дорошева**; д.ю.н., доцент, профессор **Е. М. Сынкова**; к.ю.н., доцент **С. Н. Пашков**; к.ю.н., доцент **Е. В. Цыба**; к.ю.н., доцент **В. Н. Швайковская**; к.ю.н., доцент **Е. В. Горбатенко**; к.ю.н., доцент **А. В. Ефремова**; к.ю.н., доцент **Л. А. Семыкина**; к.ю.н., доцент **Н. В. Семыкин**; к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**; к.ю.н., доцент **О. А. Левендаренко**; к.ю.н., доцент **Э. Е. Манивлец**; к.ю.н., доцент **С. Н. Меркулов**; к.ю.н., доцент **Т. В. Тютюнник**; к.ю.н., доцент **Г. А. Хань**; к.ю.н., доцент **А. И. Журба**; д.ю.н. **С. В. Лихачев**; к.ю.н., доцент **Д. С. Каблов**; к.ю.н., доцент **И. К. Василенко**; к.ю.н., доцент **В. Ю. Поляков**; к.ю.н., доцент **Н. А. Бардашевич**; к.ю.н., доцент **Е. В. Кулакова**.

**The Editorial Board of the journal «Bulletin of Donetsk National University.
Series E: Legal science»**

Editor in Chief – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Head. Department of Administrative and Financial Law **E. M. Synkova**.

Deputy Editor-in-Chief – Candidate of Laws, Associate Professor **N. V. Aseeva**.

Executive Secretary – Candidate of Laws, Associate Professor **N. A. Timoshenko**.

Technical Secretary – 1st category editor **A. K. Mironova**.

Members of the editorial board: - Ph.D., Associate Professor **E. A. Matvienko**; Candidate of Law, Associate Professor **E. Yu. Krasnonosov**; Candidate of Law, Associate Professor **M. P. Tishakov**; Candidate of Law, Associate Professor **O. V. Nikolskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **N.V. Aseeva**; Candidate of Law, Associate Professor **L. Yu. Odegova**; Candidate of Law, Associate Professor **E. N. Dorosheva**; Doctor of Law, Associate Professor, Professor **E. M. Synkova**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Pashkov**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Tsyba**; Candidate of Law, Associate Professor **V.N. Shvaykovskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **E.V. Gorbatenko**; Candidate of Law, Associate Professor **A.V. Efremova**; Candidate of Law, Associate Professor **L. A. Semykina**; Candidate of Law, Associate Professor **N. V. Semykin**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Timoshenko**; Candidate of Law, Associate Professor **O. A. Levendarenko**; Candidate of Law, Associate Professor **E.E. Manivlets**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Merkulov**; Candidate of Law, Associate Professor **T. V. Tyutyunnik**; Candidate of Law, Associate Professor **G. A. Han**; Candidate of Law, Associate Professor **A.I. Zhurba**; Doctor of Law **S. V. Likhachev**; Candidate of Law, Associate Professor **D.S. Kablov**; Candidate of Law, Associate Professor **I. K. Vasilenko**; Candidate of Law, Associate Professor **V. Yu. Polyakov**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Bardashevich**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Kulakova**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «ДонНУ», ДНР, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Тел.: +38(071) 36-707-35, +38(099)226-26-74 (Viber)

E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Лицензионный договор № 463-11/2019 от 14.11.2019 г.): https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=74221

*Печатается по решению Ученого совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 9 от 27.11.2020 г.*

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Е: Юридические науки

№ 3/2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Дербишева О. А.</i> Некоторые аспекты доказывания морального вреда Донецкой Народной Республики в сравнении с законодательством зарубежных стран	3
<i>Ефремова А. В., Авдеева О. Р.</i> Правовая характеристика добровольного исполнения судебного акта	11
<i>Ефремова А. В., Цокур А. А.</i> Влияние факта оплаты единого взноса на общеобязательное социальное страхование при назначении пенсий в Донецкой Народной Республике	18
<i>Латидус О. С.</i> Некоторые проблемы участия гражданского общества в формировании правового государства	25
<i>Литинский В. В.</i> Эволюция советского законодательства об уголовной ответственности за нарушение норм Кодекса законов о труде и Кодекса законов об образовании в 1920-е гг.	32
<i>Одегова Л. Ю., Сокур А. С.</i> Генезис понятия «экоцид»	38
<i>Олейникова А. В., Гокунь Ю. С.</i> Способы защиты культурной безопасности Донецкой Народной Республики	44
<i>Петраченко Е. И.</i> Конституционное право наследования	52
<i>Полякова Н. Г.</i> К вопросу об организационной самостоятельности органов местного самоуправления	57
<i>Сынкова Е. М.</i> К вопросу административно-правового принуждения в таможенной деятельности	65
<i>Сынкова Е. М., Могутова Н. Г.</i> Процессуальные ошибки при рассмотрении арбитражных дел и пути их преодоления	74
<i>Тимошенко Н. А., Свиридова К. Е.</i> Правовые аспекты информационной безопасности государства	82
<i>Финкина А. П.</i> Защита прав пациента Европейским судом по правам человека	88
<i>Финкина А. П., Стёпина В. Ю.</i> Особенности применения правил об эвикции в гражданском праве Донецкой Народной Республики	94
<i>Швайковская В. Н., Шапиро В. А.</i> К вопросу совершенствования правового регулирования отношений поставки электроэнергии населению в Донецкой Народной Республике	101
Правила для авторов	114

Bulletin of Donetsk National University

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Series E: Legal sciences

№ 3/2020

CONTENTS

<i>Derbisheva O.</i> Some aspects of proving moral damage of the Donetsk People's Republic in comparison with the legislation of foreign countries	3
<i>Efremova A., Avdeeva O.</i> Legal characteristics of the voluntary enforcement of the judgment	11
<i>Efremova A., Tsokur A.</i> The influence of the fact of payment of a single contribution on mandatory social insurance in the appointment of pensions in the Donetsk People's Republic	18
<i>Lapidus O.</i> Some problems of civil society participation in the formation of the legal state	25
<i>Lipinsky V.</i> The evolution of Soviet legislation on criminal liability for violation of the Labor Code and the Education Code in the 1920's	32
<i>Odegova L., Sokur A.</i> Genesis of the concept «ecocid»	38
<i>Oleinikova A., Gokun Ju.</i> Ways to protect the cultural security of the Donetsk People's Republic	44
<i>Petrachenko E.</i> Constitutional right of inheritance	52
<i>Polyakova N.</i> On the issue of organizational independence of local government bodies	57
<i>Synkova E.</i> On the issue of administrative and legal coercion in customs activities	65
<i>Synkova E., Mogutova N.</i> Judicial errors in arbitration cases and ways to overcome them	74
<i>Timoshenko N., Sviridova K.</i> Legal aspects of information security of states	82
<i>Finkina A.</i> Protection of patient rights by the European court of human rights	88
<i>Finkina A., Stiopina V.</i> Features of application of the eviction rules in the civil law of the Donetsk People's Republic	94
<i>Shvaikovskaya V., Shapiro V.</i> On the question of improving the legal regulation of relationships of supply electric power to the population in the Donetsk People's Republic	101
ПРАВИЛА для авторов	114

УДК 341.1

Дербишева О. А.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В СРАВНЕНИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье исследуются некоторые стадии доказывания морального вреда и выделяются условия совершения этого процессуального аспекта. Проведен сравнительный анализ законодательства зарубежных стран. Сформулированы определенные критерии определения размера компенсации морального вреда.

Ключевые слова: моральный вред, психический вред, физические страдания, психическая реакция, психиатрический вред, нервный шок, нервное потрясение.

В процессе своего становления институт компенсации морального вреда проходил определенные стадии, что сказывалось на определении его значимости в жизни и развитии общества. Однако, несмотря на это, все же нерешенными остаются некоторые аспекты. Основное место среди них занимает вопрос доказывания морального вреда. Он вызывает немало споров среди ученых. В ходе данной работы был проведен сравнительный анализ законодательства зарубежных стран. Выделены пробелы законодательства касательно доказывания морального вреда. Предложено внесение в законодательство некоторых поправок для регулирования данного вопроса.

Данную тему рассматривали такие ученые как Е. А. Михно, Е. В. Пушкина, А. В. Жулина, Т. Н. Шичанин, М. Н. Малеина, А. Т. Табунщиков.

Целью является рассмотрение законодательства Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) и зарубежных стран. Поскольку компенсация морального вреда не имеет четкого законодательного регламентирования и нуждается в доработке. Несмотря на свой молодой возраст ДНР – развивающееся государство, готовое перенять положительный опыт в сфере доказывания и компенсации морального вреда в развитых странах.

Человек не может существовать отдельно от социума. Ему необходимо общение и взаимодействие с другими людьми с самых ранних лет. Однако нередко, расширяя круг своих взаимосвязей, высока вероятность претерпевания человеком различных «обид», которые могут нанести вред не только физическому, но и эмоциональному здоровью. В аспекте гражданского права есть немало дел, которые рассматриваются при причинении имущественного вреда человека, и лишь малую часть занимает причинение морального вреда. На наш взгляд, это несправедливо, так как эмоциональное здоровье человека наряду с физическим является

показателем его нормальной деятельности. Следовательно, нужно рассматривать нанесение морального вреда, как категорию посягательства или уничтожение субъективного гражданского права.

Донецкая Народная Республика является правовым государством. Согласно ст. 3 Конституции ДНР «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [1, с.2]. Такое определение предполагает высокий уровень защиты прав и свобод человека, верховенство общечеловеческих ценностей. При этом основной задачей государства является обеспечение наиболее справедливого, быстрого и эффективного восстановления нарушенного права и возмещения причиненного физического и морального вреда.

Законодательное закрепление понятие «моральный вред» не имеет. В части 1 статьи 196 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ГК ДНР) определяется, как причинение физических или нравственных страданий. Немало правоведов занимается исследованием трактовки понятия «моральный вред», но единого определения термина нет. Одни исследователи, при расшифровке понятия «моральный вред» отдают явный приоритет нравственным страданиям над физическими. Так, например, по мнению Е. А. Михно «моральный вред есть отрицательные последствия нарушения имущественных или неимущественных благ, выразившиеся в душевных страданиях и переживаниях». Другими словами, основанием для денежной компенсации морального вреда является правонарушение, в результате которого лицо претерпело эмоциональный урон [2, с. 78]. При этом не входят в составную часть понятие – физические страдания. Они приобретают юридическую значимость для возложения гражданско-правовой ответственности за причинение морального вреда лишь в случае, если вызывают нравственные страдания. Аналогичной точки зрения придерживается и А. В. Шичанин.

В психологической литературе материальные страдания определяются как страдания, относящиеся к внутренней, духовной сфере человека. Примерами могут служить физическая боль, испытанная лицом в результате действий другого лица, совершившего противоправные действия. Под данными понятиями рассматриваются не просто «волнения», «обида», «досада», а приобретённые в результате правонарушения изменения в психике пострадавшего. Впоследствии данные факторы могут повлечь за собой заболевания психики, нарушение работоспособности, а также нарушить привычный ход жизни лица, которому причинен моральный вред.

Наряду с вышеописанными определениями, в юридической литературе существуют и иные взгляды относительно юридического понятия «морального вреда». Так, М. Н. Малеина отмечает, что «... иногда понятия «неимущественный» и «моральный» вред считают тождественными и используют в качестве синонимов». Но, по мнению автора, это не совсем удачно, ибо «неимущественный вред выражается в причинении нравственных переживаний (собственно моральный вред) и физических страданий». Моральный вред может проявляться в субъективном состоянии личности. При таких критериях, как страх, унижение, беспомощность, стыд, в переживание депрессивного состояния и др. Физический вред выражается в причинении физической боли, нарушение целостности

организма. В своих следующих работах М. Н. Малейна говорит, что «термин «моральный вред» раскрывается в законе как физические или нравственные страдания, а «поскольку «нравственный» и «моральный» выступают как синонимы, то более удачно было бы использовать в законодательстве термин «неимущественный вред». Кроме того, «неимущественный вред» может сочетать физические и нравственные страдания. Поэтому правильно рассматривать неимущественный вред как физические и (или) нравственные переживания, а не как исключющую их альтернативу».

В юридической литературе существует и другое предложение относительно введения нового термина, который определил бы то, что на данный момент понимается под моральным вредом. «Поскольку моральный вред находит свое отражение в негативных психических реакциях лица, которому причинен данный вред, правильнее было бы использовать понятие «психический вред».

Обобщая вышесказанное, можно определить моральный вред – как психическую реакцию человека на совершение в отношении него противоправного деяния.

В зарубежных странах накоплен богатый опыт в развитии института возмещения морального ущерба. Это обосновано уровнем развития законодательства и использованием различных правовых систем, что предполагает наличие различных подходов к пониманию данного института. В наибольшей степени это проявляется в англосаксонской системе права. Можно говорить о том, что в праве Великобритании и США понятие моральный вред имеет несколько трактовок и делится на несколько вариаций, таких как «psychological injury» – психический вред, «psychiatric injury» – психиатрический вред, «nervous shock» – нервный шок, нервное потрясение.

Это обилие применяемой терминологии отражает не только различные доктринальные подходы к пониманию института возмещения морального вреда, но еще и большой практический опыт применения аналогичных правовых институтов на протяжении многих лет. Стоит также сказать про романо-германскую систему права, где понятие «моральный вред» имеет свою трактовку. Например, в Германии данный вопрос регулируется Германским гражданским уложением и носит определение «Schmerzensgeld», что обозначает «деньги за страдание, боль» [3, с. 2].

При этом стоит сказать за такой важный элемент гражданского процесса, как доказывание. Он представляет собой деятельность по собиранию, представлению, исследованию и оценке доказательств [4, с. 57]. При этом гражданские дела являются одними из самых сложных дел по предмету доказыванию. Особое внимание и сложность представляет собой вопрос доказывания факта претерпевания морального вреда, установление которого вызывает затруднения при доказывании в судебной практике и определенную дискуссию в научной литературе.

В предмет доказывания по делам о компенсации морального вреда входят следующие юридические факты:

1) имели ли место действие (бездействие) ответчика, причинившие истцу нравственные или физические страдания, в чем они выражались и когда были совершены;

2) какие личные неимущественные права истца нарушены этими действиями (бездействиями) и на какие нематериальные блага они посягают;

3) в чем выразились нравственные или физические страдания истца;

4) степень вины лица, причинившего вред (в том случае, если она должна учитываться).

5) размер компенсации вреда [5, с. 138].

При этом данные факты могут меняться при рассмотрении конкретного дела.

Особое внимание представляет собой также вопрос о размере и порядке компенсации морального вреда, что также вызывает немало споров в гражданском процессе. На наш взгляд при рассмотрении данного вопроса целесообразно исследовать законодательный опыт зарубежных стран. В частности интерес представляет собой разделение систем права на англо-саксонскую и романо-германскую. Можно увидеть существенные различия определения понятия «моральный вред», что указывалось ранее.

Наиболее значимыми странами с англо-саксонской системой права являются Великобритания и США. В то время как наиболее известными представителями романо-германской системы права является Германия.

В судебной практике стран с англо-саксонской системой права близким понятием к понятию «моральный вред» является термин «психический вред». Право Великобритании и США определяет различные цели возмещения морального вреда, такие как: компенсационную – в случае простого неосторожного причинения вреда и штрафную – в случае умышленного или по грубой неосторожности причинение такого вреда. При этом следует говорить о степени и характере причинения морального вреда. В случае простого неосторожного причинения вреда лицо, причинившее вред, отвечает только за физические страдания, которые являются следствием душевных страданий, а в случае причинения такого вреда в случае умышленного или по грубой неосторожности – как за психические, так и физические страдания.

В США существуют некоторые особенности компенсации психического вреда. Законодательство предусматривает денежную компенсацию за намеренное или неосторожное причинение сильного эмоционального беспокойства другому лицу. Если психический вред причинен по неосторожности и сопряжен с тяжелыми повреждениями, то он подлежит возмещению. Однако, если неосторожное причинение вреда влечет потерпевшему только нравственные страдания, моральный вред, как правило, не подлежит компенсации.

В судебной практике американские суды расширяют понятие физического воздействия на потерпевшего, включая не только телесное повреждение, но и одежду потерпевшего, предмет в его руке, машину, в которой он сидел, дом. Под физическим воздействием понимают также воздействие пыли, дыма, взрыва газа и прочее. Так, при нападении для компенсации психического вреда не требуется доказывания физического контакта (нанесения побоев). То есть потерпевший помимо требования о защите нарушенного права, может требовать компенсации за эмоциональное беспокойство, вызванное правонарушением.

Однако, ст. 1229 ГК ДНР определяет такие основания возмещения морального вреда, как:

1) вред причинен жизни или здоровью физического лица источником повышенной опасности;

2) вред причинен физическому лицу в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ;

3) вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию [6, с. 67].

В то время, при романо-германской системе права, в частности, согласно Германскому гражданскому уложению основаниями возмещения морального вреда являются: наличие страданий, причиненных посягательством или нарушением личных неимущественных благ; противоправность деяния; наличие причинно-следственной связи между противоправным деянием и наступившими последствиями в виде страданий; вина лица, причинившего вред.

Сложной проблемой в гражданском процессе является определение размера ответственности за такой ущерб. В частности, ни одна из стран не имеет единую, закрепленную методику определения объема морального вреда и размера справедливой компенсации. По немецкому праву при определении компенсации за перенесенные страдания должны учитываться такие факторы, как общий принцип выравнивания выгоды; восстановление пострадавшего в состоянии, которое существовало до нарушения его прав или интересов, однако он не должен получить выгоду в результате компенсации ему такого вреда.

Процесс установления размера справедливой компенсации морального вреда имеет сложную структуру. Следует брать во внимание следующие факторы:

– физические страдания лица, которому причинен вред. В них входит особая чувствительность к боли, вид телесного повреждения, длительность лечения и последствий;

– психические страдания. Включают такую группу, как последствия, искажения внешности, возраст, возможность продолжения прежней работы, степень осознания стесненности своего положения, волнения за судьбу семьи, возможность сохранения индивидуальных качеств личности (талантов, склонностей), особая психическая уязвимость, склонность к переживаниям, степень вины лица, причинившего вред, его имущественное положение и др.

Также при определении размера компенсации берется во внимание судебный прецедент, то есть суммы компенсаций, которые ранее были определены судами по аналогичным делам.

Сходство правовых систем Англии и США определяет и общность подходов к размеру компенсации морального вреда. Судебная практика данных стран определяет несколько аспектов к решению этого вопроса. Временной подход предполагает, что острота восприятия волнений, боли смягчается с течением времени. Суть другого подхода заключается в том, что «стоимость» страданий должна оцениваться с помощью «рыночных» критериев: например, следует выяснить, за какую сумму человек согласится добровольно пережить операционную

боль и назначить эту сумму в качестве компенсации. Следует заметить, что требование о компенсации морального вреда не всегда является предметом судебного разбирательства. Довольно часто лицо, причинившее вред и лицо, которому причинен вред, решают этот вопрос во внесудебном порядке [7, с. 32].

Установление объема возмещения морального вреда – это составная часть гражданско-правового спора, разрешаемого судом. Наличие большого круга обстоятельств и случаев причинения вред, допускает компенсацию причиненного морального вреда деньгами или другим имуществом. Истцы, которые самостоятельно осуществляют свои гражданские права, имеют право дать согласие на предложение ответчика о возмещении вреда в натуральном виде, то есть определенными товарами или услугами. Однако в законодательстве и судебной практике приоритетным признается денежное возмещение морального вреда. Об этом свидетельствует ч. 1 ст. 1230 ГК ДНР.

Значимым вопросом, который стоит перед судом при вынесении решения по делу о возмещении морального вреда, является установление размеров денежной компенсации. Но объем компенсации морального вреда обязан определить суд. Однако сложность состоит в том, что объем ущерба невозможно точно вычислить, поскольку моральный вред не имеет денежного эквивалента. Любая компенсация вреда не будет соответственной действительным страданиям, по этой причине любой ее размер может иметь только условное выражение. Критерии оценки, которых можно придерживаться при установлении размера возмещения морального вреда, разнообразны [8, с. 98].

Можно говорить о том, что в соответствии с ч. 2 ст. 1230 ГК ДНР размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины лица, причинившего вред, в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости.

Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего.

Размер возмещаемого вреда не должен быть слишком малым, иначе институт компенсации морального вреда потеряет свое первоначальное значение. Наряду с этим не следует вводить практику взыскания миллионные суммы на возмещение морального ущерба, как в ряде зарубежных стран. Так как при такой оценке сумм возмещения, проблема морального вреда может стать привлекательной для мошенников и станет средством неосновательного обогащения лица, которому был причинен данный вред.

Моральный вред нельзя возместить в полном объеме, так как не учитываются точные критерии имущественного выражения душевной боли, спокойствия, чести, достоинства личности. Любая компенсация морального вреда не будет соответствовать действительным страданиям личности, поэтому любой ее размер может иметь только условное выражение, тем более, если такая компенсация касается юридического лица.

Для определения суммы возмещения морального вреда нужны специальные знания, ведь каждый случай, рассматриваемый в порядке гражданского производства, имеет свои индивидуальные черты. Человек – существо социальное со своей индивидуальной психикой, нарушение функционирования одной из составляющих влечет за собой нарушение функционирования всего организма. Поэтому размер возмещения морального вреда будет более адекватным, если в процессе оценки будут применены специальные психологические, медицинские и другие знания. Таким образом, проблема установления размера компенсации морального вреда сводится в основном к определению объема такого вреда, причиненного конкретному лицу. Размер возмещения должен соответствовать объему причиненного морального вреда, за исключением случаев, установленных законодательством, которые предусматривают возможность его уменьшения (например, наличие вины самого потерпевшего).

Подводя итог, следует сказать, что решение суда о присуждении конкретного размера компенсации морального вреда должно быть подкреплено выводами суда и обосновано в судебном решении. Основной ошибкой при рассмотрении данной категории дел является пренебрежение данными правилами. Компенсация морального вреда рассматривается судами очень часто как не основное требование, следовательно, ей не уделяется должного внимания. В большинстве случаев суды уменьшают размер первоначально заявленной компенсации, истцы же стремятся заявить размер компенсации как можно выше, учитывая то, что суд снизит размер компенсации. При этом ни одна из сторон не использует какие-либо весомые для этого основания. С учётом этого рационально было бы закрепить в законодательстве положение о том, что суд только с согласия истца, может назначить сумму компенсации морального вреда, заявленную истцом или определить сумму выше данной. На данный момент приходится пользоваться несколькими актами.

Исходя из этого, мы считаем целесообразным создание инструкции о порядке определения и возмещения морального вреда, где будут четко прописаны данные положения и определен порядок. Правильным было бы существование одной «специальной статьи», предусматривающей весь необходимый для определения размера компенсации морального вреда «перечень» критериев. Так же необходимо выработать конкретные критерии определения размера компенсации морального вреда, что могло бы найти отражение в виде разъяснения Верховного Суда Донецкой Народной Республики.

Список источников

1. Конституция Донецкой Народной Республики Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 года (с изм., внесенными Законами от 27.02.2015 г. № 17-ИНС, от 29.06.2015 г. № 63-ИНС, от 11.09.2015 года № 92-ИНС)/ Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-parodnoj-respubliki/> (дата обращения: 12.12.2020). – Загл. с экрана.
2. Михно, Е. А. Компенсация морального вреда во внедоговорных обязательствах: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 – Гражданское право; семейное право; гражданский процесс; международное частное право / Елена Александровна Михно. – Санкт-Петербург, 1998. – 162 с.

3. Пушкина, Е. В. Сравнительная характеристика возмещения морального вреда в Украине и зарубежных странах / Е. В. Пушкина, Ю. А. Крикливец // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія: Юридичні науки. – 2015. – № 2. – С. 94–100.
4. Гражданский процессуальный кодекс Украины (ред. от 04.06.2004 г. № 541-VI (по сост. на 14.05.2014 г.) // Главный правовой портал Украины ЛИГА:ЗАКОН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T041618.html (дата обращения: 14.12.2020). – Загл. с экрана.
5. Решетникова, И. В. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве: справочник / И. В. Решетникова. – 6-е изд., доп. и перераб. – М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. – 448 с.
6. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики № 81-ПНС 13.12.2019 (принят Постановлением Народного Совета 13 декабря 2019 г.) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 28.11.2020). – Загл. с экрана.
7. Хуснутдинова, С. А. Синхронный анализ морального вреда в законодательстве зарубежных стран / С. А. Хуснутдинова // Новый юридический вестник. – 2017. – № 1(1). – С. 61–63.
8. Табунщиков, А. Т. Институт компенсации морального вреда в российском гражданском праве / под ред. д-ра юрид. наук С. В. Тычинина. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – 124 с.

Поступила в редакцию 27.12.2020 г.

SOME ASPECTS OF PROVING MORAL DAMAGE OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC IN COMPARISON WITH THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

The article examines some stages of the proof of moral harm and highlights the conditions for this procedural aspect. A comparative analysis of the legislation of foreign countries is carried out. Certain criteria for determining the amount of compensation for moral damage have been formulated.

Keywords: moral harm, mental harm, physical suffering, mental reaction, psychiatric harm, nervous shock, nervous shock.

Дербишева Ольга Александровна
старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних
дел Министерства внутренних дел
Донецкой Народной Республики»
ДНР, г. Донецк
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Derbisheva Olga
Senior lecturer of the department of civil law
and process of Donetsk Academy of the
Ministry of Internal Affairs of the DPR
DPRRepublic, Donetsk
E-mail: olga.aleksandrovna.d@mail.ru

УДК 347.952.3

Ефремова А. В.
Авдеева О. Р.

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОБРОВОЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНОГО АКТА

В статье рассматривается порядок добровольного исполнения судебных актов, проанализировано действующее в Донецкой Народной Республике законодательство, регулирующее рассматриваемый вопрос. С учетом выявленных недостатков действующего законодательства, предлагается принятие закона об исполнительном производстве, в том числе по поводу его внутренней конструкции, с целью приведения его в правильный, с точки зрения юридической техники, вид. В статье рассматриваются пути стимулирования должника к добровольному исполнению.

Ключевые слова: судебный акт, добровольное исполнение, должник, исполнительное производство, судебный пристав-исполнитель, неуважение к суду.

Исполнение судебных решений является проблематикой современного правосудия. Законодательство об исполнительном производстве регулирует в большей степени принудительное исполнение, упуская при этом процесс стимулирования должника на добровольное исполнение. Мы же полагаем, что нормальным итогом окончания судебного процесса является не принудительное, а напротив добровольное исполнение. Более того, практика показывает, что, несмотря на то, что деятельность исполнительной службы направлена в сторону принудительного исполнения, статистические показатели реализации предписанных судом решений, показывают низкий уровень приведения в исполнение судебных решений.

Научная работа посвящена исследованию правовой природы добровольного исполнения судебных решений, поскольку на сегодняшний день в законодательстве Донецкой Народной Республики данный правовой вопрос практически не урегулирован, что отрицательно влияет на окончательный результат деятельности органов юстиции в сфере исполнения судебных решений, отмечается тенденция принудительного исполнения, что является вынужденной мерой отклонения от правильного хода восстановления нарушенного права.

Проблемные аспекты добровольного исполнения судебных актов рассматривались многими учеными. В частности, этим вопросом занимались А. К. Сергун, Т. В. Шершень, Л. В. Анисимова, И. И. Гиладов.

Целью данной научной работы является анализ правовой регламентации порядка добровольного исполнения судебного акта.

Авторы статьи ставят перед собой задачу проанализировать законодательство Донецкой Народной Республики в области исполнительного производства, а также установить проблемы осуществления исполнительного производства.

Методологической основой работы является совокупность методов и способов познания в сфере общественного развития. Ведущим специальным методом исследования является системный метод. В качестве общенаучных методов используются анализ, обобщение правовых явлений, индукция, дедукция.

Гражданское процессуальное законодательство закрепляет принцип обязательности судебных актов, то есть, вступив в законную силу, они являются обязательными и подлежат неукоснительному исполнению. С целью обеспечения исполнения судебных решений, а также актов других органов, государство предусматривает механизм приведения в исполнение таких предписаний.

Исполнительное производство в данном случае является определенной формой защиты, поскольку для нормального существования и функционирования судебной системы необходимо исполнение решений, принятых властными и судебными органами.

Вопрос исполнения судебных решений и актов других органов, в Донецкой Народной Республике урегулирован Временным порядком «Об исполнительном производстве Донецкой Народной Республики» № 7-37 от 31 мая 2016 года. Изучение указанного нормативно-правового акта, позволяет сделать ряд выводов. Первое, что хотелось бы отметить, это детальную регламентацию порядка принудительного исполнения исполнительных документов.

Так, Временный порядок «Об исполнительном производстве Донецкой Народной Республики» № 7-37 от 31 мая 2016 года раскрывает субъектов процесса принудительного исполнения судебного решения, перечень исполнительных документов, сроки исполнения, восстановление пропущенных сроков, меры принудительного исполнения решений и т.д. **Статья 27 Временного порядка «Об исполнительном производстве Донецкой Народной Республики» № 7-37 от 31 мая 2016 года устанавливает начало принудительного исполнения решений**, в случае не предоставления должником в сроки, установленные ч. 2 ст. 25 настоящего Порядка для самостоятельного исполнения решения, документального подтверждения полного исполнения решения судебный пристав на следующий день после окончания соответствующих сроков начинает принудительное исполнение решения [1].

Именно статья 25 Временного порядка «Об исполнительном производстве Донецкой Народной Республики» № 7-37 от 31 мая 2016 года регламентирует сферу добровольного исполнения. Так, в нормативном акте указано, что судебный пристав в течение трех рабочих дней со дня поступления к нему исполнительного документа выносит постановление об открытии исполнительного производства. В постановлении судебный пристав указывает о необходимости должнику самостоятельно исполнить решение в срок до семи дней с момента вынесения постановления (в случае исполнения решения о принудительном выселении должника – в срок до пятнадцати дней) и отмечает, что в случае не предоставления

должником документального подтверждения исполнения решения будет начато принудительное исполнение этого решения с взысканием с должника исполнительного сбора и расходов исполнительного производства, предусмотренных настоящим Порядком.

Отмеченное нами выше позволяет прийти к выводу, что срок, назначенный в постановлении государственного исполнителя и данный лицу на самостоятельное исполнение решения, это и есть добровольный порядок исполнения судебного решения или иного исполнительного документа для должника. Таким образом, добровольное исполнение расположилось где-то между состоявшимся судебным процессом и процедурой принудительного исполнения, не получив при этом должного нормативного оформления, поскольку далее по документу мы не находим регламентации порядка добровольного исполнения.

По-нашему мнению, добровольное исполнение судебного постановления имеет ряд преимуществ перед принудительным исполнением:

1. Сокращается срок разрешения возникшего спора.
2. Отсутствует необходимость ограничения должника в правах пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом.
3. Должнику не нужно возмещать расходы на совершение исполнительских действий, поскольку исполнительная служба не несет подобных расходов.

К сожалению, количество добровольно исполненных судебных актов минимально, что служит причиной большой загруженности службы судебных приставов-исполнителей. Причину низкого уровня добровольного исполнения судебного акта мы также усматриваем в ненаказуемости подобного поведения должника. Поскольку размер исполнительного сбора является минимальным и незначительным, считаем, что они не могут в достаточной мере «стимулировать» должников на добровольное выполнение требований, указанных в исполнительных документах.

Для того чтобы побудить должника к добровольному исполнению предлагается в Проекте Закона Донецкой Народной Республики «Об исполнительном производстве» ввести норму, предусматривающую обязанность выплаты не менее 30 % от стоимости имущественных требований в случае игнорирования сроков на добровольное исполнение. Полагаем, что такие меры смогут поднять процент добровольного исполнения судебных решений и иных исполнительных документов.

Необходимо понимать, что добровольное исполнение – это нормальный итог окончания судебного процесса, свидетельствующий об уважении к правосудию, о соблюдении правопорядка и законодательства Донецкой Народной Республики, а так же об уровне правовой воспитанности граждан.

Существенным недостатком действующего в Донецкой Народной Республике законодательства об исполнительном производстве является отсутствие Закона ДНР «Об исполнительном производстве», который бы в полной мере регулировал вопросы исполнения судебных решений. Во Временном порядке «Об исполнительном производстве Донецкой Народной Республики» № 7-37 от 31 мая 2016 года, который мы указывали ранее, отсутствует норма дефиниция

добровольного исполнения исполнительных документов, а также не установлены меры стимулирующие должника к добровольному исполнению.

Придерживаясь позиции А. К. Сергун, который считает, что: «процессуальное право должно устанавливать меры, побуждающие должника к исполнению», предлагаем закрепить такие меры в законе «Об исполнительном производстве» Донецкой Народной Республики, ведь это один из способов повышения эффективности исполнения предписаний исполнительного документа [2, с. 114].

Наши доводы в пользу необходимо реформирования и усовершенствования законодательства об исполнительном производстве, обусловлены статистическими показателями принудительного исполнения судебных решений, которые не имеют необходимого высокого уровня исполнения. Например, практика принудительного исполнения решений судов о взыскании алиментов в пользу несовершеннолетних детей, показывает, что такого рода судебные решения исполняются менее чем на 50 % [3, с. 22].

В российской юридической литературе констатируется самый высокий процент не исполнения судебных решений – 90 %, по делам о предоставлении жилых помещений и проведении ремонтных работ в жилых помещениях [4, с. 61].

Отметим признаки, которые считаем характеризующими правовую природу добровольного исполнения исполнительных документов, а именно:

1. Инициатива исполнения обязанностей исходит исключительно от должника.
2. Исполнение обязанностей в разумные сроки.
3. Отсутствие контроля исполнения обязанностей со стороны уполномоченных органов.
4. До исполнения обязанностей к должнику не применяются санкции и иные неблагоприятные последствия в целях стимулирования.

Добровольное исполнение возможно в двух случаях: когда исполнительное производство еще не открыто либо в течение срока, указанного в постановлении государственного исполнителя, а именно семь дней.

Общие же правила предоставления и исчисления срока для добровольного исполнения сводятся к следующему:

- во-первых, такой срок устанавливается лишь в случае первичного поступления исполнительного листа в исполнительную службу;
- во-вторых, он является фиксированным и не может быть изменён по усмотрению государственного исполнителя.

В некоторых случаях в исполнительном документе указан срок исполнения, который был определен решением суда. При таких обстоятельствах срок для добровольного исполнения определяется в соответствии со сроком, указанным в исполнительном документе. Мы не являемся сторонниками позиции авторов, которые предлагают увеличение срока на добровольное исполнение, поскольку убеждены, что это создает препятствие для реального исполнения судебных решений. Целесообразно не увеличение сроков, а наоборот закрепление статьи за нарушение сроков на добровольное исполнение, что следует квалифицировать, как неуважение к суду.

Хотелось бы обратить внимание на такое понятие, как «неуважение к суду», на сегодняшний день Европейский суд по правам человека, в своих документах широко использует термин «неуважение» [5, с. 189]. Полагаем, что игнорирование должником исполнения судебного решения или иного исполнительного документа, следовало бы квалифицировать, как неуважение к суду. Закрепление подобной нормы дефиниции в гражданском процессуальном кодексе Донецкой Народной Республики и в Законе об исполнительном производстве, как ни что иное оказало бы позитивное влияние на должника.

Подводя итог, мы считаем, что потребность в принудительном исполнении должна возникать, в качестве исключения из общего правила. Для этого законодательство об исполнительном производстве необходимо упорядочить и привести в соответствие с точки зрения юридической техники. Для этого следует закрепить главу в Проекте Закона ДНР «Об исполнительном производстве» институт добровольного исполнения, где раскрыть дефиницию «добровольное исполнение исполнительных документов», а так же закрепить комплекс мер стимулирующих к исполнению, и установить разумные сроки для добровольного исполнения предписанных требований к должнику.

Обосновывая предложения с точки зрения юридической техники нормативного акта, предлагается структурно порядок добровольного исполнения расположить в нормативном акте пред институтом принудительного исполнения исполнительных документов.

В рамках главы о добровольном исполнении предусмотреть статью о неблагоприятных последствиях для должника, в случае игнорирования выделенного ему периода для самостоятельного исполнения, поскольку судебный пристав-исполнитель затрачивает силы и время исполнительного производства на период применения стимулирующих мер. Полагаем, что это предоставит судебному приставу-исполнителю больше способов воздействия на должника.

В процессе построения правового регулирования различных общественных отношений и законодательному совершенствованию указанных процессов необходимо разработать эффективные меры, способные придать судебным решениям реальное и своевременное исполнение. Низкий показатель приведения в исполнение судебных решений и иных документов может негативно сказываться на формировании правового государства, самостоятельной и сильной судебной власти, более того теряется смысл судопроизводства и не исполняется право каждого лица на судебную защиту и восстановление своих нарушенных прав.

Резюмируя все вышесказанное, авторы научной работы пришли к следующим выводам и соответственно к предложениям:

1. Необходимость реформирования законодательства об исполнительном производстве в Донецкой Народной Республике, путем принятия единого нормативного акта, постоянно регулирующего деятельность судебных приставов-исполнителей в виде Проекта Закона Донецкой Народной Республики «Об исполнительном производстве» (далее – Закон).

2. Предлагается закрепить в ранее предложенном Законе норму-дефиницию «добровольное исполнение – это самостоятельное волеизъявление должника

исполнить требования в установленный судебным приставом-исполнителем срок до применения к должнику мер принудительного исполнения».

3. Предлагаем закрепить в Законе норму-дефиницию «неуважение к суду – неисполнение судебного акта, а равно умышленное нарушение сроков на добровольное исполнение исполнительного документа», установив при этом ответственность за такие действия в виде штрафа для должника.

Предложенные усовершенствования, в частности принятие законодательного акта, направленного на развитие и укрепление в обществе законопослушного поведения граждан, будет способствовать повышению юридической грамотности граждан, подпадающих под нормы регулирования данного Закона, а также усовершенствует процедуру защиты прав истцов, что является главной и основной целью исполнительного производства.

Список источников

1. Временный порядок об исполнительном производстве (принят постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики 31.05.2016 г. № 7-37, действ. ред. от 11.09.2020 г. / Официальный сайт Государственной информационной системы нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-7-37-20160531/> (дата обращения: 26.11.2020 г.) – Загл. с экрана.
2. Сергун, А. К. Исполнение решений, обязывающих должника совершить определенные действия / А. К. Сергун // Труды ВЮЗИ. Т. XVII. Вопросы гражданского процессуального права. – М., 1971. – 216 с.
3. Шершень, Т. В. Проблемные вопросы исполнения решений судов о взыскании алиментов в пользу несовершеннолетних детей: теоретические и практические аспекты / Т. В. Шершень // Российский судья. – М.: Юрист, 2013. – С. 20–24.
4. Анисимова, Л. В. Неисполнение судебного решения как нарушение права на судебную защиту / Л. В. Анисимова // Омбудсмен: государство и защита прав человека. – М.: Юрист, 2012. – № 1. – С. 59–62.
5. Гилязов, И. И. «Право на уважение собственности» в практике Европейского Суда по правам человека и необходимость применения требований ст. 1 Протокола № 1 судами общей юрисдикции при рассмотрении имущественных споров / И. И. Гилязов // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. – Вып. 2. – Казань, 2007. – С. 188–191.

Поступила в редакцию 28.12.2020 г.

LEGAL CHARACTERISTICS OF THE VOLUNTARY ENFORCEMENT OF THE JUDGMENT

The article discusses the order of voluntary execution of judicial acts, analyzes the current legislation, the regulated issue under consideration. Taking into account the identified shortcomings of the current Law on Enforcement Proceedings, including with regard to its internal structure, in order to bring it into the correct form, from the point of view of legal technology. The article describes the ways to stimulate the debtor to voluntary performance.

Keywords: judicial act, voluntary execution, debtor, enforcement proceedings, bailiff, contempt of court.

Ефремова Анна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: a.efremova@donnu.ru

Efremova Anna

Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor of the Department of Civil Law
and Procedure of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: a.efremova@donnu.ru

Авдеева Ольга Романовна

студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: olenka_avdeeva@mail.ua

Avdeeva Olga

law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: olenka_avdeeva@mail.ua

УДК 615.849

Ефремова А. В.

Цокур А. А.

ВЛИЯНИЕ ФАКТА ОПЛАТЫ ЕДИНОГО ВЗНОСА НА ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ СТРАХОВАНИЕ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ ПЕНСИЙ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В данной работе рассматриваются актуальные вопросы, уплаты единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование и влияние данного факта при назначении пенсии в органах Пенсионного фонда Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: единый взнос на общеобязательное государственное социальное страхование, Пенсионный фонд, пенсия, отчетность.

В Донецкой Народной Республике охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются гарантии социальной защиты. Одной из них является гарантия на социальное обеспечение лиц имеющих право на получение пенсионных выплат.

В данный момент Республика переживает процесс законотворчества и на переходной период согласно ст. 86 Конституции Донецкой Народной Республики, а также Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 № 9-1 «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» [1] законы и другие правовые акты, действовавшие на территории Донецкой Народной Республики до вступления в силу Конституции Донецкой Народной Республики, применяются в части, не противоречащей Конституции Донецкой Народной Республики [2].

В свою очередь п. 2 Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики от 10.01.2015 № 1-12 «О некоторых вопросах назначения (перерасчёта) пенсий в Донецкой Народной Республике в переходный период» (далее – Постановление № 1-12) предусмотрено, что до принятия соответствующего законодательства Донецкой Народной Республики на время действия переходного периода на территории Донецкой Народной Республики применяются нормы Закона Украины «Об общеобязательном государственном пенсионном страховании» от 09.07.2003 № 1058 (далее – Закон Украины № 1058), данным законом регламентирован порядок назначения пенсий, а также дается понятие страхового стажа, так согласно ст. 24 Закона Украины № 1058, страховой стаж – период (срок), в течение которого лицо подлежит общеобязательному государственному

пенсионному страхованию и за который ежемесячно уплачены страховые взносы в сумме не меньшей, чем минимальный страховой взнос [3].

Порядок сбора и учета единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование (далее – единый взнос) на территории Донецкой Народной Республики регламентируется Временным порядком о сборе и учете единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование на территории Донецкой Народной Республики, утвержденный постановлением Совета Министров Донецкой Народной Республики от 18.04.2015 № 6-7 (далее – Временный порядок).

Пунктом 1 части 1 статьи 1 Временного порядка дается понятие единого взноса – страховой взнос, сбор которого осуществляется в систему общеобязательного государственного социального страхования в обязательном порядке и на регулярной основе с целью обеспечения защиты в случаях, предусмотренных законодательством, прав застрахованных лиц и членов их семей на получение страховых выплат (услуг) по действующим видам общеобязательного государственного социального страхования.

В соответствии с ч. 1 ст. 9 Временного порядка, исчисление единого взноса осуществляется на основании бухгалтерских и других документов, в соответствии с которыми осуществляется начисление (исчисление) или которые подтверждают начисления (исчисление) выплат (вознаграждения, дохода), на которые в соответствии с порядком начисляется единый взнос [4].

Исходя из вышеупомянутых нормативных правовых актов явно прослеживается, что страховой стаж при назначении пенсии учитывается только при уплаченном едином взносе с заработной платы работника, в случае невозможности предоставления данных системы персонифицированного учета за период после 01.07.2000, документом подтверждающим сумму начисленной заработной платы (дохода), является справка о заработной плате, выданная по форме, утвержденной Постановлением № 1-12, в которой помимо заработной платы работника указывается также уплата страховых взносов за определенный период трудовой деятельности.

Показатель средней заработной платы (дохода) для исчисления пенсии определяется в соответствии с утвержденным Постановлением Правления Пенсионного фонда Украины от 01.02.2008 № 4-4, зарегистрированным в Министерстве юстиции Украины от 22.02.2008 за № 146/14837 «Порядок определения показателей средней заработной платы (дохода) в Украине, с которой уплачены страховые взносы и которая в соответствии с Законом Украины «Об общегосударственном социальном страховании» учитывается для исчисления пенсии» (далее – Порядок № 4-4).

Согласно Порядка № 4-4 формирование данных, используемых для расчета показателей заработной платы (дохода) для исчисления пенсии, осуществляются Пенсионным фондом Украины по информации Государственной фискальной службы Украины.

К указанной информации относятся: данные отчетности страхователей о заработной плате (доходе), на которую начисляются единый взнос, и среднеучетную

численность штатных работников, занятых на предприятиях, в учреждениях и организациях всех форм собственности и у физических лиц – предпринимателей; учетные данные Государственной фискальной службы Украины о численности физических лиц – предпринимателей, которые платили единый взнос за соответствующий месяц, лиц, обеспечивающих себя работой самостоятельно, а также лиц, которые принимают добровольное участие в системе общеобязательного государственного социального страхования, в системе общеобязательного государственного пенсионного страхования, и сумму их заработной платы (доходов), определенных исходя из сумм уплаченных ими единого взноса.

На момент утверждения данных показателей в Донецкой Народной Республике уже были созданы и действовали Пенсионный фонд Донецкой Народной Республики и Министерство доходов и сборов Донецкой Народной Республики. Вступил в силу: порядок регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей, утвержденный Постановлением Совета Министров от 29.09.2014 № 36-10, Временный порядок о сборе и учете единого взноса на общегосударственное социальное страхование на территории Донецкой Народной Республики, утвержденный Постановлением Президиума Совета Министров Донецкой Народной Республики от 18.04.2015 № 6-7.

Таким образом, в Донецкой Народной Республике на данный период времени минимальная заработная плата составляет 2436 руб.

В соответствии с ч. 3 ст. 44 Закона Украины № 1058, органы Пенсионного фонда имеют право требовать соответствующие документы от предприятий, организаций и отдельных лиц, выданные ими для оформления пенсии, а также в необходимых случаях проверять обоснованность их выдачи и достоверность представленных сведений о лицах, подлежащих общеобязательному государственному пенсионному страхованию, условия их труда и других сведений, предусмотренных законодательством для определения права на пенсию. Во исполнение данной нормы в Донецкой Народной Республике был принят Порядок проведения проверок достоверности сведений, предоставленных для назначения пенсии, утвержденный приказом Председателя Пенсионного фонда Донецкой Народной Республики от 27.04.2015 № 24 (далее – Порядок № 24).

В свою очередь раздел II Порядка № 24 предусматривает организацию проверок достоверности сведений предоставленных для назначения пенсии, а именно сроки на передачу документов в отдел контрольно-проверочной работы (который составляет не более одного рабочего дня), на проверку предоставленных материалов и подтверждение первичными документами на предприятиях, учреждениях, организациях.

На основании изданного приказа на бланке органа Пенсионного фонда оформляется направление на проверку, составляется направление в двух экземплярах (один экземпляр вручается предприятию, на котором проводится проверка, второй – подшивается к акту проверки).

После проведения проверки предоставленных документов для назначения пенсии составляется соответствующий акт, в котором указываются результаты проверки, в соответствии с содержанием которого, возможно два исхода событий:

– когда в предоставленных документах не имеется расхождений с первичными документами, период трудовой деятельности учитывается в страховой стаж для назначения пенсии;

– когда в предоставленных документах для назначения пенсии имеются расхождения с первичными документами и, которые повлекли за собой нарушение порядка использования средств Пенсионного фонда (образование переплаты пенсии), орган Пенсионного фонда проводит работу по возмещению ущерба с виновных лиц.

В случае невозможности определения виновного лица или наличия признаков системности в предоставлении недостоверных сведений начальником территориального органа Пенсионного фонда принимается решение о направлении материалов в соответствующие правоохранительные органы для дальнейшей реализации, согласно законодательству, действующему на территории Донецкой Народной Республики.

С целью усовершенствования работы органов Пенсионного фонда Донецкой Народной Республики, был введен в действие Временный порядок формирования, ведения и использования сведений из Реестра застрахованных лиц Государственного реестра общеобязательного социального страхования Донецкой Народной Республики (далее – Реестр), утвержденный Постановлением Правительства Донецкой Народной Республики от 05.07.2019 № 14-6 [5]. Вышеупомянутый реестр позволяет сократить время для назначения пенсии и помогает эффективней реализовать права граждан на социальную защиту в Донецкой Народной Республике.

Однако на практике происходят ситуации, когда единый взнос на общеобязательное государственное социальное страхование не уплачивается самим предприятием ввиду многих факторов (дефицит денежных средств является основным). Как указывалось выше страховой стаж учитывается при обязательной уплате единого взноса, следовательно при отсутствии – стаж не может быть учтён. При таких обстоятельствах у граждан может не хватать общего страхового стажа при назначении пенсий из-за чего территориальные органы Пенсионного фонда Донецкой Народной Республики будут вынуждены отказать гражданину в назначении пенсии и граждане вынуждены обращаться за защитой своих прав в суд.

Как пример можно взять предприятие угольной промышленности, которым согласно распоряжения Главы Донецкой Народной Республики от 18.07.2017 № 288 «О включении в страховой стаж периода работы на предприятиях угольной отрасли Донецкой Народной Республики», Пенсионный фонд Донецкой Народной Республики при определении права на пенсию органы Пенсионного фонда Донецкой Народной Республики обязаны засчитывать в страховой стаж работникам угольной отрасли Донецкой Народной Республики, независимо от уплаты единого взноса и имеющейся задолженности по заработной плате по состоянию на 01.07.2017, в том числе, которые на дату вступления в силу Распоряжения находились в процессе ликвидации [6], согласно приведенного перечня (данный перечень являлся исчерпывающим). Данный нормативный акт был создан для

снижения социальной напряженности в обществе, так как предприятиям не хватает средств для уплаты единого взноса, что повлекло за собой массовое обращение граждан в суды за защитой своих прав.

После вступления вышеупомянутого нормативного акта, социальное давление снизилось, но проблему полностью это не решило и угольные предприятия так и не могли оплачивать единый взнос, ввиду чего было разработано Постановление Правительства Донецкой Народной Республики от 19.06.2020 № 28-12 «О включении в страховой стаж периодов работы на предприятиях угольной промышленности Донецкой Народной Республики», в п. 1 данного порядка указано, что при определении права на пенсию органы Пенсионного фонда Донецкой Народной Республики обязаны засчитывать в страховой стаж периоды работы на предприятиях угольной отрасли период работы с 01.07.2017 по 31.12.2019, а также учитывать начисленную заработную плату за указанный период, независимо от уплаты единого взноса [7]. Однако, проблема с уплатой единого взноса таких предприятий (на данный период времени предприятий довольно много) остается «в подвешенном состоянии».

Стоит отметить, что судебная практика по вопросам, рассмотренным в настоящей статье довольно различна, в случае если у истца спорный страховой стаж до 31.12.2003, то в таком случае внесения в трудовую книжку записи о наименовании его должностей и характере работы в полной мере соответствуют требованиям, указанным в п. 2.14 Инструкции о порядке ведения трудовых книжек работников, утвержденной совместным приказом Министерства труда Украины, Министерства юстиции Украины, Министерства социальной защиты населения Украины от 29.07.1993 № 58 (далее – Инструкция № 58), а также согласно п. 3 Постановления № 1-12, при назначении (перерасчете) пенсии, в случае невозможности получения данных системы персонифицированного учета, документом, подтверждающим страховой стаж лица, является трудовая книжка, а документом, подтверждающим сумму начисленной заработной платы (дохода), – справка о заработной плате, выданная собственником или уполномоченным им органом, соответствующими архивными учреждениями, утвержденной Порядком № 1-12.

Кроме того, статьей 62 Закона Украины «О пенсионном обеспечении» от 05.11.1991 № 1788-XII предусмотрено, что основным документом, подтверждающим стаж работы, является трудовая книжка.

Аналогичное предписание содержится и в п. 1 Порядка подтверждения имеющегося трудового стажа для назначения пенсий при отсутствии трудовой книжки или соответствующих записей в ней, утвержденного Постановлением Кабинета Министров Украины от 12.08.1993 № 637.

Следовательно согласно вышеупомянутых норм страховой (трудовой) стаж до 31.12.2003, может учитываться без подтверждения уплаты единого взноса, однако требуется соблюдения соответствующие правила, а именно:

- в обязательном порядке в трудовой книжке заявителя должна быть корректная запись (соответствовать требованиям п. 2.14 Инструкции № 58);
- требуется предоставить не менее двух свидетелей работавших в тот же период что и заявитель, у данных свидетелей в обязательном порядке должны быть соответствующие записи в трудовых книжках за оспариваемый период.

Данный порядок является досудебным урегулированием споров и проводится соответствующей комиссией созданной в территориальном органе Пенсионного фонда Донецкой Народной Республики.

Резюмируя указанные выше доводы, следует также отметить, что на данный момент органы Пенсионного фонда не имеют соответствующих полномочий для наложения административных санкций на предприятия, учреждения, организации, которые умышленно или в силу своей некомпетентности предоставляют неверные сведения для назначения пенсии. Усовершенствование полномочий органов Пенсионного фонда Донецкой Народной Республики в сторону их расширения позволит увеличить ответственность организаций по предоставлению документов для назначения пенсии в Донецкой Народной Республике, повысит уровень ответственности предприятий за качество предоставленной информации, а также повысит уровень социальной защищенности работников в части реализации права на получение пенсии.

В свою очередь одной из приоритетных задач стоящих перед Республикой является урегулирование собственного пенсионного законодательства (принятие Проекта Закона Донецкой Народной Республики «Об общеобязательном пенсионном страховании»), а также решение, а не отсрочка проблемы уплаты единого взноса предприятиями, находящимися на территории Донецкой Народной Республики.

Список литературы

1. О применении Законов на территории ДНР в переходный период: Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 № 9-1 / Официальный сайт Правительства Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-soveta-ministrov-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-2-iyunya-2014-g-№-9-1-o-primenenii-zakonov-na-territorii-dnr-v-perehodnyj-period/> (дата обращения: 28.11.2020 г.) – Загл. с экрана.
2. Конституция Донецкой Народной Республики Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 года (с изм., внесенными Законами от 27.02.2015 г. № 17-ИНС, от 29.06.2015 г. № 63-ИНС, от 11.09.2015 года № 92-ИНС)/ Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 06.12.2020). – Загл. с экрана.
3. Об общеобязательном государственном пенсионном страховании: Закон Украины от 09.07.2003 № 1058 / Официальный сайт Верховной Рады Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1058-15> (дата обращения: 16.12.2020). – Загл. с экрана.
4. Временный порядок о сборе и учете единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование на территории Донецкой Народной Республики: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 18.04.2015 № 6-7 / Официальный сайт Правительства Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravdnr.ru/npa/postanovlenie-soveta-ministrov-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-18-aprelya-2015-g-%E2%84%96-6-7-ob-utverzhdenii-vremennogo-poryadka-o-sbore-i-uchete-edinogo-vznosa-na-obshheobyazatelnoe-gosudar/> (дата обращения: 16.12.2020). – Загл. с экрана.

5. Временный порядок формирования, ведения и использования сведений из Реестра застрахованных лиц Государственного реестра общеобязательного социального страхования Донецкой Народной Республики: Постановление Правительства Донецкой Народной Республики от 05.07.2019 № 14-6 / Официальный сайт Правительства Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravdnr.ru/npra/postanovlenie-pravitelstva-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-05-iyulya-2019-g-№-14-6-ob-utverzhenii-vremennogo-poryadka-formirovaniya-vedeniya-i-ispolzovaniya-svedenij-iz-reestra-zastr/> (дата обращения: 14.12.2020). – Загл. с экрана.
6. О включении в страховой стаж периода работы на предприятиях угольной отрасли Донецкой Народной Республики: Распоряжение Главы Донецкой Народной Республики от 18.07.2017 № 288 / Официальный сайт Пенсионного фонда Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pfdnr.ru/images/norm_akt/228.PDF (дата обращения: 14.12.2020). – Загл. с экрана.
7. О включении в страховой стаж периодов работы на предприятиях угольной промышленности Донецкой Народной Республики: Постановление Правительства Донецкой Народной Республики от 19.06.2020 № 28-12 / Официальный сайт Правительства Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravdnr.ru/npra/postanovlenie-pravitelstva-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-19-iyunya-2020-g-%E2%84%96-28-12-o-vklyuchenii-v-strahovoj-stazh-periodov-raboty-na-predpriyatiyah-ugolnoj-otrasli-doneczkoj-narodnoj/> (дата обращения: 14.12.2020). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 28.12.2020 г.

THE INFLUENCE OF THE FACT OF PAYMENT OF A SINGLE CONTRIBUTION ON MANDATORY SOCIAL INSURANCE IN THE APPOINTMENT OF PENSIONS IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

This paper discusses topical issues such as the payment of a single contribution to compulsory state social insurance and the impact of this fact when assigning a pension in the Pension Fund of the Donetsk People's Republic.

Keywords: single contribution to compulsory state social insurance, Pension fund, pension, reporting.

Ефремова Анна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: a.efremova@donnu.ru

Efremova Anna

Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor of the Department of Civil Law and
Procedure of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: a.efremova@donnu.ru

Цокур Артем Анатольевич

студент юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: tsokur.art@yandex.ru

Tsokur Artem

law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: tsokur.art@yandex.ru

УДК 340.114

Липидус О. С.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются и анализируются некоторые проблемы участия гражданского общества в формировании правового государства. Автор отмечает, что именно гражданскому обществу в условиях формирования правового государства должна принадлежать ключевая роль в формировании правовых норм в процессе правотворчества.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, Конституция, правотворчество, парламент.

Среди многочисленных теорий происхождения государства и его генезиса в направлении правового государства важное значение приобретают те, которые определяют ее как результат общественного развития. Государство как публично-правовой союз народа является правовым при условии, что основой его функционирования является право, как легитимированные обществом нормы, детерминированные достигнутым обществом уровнем морали и этики, что гарантирует права и свободы граждан, ограничивает государство, а государственная власть осуществляется на принципах верховенства права и разделения властей [3, с. 58–69].

Исходя из этого, именно гражданскому обществу в условиях формирования правового государства должна принадлежать ключевая роль в формировании правовых норм в процессе правотворчества. Исходя из реалий, О. Ф. Скакун определяет правотворчество как правовую форму деятельности государства с участием гражданского общества (в предусмотренных законом случаях) в установлении (санкционировании), изменении или отмене юридических норм.

Таким образом, в современных условиях, процесс создания новых правовых норм осуществляется непосредственно государством или с его предварительного согласия. Гражданское общество в таком случае отождествляется с народом, играет промежуточную роль, а его возможности в создании права весьма ограничены [8, с. 317–318]. Тем более ограниченными являются возможности его участия в процессах законотворчества, которое в соответствии с Конституцией отнесена к исключительной компетенции Народного Совета Донецкой Народной Республики (далее – ДНР).

Вопросам участия гражданского общества в формировании правового государства посвящены работы многих ученых, среди которых можно выделить В. С. Журавского, А. П. Зайца, А. Н. Колодий, В. В. Копейчикова, О. Ф. Скакун, В. Н. Тимченко, В. М. Шаповала и др. В то же время, в условиях формирования гражданского общества и законодательства Донецкой Народной Республики данные вопросы не утратили своей актуальности.

© Липидус О. С., 2020

Цель статьи заключается в исследовании актуальных вопросов, связанных с особенностями участия гражданского общества в формировании правового государства.

В отдельные исторические периоды получало распространение прямое народоправление, которое понималось как высшее проявление демократии. В соответствии с ним все решения в сфере права должны были приниматься или народом, или – особенно в сфере государственного устройства – приобретать юридическую силу только после утверждения суверенным народом.

Однако эта концепция участия народа в правотворчестве широкого распространения не получила, вызвала и продолжает вызывать ряд возражений. Признавая полезным сочетание прямого народовластия с функциями народного представительства, большинство теоретиков-государственников предпочитают представительскую демократию непосредственной [4, с. 19]. При этом обращается внимание на то, что попытки осуществления прямого народовластия главным образом наблюдались в рамках небольших государственных образований. Дж. Милль этому поводу отмечал: «Так как в обществе, даже если оно по размерам превышает маленький город, все его члены могут принять участие только в незначительной части общественных дел, то идеальным типом формы правления может быть только представительная» [6, с. 34–35].

Исходя из этого, с одной стороны, в процессе формирования правового государства участие гражданского общества в процессе правотворчества должна постепенно активизироваться. Это, очевидно, должно быть связано с формированием высокого уровня правосознания, общественной мысли, правовой культуры.

С другой стороны, реализуя принцип верховенства права, правовое государство должно максимально учитывать интересы различных социальных групп и слоев, которые согласно Конституции участвуют в формировании государства, в первую очередь, ее единственного представительского органа – Народного Совета ДНР.

Современный парламент, как важная составляющая правового государства, с одной стороны отражает такой значимый компонент демократического строя, как участие народа в формировании политических властных институтов, а с другой – свидетельствует о политической ответственности органов государственной власти перед народом. Нынешний парламентаризм в его широком смысле является политическим механизмом отражения общественных интересов через выборный институт политической власти. Исходя из этого, парламентаризм можно рассматривать как механизм саморегулирования общества, форму организации государственной власти, которое обеспечивает вместе с правосудием верховенство права.

Парламентаризм является результатом генезиса гражданского общества, однако он содержит не только механизм прямого влияния общественных интересов на государство, использование публично-властных институтов с целью саморегулирования. Это механизм обратной связи между государством как управляющей, регулирующей системой и обществом. Так как парламент представляет собой такой институт публичной власти, который непосредственно формируется обществом, то от него зависит общественное регулирование, и

проходит, в том числе это, как реакция общества в лице избирательного корпуса на неадекватное отражение парламентом общественных потребностей, как замена одного состава парламента другим, способным в основном отражать интересы общества, или хотя бы его большинства.

Гармония гражданского общества и законодательной власти должна быть особенно развита. С одной стороны, выбирая своих представителей в первую очередь в мажоритарных округах, да и по партийным спискам, конкретные субъекты избирательного права, одновременно и являются субъектами гражданского общества, делегируют народным избранникам большую часть своих прав. Широкий политический спектр парламента, симпатии или антипатии представителей левых или правых политических сил в определенной степени является показателем низкого уровня консолидации общества в целом и недостаточной сформированности элементов гражданского общества в частности.

Механизм законотворчества в ДНР только формируется, поэтому на начальном этапе независимости Республики легитимность предписаний законов, которые принимались парламентом, была недостаточно высокой. В условиях активизации общественных и общественно-политических процессов, либерализации общественной жизни, стало заметным явлением конца 80-начала 90-х годов, когда отдельные акты парламента принимались под сильным общественным давлением, в процессе митингов, демонстраций, пикетирований и тому подобное. Общественное мнение, которое в этот период активно формировалось, опережало процессы законодательной инициативы, и парламент, с одной стороны был единственным законодательным органом, а с другой – выступал ареной острой политической борьбы. В этих условиях активно формировалось гражданское общество, которое активно, преимущественно спонтанно, бессистемно влияло на процесс законотворчества.

Мировая практика показывает значительные возможности реализации результатов референдума. Это в первую очередь касается проблемы самоуправленческих (безгосударственных) решений по его результатам.

Существующая практика легитимации результатов референдума в значительной степени носит черты предыдущего периода. Согласно Конституции СССР 1936 г. термин «референдум» не использовался, зато употреблялось понятие «всенародный опрос». Как следствие – результаты такого опроса в большинстве случаев не имели обязательного значения ни для публичной власти, ни для граждан.

Некоторые исследователи предостерегают относительно ограниченности применения референдума как формы народовластия в условиях, когда гражданское общество еще не сформировано. В частности, существуют значительные предупреждения о возможностях вынесения на всенародное голосование вопросов, которые могут расколоть общество (например, национальная символика, государственный язык и т.д.). Исходя из этого, на общегосударственные референдумы должны выноситься только судьбоносные для общества вопросы, которые бы его консолидировали, укрепляли чувство гражданского патриотизма и личной ответственности за состояние дел в государстве [2, с. 88].

Обратим внимание и на то, что на результаты референдума производит влияние расстановка политических сил в рамках гражданского общества на момент

проведения референдума. Правящие круги и инициаторы референдума всегда сохраняют значительные возможности влияния на его результаты [9, с. 64].

Закрепленной в Конституциях некоторых стран (например, Италия, Австрия, Испания, Швейцария) является форма народовластия в виде народной законодательной инициативы. Она расширяет возможности для законотворчества общества и способствует решению ключевых вопросов.

Одним из определяющих признаков правового государства является признание основного социального вектора во взаимоотношениях между человеком и государством в направлении «от человека к государству». Указанную идею закрепляет ст. 3 Конституции ДНР, с которой начинается изложение официальной, провозглашенной Основным законом, философии прав человека. Государство не всевластно в отношении человека, оно должна осуществлять свою деятельность в обусловленности с правами и свободами человека. При этом его позитивная ответственность заключается в том, что государство должно создавать различные условия, необходимые для осуществления прав и свобод человека, а отрицательная – в обязательствах возместить те или иные убытки (материальные, моральные), вызванные нарушением прав и свобод человека со стороны органов или должностных лиц государства.

Права и свободы человека, уровень их правового закрепления и реализации в нынешних условиях является решающим показателем уровня развития правового государства и развитости гражданского общества. Права человека неотъемлемы от социальной действительности людей, их общественных отношений, способов бытия индивида. Они органично вплетаются в систему общественных отношений и является нормативной формой взаимодействия людей, упорядочения их связей, координации их поступков и деятельности, упреждения противоречий, противоборства и конфликтов людей, которые объективно необходимы для обеспечения нормального функционирования индивида, общества, государства [7, с. 3].

Как указывает П. М. Рабинович, одним из признаков правового государства является закрепление в Конституции и других законах основных прав и свобод человека. Закрепление прав человека в законах, и в первую очередь в Конституции государства, означает, что государство соглашается определить эти права «основными».

В то же время, в анализе этого взаимодействия следует учитывать, кроме нормативно закрепленных прав еще и принадлежащие к естественным, неотчуждаемым правам человека, которые не всегда зафиксированы законодательством. В их реализации важную роль имеет закрепление принципа неисчерпаемости провозглашенных Конституцией прав и свобод человека и гражданина.

Конституция, которая принимается в условиях существования или развития гражданского общества, нарушает представление о конституции как законе, определяющем не только устройство высших органов государственной власти и управления, но и права и свободы граждан. Согласно Конституции ДНР, государство олицетворяет публичную власть, сферу общественных интересов, а общество – сферу индивидуальных свобод и частных интересов.

Рассматривая различные аспекты и направления влияния гражданского общества на формирование правового государства, следует учитывать и изменение

сущности, задач и характера современного государства, что находит выражение в многочисленных исследованиях отечественных и зарубежных авторов.

М. Манн, в частности, определяет, что на Западе выделяют три группы теорий государства – классовые, плюралистские и элитаристские. подавляющее большинство первых – марксистские. По М. Манну, государство обслуживает не интересы общества в целом, а исключительно интересы отдельных и преимущественно эксплуататорских, состоятельных социальных слоев населения. Плюралистские теории государственности опираются на идею о том, что современные западные государства являются партийными демократиями, где постоянно в поле зрения находится политическая власть, которая через государственный аппарат может функционировать автономно и отражать уровень отношений между государством и обществом [5, с. 37–42].

Современные процессы, происходящие в ДНР, свидетельствуют о наличии диаметрально противоположных явлений. С одной стороны, четко прослеживается кризис государственности, падение, в первую очередь в силу целого ряда политических обстоятельств, доверия населения к государственным органам. Во многих случаях, по сравнению с западными странами, они достигают критически низких отметок.

С другой стороны, наблюдается процесс активного развития государственных органов, рост государственного аппарата, расширение глубины и диапазона его управленческих функций. При таких условиях важным является создание действенных механизмов ограничения государства, которые в первую очередь находятся в плоскости права.

В последнее время доминантой является идея о решающей роли общества, которому призвано служить государство. При этом следует учитывать два важных обстоятельства. Во-первых, современное государство служит всему обществу, а не какой-то отдельной его части. Во-вторых, исходя из народной мудрости о том, что народ имеет ту власть, которую он заслуживает, справедливо положение о том, что общество имеет то государство, уровня развития которого оно само достигло.

В современных условиях приоритеты общественного развития находятся в плоскости либерализма и демократии. Правление большинства с учетом мнения всех на правах консенсуса; непосредственное участие через своих представителей народа в решении государственных дел; принцип разделенного правления, многопартийная система, децентрализация власти – все эти и другие краеугольные камни демократии и либерализма находят распространение во всем цивилизованном мире.

В условиях, когда ни экономически, ни политически общество остается недостаточно структурированным, когда имеются существенные различия в его предпочтениях в разрезе регионов эти процессы отражаются на власти, что в первую очередь проявляется в противоречиях между отдельными ее ветвями.

Гражданское общество участвует в разработке и принятии Конституции, которая определяет ключевые направления формирования правового государства. В то же время, следует учитывать, что конкретные механизмы реализации принципа разделения властей определяются законами, участие которых в формировании гражданского общества ограничено. Каждый субъект государственной власти имеет должен иметь соответствующий закон, регулирующий его деятельность – «О Совете

Министров Донецкой Народной Республики», «О судеустройстве», «О выборах народных депутатов», «О выборах Главы Донецкой Народной Республики», «О местном самоуправлении» и тому подобное.

Характеризуя принцип разделения властей как один из ключевых для правового государства, следует учитывать следующие три обстоятельства. Во-первых, власть, как общее понятие, является определяющим элементом любого государства. Однако элементом политической системы и распределения является не власть вообще, как политическое явление, вокруг которого осуществляется политическая борьба, а определенная система органов власти, и ее осуществляют на основаниях, определенных соответствующими законами. Во-вторых, относительно гражданского общества речь может идти о возможности участия в формировании контроля за деятельностью и высказывания, в случае необходимости, недоверия к любой из ветвей власти. Последнее особенно важно, так как в условиях недостаточной структурированности общества, недостаточного уровня политической и правовой культуры, огромных возможностей средств массовой информации и различных PR-технологий могут иметь место ошибки. В-третьих, согласно Конституции ДНР, предусмотрено разделение на три ветви государственной власти. Что касается органов местного самоуправления, то на таком уровне реализация этого принципа не предусмотрена. При таких условиях гражданское общество имеет значительные рычаги влияния в первую очередь на этом направлении.

Рассматривая проблему участия гражданского общества в формировании правового государства, следует отметить, что подавляющее большинство из форм такого участия носит политический характер. В связи с этим возникает вопрос о политическом участии граждан как индивидов и политического участия гражданского общества в целом в развитии и формировании органов государства и местного самоуправления.

Определяя схему такой деятельности гражданского общества, которая должна быть насущной и базироваться на правовых принципах, американские исследователи Сидни Верба и Норман Най в своей работе «Участие в Америке. Политическая демократия и социальное равенство» выделяют:

- а) добровольную деятельность граждан;
- б) их участие в выборах правителей и представительных органов власти;
- в) их возможности легально (законно) влиять на решения государственных управленцев;
- г) их возможности в отборе кадров государственного управления;
- д) их возможности в формировании государственной политики (формирование политического курса органов власти) [1].

Такая схема участия общества в осуществлении государственными органами полномочий и их формировании является реальной только в условиях правового государства. Условием осуществления названных форм участия в полном объеме является наличие соответствующей нормативно-правовой базы.

Таким образом, гражданское общество является неперенным условием и активным создателем правового государства. Ключевыми направлениями такой деятельности выступают его участие в правотворчестве, формировании и контроле за деятельностью государственных органов.

К сожалению, в ДНР этот процесс только начинается, приоритетным является формирование определенных механизмов, которые бы обеспечили реальное участие граждан в формировании правового государства.

Список источников

1. Verba, S. Participation in America: political equality and social equity / S. Verba, N. H. Nie. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1972.
2. Журавський, В. С. Політична система України: проблеми становлення і розвитку (правовий аспект) / В. С. Журавський. – К.: Парламентське видавництво, 1999. – 112 с.
3. Заєць, А. П. Правова держава в контексті новітнього українського досвіду / А.П. Заєць. – К.: Парламентське вид-во, 1999. – 248 с.
4. Колодій, А. Народовладдя як основа представницької демократії / А. Колодій, В. Копейчиков, М. Цвік // Українське право. – 1995. – № 1. – С. 14–23.
5. Манн, М. Теория государства модерна / М. Манн // Государство и право. Реферативный журнал. – 1997. – № 2. – С. 37–42.
6. Милль, Дж. Стюарт. Представительное правление / Дж. Стюарт Милль; пер. с послед. фр. изд. К. И. Дебу. – [Санкт-Петербург]: тип. СПб. АО «Слово», 1907. – 322 с.
7. Общая теория прав человека / В. А. Карташкин, Н. С. Колесова, А. М. Ларин и др.; руководитель авт. коллектива и отв. ред. Е. А. Лукашева; Ин-т государства и права РАН. – М.: Норма, 1996. – 509 с.
8. Скаун, О. Ф. Теория государства и права / О. Ф. Скаун. – Х.: Консум, 2001. – 656 с.
9. Шаповал, В. М. Конституційне право зарубіжних країн: підручник / В. М. Шаповал. – К.: Юрінком Інтер, 2006. – 496 с.

Поступила в редакцию 15.12.2020 г.

SOME PROBLEMS OF CIVIL SOCIETY PARTICIPATION IN THE FORMATION OF THE LEGAL STATE

The article discusses and analyzes some problems of the participation of civil society in the formation of the rule of law. The author notes that it is civil society in the conditions of the formation of the rule of law that a key role should play in the formation of legal norms in the process of law-making.

Keywords: civil society, rule of law, constitution, law-making, parliament.

Лapidus Оксана Сергеевна
старший преподаватель кафедры
конституционного и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: lapidus.oksana@mail.ru

Lapidus Oksana
Senior Lecturer at the Department of
Constitutional and International Law of
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: lapidus.oksana@mail.ru

УДК 343.46

Липинский В. В.

ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ НОРМ КОДЕКСА ЗАКОНОВ О ТРУДЕ И КОДЕКСА ЗАКОНОВ ОБ ОБРАЗОВАНИИ В 1920-Е ГГ.

В статье рассмотрена эволюция применения уголовно-правовой ответственности в советском трудовом законодательстве в 1920-е годы и создание необходимых условий для реализации гражданами принадлежащих им трудовых прав. Установлены как объективные причины, так и субъективные факторы верховенства прав работника над правами и интересами нанимателя (работодателя). Показано, что именно поэтому правонарушения, представляющие наибольшую общественную опасность в сфере трудовых отношений, были отнесены к числу преступлений, к которым применялась уголовно-правовая ответственность. Проведен анализ целесообразности применения уголовно-правовой ответственности к лицам, нарушающим нормы Кодекса законов об образовании 1922 года.

Ключевые слова: советское трудовое законодательство, уголовно-правовая ответственность, работник, наниматель, заработная плата, охрана труда, школа, образование.

Одной из важнейших задач в экономической функции государства является создание необходимых условий для реализации гражданами принадлежащих им трудовых прав. Кроме этого внутренняя политика государства призвана способствовать соблюдению конституционных принципов, которые связаны не только с безопасными условиями труда и с запретом принудительного труда, но и с заработной платой работника, правом на объединение в профессиональные союзы. Потому в уголовно-правовом порядке сфера труда должна быть защищена комплексом соответствующих норм.

В современных условиях уголовно-правовая защита трудовых прав граждан приобретает особую актуальность, поскольку с развитием монополизации производства, появлением транснациональных корпораций, которые существуют в отрыве от национальных законодательств и применительно к которым традиционного подхода к регулированию государством трудовых отношений становится недостаточно.

В связи с этим ряд правонарушений в сфере труда, представляющих наибольшую общественную опасность, отнесен к разряду преступлений и наказывается в уголовно-правовом порядке.

Цель статьи состоит в том, чтобы определить особенности процесса применения уголовно-правовой ответственности в советском трудовом и гражданском законодательстве, раскрыть предпосылки становления и развития института ответственности работодателя перед работником.

© Липинский В. В., 2020

Применение уголовно-правовой ответственности в советском трудовом и гражданском законодательстве создавало необходимые предпосылки для реализации каждым гражданином, принадлежащих ему трудовых и гражданских прав. Это являлось концептуальной идеей внутренней политики государства. Поэтому сфера труда была защищена комплексом мер, которые способствовали реализации конституционных принципов связанных с получением зарплаты, запретом на применение принудительного труда, деятельностью профсоюзов, созданию здоровых и безопасных условий труда.

В послереволюционный период в советских республиках формировалось новое правосознание трудящихся, которое вытекало из политики диктатуры пролетариата и отражало принцип доминирования большинства над меньшинством. Иными словами «верховенства их прав над правами и интересами нанимателя (работодателя), а наниматель (работодатель) в сложившейся ситуации находился под жестким правовым и идеологическим контролем объединений работников и государства» [1, с. 105].

На наш взгляд следует согласиться с мнением М. А. Ключкова и Ю. Н. Полетаева, которые относят советский период к «очередному становлению и развитию института ответственности работодателя перед работником» [2, с. 112].

Закрепленные в Кодекс законов о труде 1918 года нормы, впервые защитили трудовые права женщин, предоставили ряд гарантий для беременных женщин и женщин, имеющих детей. Женщины получили преимущественное право сохранить рабочее место при сокращении штатов, в случае беременности освобождались на 8 недель от работы до родов, и на 8 недель после родов. После выхода на работу для кормящих матерей в течение рабочего дня были установлены перерывы для кормления.

Дальнейшее расширение прав работников было закреплено в Кодексе законов о труде 1922 года, где работники получили еще более обширные права. Так, в Кодексе 1922 года был впервые установлен перечень оснований для расторжения трудового договора по инициативе работника, а перевод на другую работу осуществлялся с согласия работника. Так же впервые был урегулирован порядок разрешения трудовых споров.

Следует отметить, что в эти годы законодатель уделял особое внимание ответственности за нарушение условий и охраны труда. Так в апреле 1922 года СНК издает декрет «О наказаниях за нарушение постановлений об охране труда». При составлении Уголовного кодекса РСФСР 1922 года указанные выше нормы практически без изменений вошли в состав статьи 132 Кодекса, которая предусматривала широкий круг деяний, за совершение которых предусматривалось наказание. Наряду с нарушением специальных правил охраны труда уголовная ответственность могла наступать также за нарушение положений о тарифе, продолжительности рабочего дня, сверхурочных часах, ночной работе, приеме и увольнении [3, с. 82].

Имплементация указанных норм привела к существенному улучшению положения работников, увеличению их прав и значительному ограничению власти работодателей.

Кодекс законов о труде 1922 года был сформирован в условиях развития новой экономической политики государства, которая основывалась на развитии рынка и товарно-денежных отношений, а принимаемые нормативные акты в сфере регулирования труда были направлены на расширение и охрану прав работников, а не работодателей. В эти годы отменялась трудовая повинность и трудовые армии, а трудоустройство осуществлялось в порядке добровольного найма.

В этой связи, следует поддержать мнение Е. В. Аббасова и В. А. Васильева о том, что главное значение КЗоТ 1922 года заключалось в «регулировании трудовых отношений в условиях новой экономической политики, когда на государственном уровне была признана необходимость развития рынка, а граждане РСФСР получили право трудоустраиваться в порядке добровольного найма» [4, с. 28].

Именно поэтому правонарушения, представляющие наибольшую общественную опасность в сфере трудовых отношений, были отнесены к числу преступлений, к которым применялась уголовно-правовая ответственность.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 года были установлены преступления, которые посягали на трудовые права граждан. К их числу следует отнести уголовную ответственность за совершение широкого круга деяний, которые относились к рабочему времени и времени отдыха, незаконному увольнению работников, нарушениям в области оплаты труда, использования труда женщин и подростков (ст. 132). Кодекс 1922 года содержал нормы защиты профсоюзных организаций, и заключенных ими с нанимателем коллективных договоров (ст. 133, 134). По мнению В. В. Лисицына, это представляет собой уникальный случай, когда нормы уголовного законодательства были призваны защищать нормы договорного права [5, с. 55].

Дальнейшее развитие уголовно-правовая ответственность за нарушение трудового законодательства получила в Уголовном кодексе РСФСР в редакции 1926 года. Уголовное законодательство этого периода было направлено на максимальный охват в сфере охраны труда. Например, ст. 133 Кодекса предусматривала ответственность за нарушение законов, регулирующих применение труда, а также законов и правил об охране труда и социального страхования.

Согласно УК РСФСР 1926 года ответственность предусматривалась не только в случае, когда потерпевшим являлся один работник, но и тогда, когда нарушение затрагивало и группу работников. Кроме этого уголовная ответственность дифференцировалась в зависимости от вида нормативного акта. В частности эти нормы применялись к нормативным актам, регулирующим отношения в сфере охраны труда. Так, согласно ч. 1 ст. 133 УК РСФСР 1926 года более строгое наказание для работодателей, применялись к лицам, которые нарушали положения об охране труда. В тоже время нарушения правил охраны, предусмотренные постановлениями и приказами Народного комиссариата труда и органами власти на местах, наказывалось менее строго, что нашло отражение в ч. 4 ст. 133 Кодекса.

Характерной особенностью УК РСФСР 1926 года являлось значительное расширение уголовно наказуемых деяний, где фактически любое нарушение в сфере применения наемного труда каралось уголовным преследованием (ст. 133–135) [6, с. 837].

Уголовно-правовая ответственность в трудовом и гражданском законодательстве в 1920-е годы широко применялась и в других советских республиках. Нормы УК ФСФСР в 1920 годы применялись на территории Казахстана. А в УССР в 1922 году наряду с УК и Кзот был принят Кодекс законов об образовании. Сфера получения образования открывала доступ широких слоев трудящихся к свободному получению всех видов образования, как общего, так и специального (профессионального).

Развитие сети общеобразовательных школ в 1920-е годы было основано на новом концептуальном подходе к единой трудовой школе как главной организационной форме учебной и воспитательной работы. Нормативно-правовое регулирование формирования школьной сети находилось под постоянным контролем правительства УССР. 30 июля 1924 ВУЦИК и СНК УССР приняли Постановление о введении в УССР обязательного начального образования [7, с. 170]. Данное Постановление предусматривало полный охватить детей школьного возраста начальным образованием в течение шести лет (1924–1930 гг.). В соответствии с указанным Постановлением СНК УССР утвердил Положение о школьной сети, центральной, губернской и окружных сетевых комиссиях, определил типы школ, комплект учеников и издал инструкцию о построении школьной сети в УССР [8, с. 218]. Дальнейшее нормативно-правовое закрепление обязательное начальное образование получило в специальном решении ВУЦИК и СНК УССР от 5 августа 1925 и в постановлении ВУЦИК и СНК УССР от 28 октября 1925 «О проведении в УССР общего образования» [8, с. 157]. Постановление включало разделы об обязательности образования, обеспечении школ помещениями и учителями.

УССР раньше других советских республик применила законодательное закрепление обязательного начального образования. В условиях неграмотности населения, голода, хозяйственной разрухи и массовой детской беспризорности была установлена уголовно-правовая ответственность родителей за отказ от регистрации детей (ст. 57) и за совершение ими преград к посещению школы (ст. 79) УК УССР.

На основе принятых правительством решений в 1925 Наркомпрос подготовил пятилетний план осуществления обязательного начального образования, рассчитанный на 1925/26–1929/30 учебный год. Впоследствии (в 1926 г.) этот план был переработан в трехлетний.

Применение уголовно-правовой ответственности к лицам, нарушающим права учащихся, было вызвано необходимостью проведения в кратчайшие сроки «культурной революции», которая ставила целью покончить с неграмотностью, как функциональной, так и с неграмотностью технической. Без этого проведение индустриализации в стране оставалось простым, добрым пожеланием. Решающее значение в деле обучения грамотности взрослых имело постановление СНК УССР «О борьбе с неграмотностью» от 21 мая 1921 [9, с. 254]. Это Постановление обязывало все население УССР от 5 до 50 лет учиться грамотности на родном языке. Кроме этого, Постановление устанавливало уголовную ответственность для лиц, «уклоняющихся от установленной данным декретом повинности и лиц, которые препятствуют неграмотному посещать школу». Наряду с установлением

уголовно-правовой ответственности к лицам, нарушающим права учащихся, Постановление предусматривало формирование сети школ для взрослых на базе единых трудовых школ, клубов, культовых сооружений, в помещениях фабрик и заводов [9, с. 255]. Также устанавливалось сокращение рабочего времени для лиц, обучающихся грамоте. Согласно Постановлению рабочие, которые обучались грамоте освобождались от работы на 2 часа с сохранением заработной платы.

Указанные правовые нормы привели к значительному расширению сети школ для взрослых на фабриках и заводах, где преобладали члены профсоюзов. Весной 1923 численность неграмотных среди членов профсоюзов сократилось до 117 тыс. из них 50 тыс. находились в Донецкой губернии [10, с. 64].

Таким образом, применение уголовно-правовой ответственности в советском трудовом и гражданском законодательстве в 1920-е годы создавало необходимые предпосылки для реализации политики Коммунистической партии в сфере труда и сфере получения гражданами образования. Эта политика устанавливала законодательно закреплённый приоритет верховенства прав трудящихся над правами и интересами нанимателя. Аналогичный приоритет устанавливался и в сфере образования, получение которого становилось не только правом, но и обязанностью гражданина, а лица, препятствующие его получению, привлекались к уголовной ответственности.

Список источников

1. Кудрин, А. С. О формировании элементов воздействия на трудовые отношения в первые годы существования Советского государства / А. С. Кудрин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 3. – С. 102–107.
2. Ключков, М. А. Материальная ответственность работодателя перед работником: теоретические и практические аспекты: научно практическое пособие / М. А. Ключков, Ю. Н. Полетаев. – М.: Проспект, 2016. – 240 с.
3. Вешняков, Д. Ю. Эволюция законодательства об уголовной ответственности за нарушение правил охраны труда / Д. Ю. Вешняков // Вестник СПбГУ. – Сер. 14. – 2012. – Вып. 1. – С. 82–85.
4. Аббасова, Е. В. Развитие управления дисциплиной труда представительными органами работников / Е. В. Аббасова, В. А. Васильев // Российская юстиция. – 2016. – № 2. – С. 27–29.
5. Лисицын, В. В. Примирительное посредничество в сфере урегулирования хозяйственных и иных имущественных споров (первые годы советской власти) / В. В. Лисицын // Российский следователь. – 2014. – № 11. – С. 52–56.
6. Сагандыков, М. С. Потенциал уголовного законодательства в сфере защиты трудовых прав граждан (на примере ст. 136 УК РФ) / М. С. Сагандыков, Г. Х. Шафикова // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 6. – С. 836–844.
7. СУ и Р УССР. – 1924. – № 50.
8. СУ и Р УССР. – 1925. – № 20.
9. СУ и Р УССР. – 1921. – № 9.
10. Липинский, В. В. Становление и развитие новой системы образования в УССР в 1920-е годы / В. В. Липинский. – Донецк: РИА ДонНТУ, 2000. – 247 с.

Поступила в редакцию 26.11.2020 г.

THE EVOLUTION OF SOVIET LEGISLATION ON CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF THE LABOR CODE AND THE EDUCATION CODE IN THE 1920'S

The article examines the evolution of the application of criminal liability in the Soviet labor legislation in the 1920s and the creation of the necessary conditions for citizens to exercise their labor rights. Both objective reasons and subjective factors of the rule of the employee's rights over the rights and interests of the employer (employer) have been established. It is shown that this is precisely why the offenses that pose the greatest social danger in the field of labor relations were classified as crimes to which criminal liability was applied. The analysis of the expediency of applying criminal liability to persons who violate the norms of the 1922 Code of Laws on Education is carried out.

Keywords: Soviet labor legislation, criminal liability, employee, employer, wages, labor protection, school, education.

Липинский Виталий Владимирович
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
и процесса ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: Lipinskiyv@mail.ru

Lipinsky Vitaly
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Civil Law
and Procedure of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: Lipinskiyv@mail.ru

УДК 341.4

Одегова Л. Ю.
Сокур А. С.

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ «ЭКОЦИД»

В статье рассматриваются различные подходы к определению понятия «экоцид» на международном уровне и в юридической науке. Установлено, что экоцид является международным преступлением, которое имеет значительную общественную опасность, и направлено посягательство на создание угрозы жизни населению конкретного государства и человечества в целом. На основании проанализированных подходов сформулировано, что экоцид – международное экологическое преступление, которое совершается как в период вооруженного конфликта или военных действий, так и в мирное время с целью нанесения ущерба окружающей среде и антропогенным объектам, которое влечёт за собой экологическую катастрофу и угрозу безопасности человечества.

Ключевые слова: экоцид, преступления против мира и безопасности человечества, международные преступления, окружающая среда, экологическая катастрофа.

Актуальность данного исследования обусловлена значительным снижением уровня оптимального состояния окружающей среды с экологической позиции, а также негативной тенденцией несоблюдения требований экологической безопасности как на международном, так и на национальном уровнях, при том, что поддержание благоприятного экологического состояния окружающей среды является одним из критериев дальнейшего существования и сохранения всего человечества.

Рассмотрение понятия «экоцид» в юридической науке важно для разрешения вопросов квалификации и разграничения экоцида от иных смежных составов. Анализ различных подходов к определению данного понятия в правовой доктрине представляет собой несомненный научный интерес.

Целью данного научного исследования является уточнение понятия «экоцид» и формулирование дефиниции на основе проанализированных подходов к пониманию данного понятия.

Для достижения указанной цели были решены следующие задачи: анализ непосредственного применения международно-правовых норм в регламентации преступления экоцида и анализ закрепления понятия «экоцид» в международном праве и в юридической науке.

Теоретической основой данного исследования стали научные работы авторов в области международного права, конституционного права, уголовного права, экологического права, общей теории права. При этом необходимо особо выделить труды следующих учёных: О. Ю. Греченкова, В. М. Дикусар, Л. А. Прохоров,

Г. А. Мошко, С. В. Скакун, А. П. Алексеева, А. П. Анисимов, Н. Н. Анникова и других.

Наличие соглашений по охране окружающей среды на международном уровне является необходимым элементом и одним из наиболее эффективных результатов взаимодействия международных организаций и государств по вопросам недопущения причинения вреда окружающей среде и самому человеку [1, с. 173]. Основными международными актами по охране окружающей среды и противодействию экологическим правонарушениям являются:

- Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды от 25.06.1998 г., принятая в Орхусе;

- Декларация по окружающей среде и развитию от 14.06.1992 г., принятая в Рио-де-Жанейро;

- Всемирная Хартия природы от 28.10.1982 г., принятая в Рио-де-Жанейро;

- Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния от 13.11.1979 г., принятая в Женеве;

- Конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью от 29.11.1969 г., принятая в Брюсселе;

- Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства от 04.11.1998 г., принятая в Страсбурге;

- Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 10.12.1976 г., принятая в Женеве;

- Положение о законах и обычаях сухопутной войны от 18.10.1907 г., принятое в Гааге;

- Дополнительный Протокол I к Женевским Конвенциям от 12.08.1949 г., касающийся защиты жертв международных вооружённых конфликтов, принятый в Женеве, и другие.

Целый ряд международных межправительственных организаций (таких как ООН, ЮНЕП, ЮНЕСКО, ВМО, МСОП, ИМО, ФАО, МАГАТЭ и др.), а также более 200 международных неправительственных организаций занимаются вопросами экологии и проблемами её сохранения, поддержания допустимого состояния окружающей среды, а также неоднократно обращались к вопросу криминализации экоцида в предыдущем столетии.

В 1954 г. на шестой сессии Комиссии международного права Организации Объединенных Наций (далее – КМП ООН) был разработан проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Данный проект Кодекса содержал положения, которые регламентировали преступления, наносящие серьёзный ущерб окружающей среде. На последующих сессиях КМП ООН некоторые государства выступили против закрепления определённых статей в данном проекте Кодекса и было принято решение об исключении составов, регламентирующих нанесение значительного ущерба окружающей среде [2, с. 141].

Известный шотландский адвокат и экологический лоббист Полли Хиггинс принимала активное участие в разработке нормативной базы по вопросам экоцида,

а также совместно с единомышленниками безуспешно лоббировала КМП ООН, пытаясь добиться признания экоцида международным преступлением и настаивая на внесении поправки к Римскому статуту о том, что экоцид, значительный ущерб или разрушение экосистем, следует рассматривать как пятое преступление против мира [3, с. 256].

П. Хиггинс со своими коллегами подготовили законопроект под названием «Закон об экоциде», который предусматривал международную юридическую обязанность по оказанию помощи лицам, принимающим решения на высоком уровне, для предотвращения риска и фактического массового экологического ущерба и разрушения, а также содержал положения о необходимости узаконить юридический долг по оказанию помощи правительствам, которые обязывались помочь странам с целью предотвращения риска причинения значительного и долгосрочного экологического ущерба, а также предотвращения гибели всего человечества. Осуществление действий по предотвращению и запрету экоцида как антропогенного, так и естественного являлось основной идеей данного законопроекта [3, с. 257]. Таким образом, следует признать, что в основных международных актах не было сформулировано и закреплено унифицированное понятие «экоцид», которое бы в полной мере характеризовало данное международное преступление.

Изучив Женевскую Конвенцию от 10.12.1976 г. можно констатировать, что в содержании конвенции также не был закреплён термин «экоцид», однако, были охарактеризованы основные признаки для определения понятия, характеризующего данное преступление. Термин «средства воздействия на природную среду» относится к любым средствам для изменения состава или структуры Земли, включая ее биоту, атмосферу, гидросферу, литосферу, космическое пространство путём намеренного воздействия на природные процессы. При этом, подробное перечисление составляющих элементов окружающей среды позволяет сформировать только основу для определения дефиниции «экоцид», однако не является полным и всеобъемлющим его понятием.

В свою очередь Дополнительный Протокол I к Женевским Конвенциям от 12.08.1949 г., принятый на дипломатической конференции в Женеве 08.06.1977 г., содержит нормативные положения, которые регламентируют защиту окружающей природной среды от различного рода ущерба при ведении военных действий. Защита природной среды предполагает запрет использования средств и методов, которые могут причинить ущерб окружающей среде, и, как следствие, здоровью населения. Важно понимать, что экологический ущерб окружающей среде может быть нанесён не только в процессе военных действий, создавая реальную угрозу экологической катастрофы, но и вне зависимости от ведения вооруженных конфликтов.

Необходимо отметить, что в научной литературе существуют различные подходы к формулировке понятия «экоцид». Так, под экоцидом понимается полное уничтожение экосистемы, а также данное понятие рассматривается по составляющим критериям: нанесение ущерба атмосферному воздуху, водным и лесным ресурсам, уничтожение растительного и животного мира, что может привести к экологической катастрофе [4, с. 39].

Термин «экоцид» был введен в научный оборот американским ученым, профессором Йельского университета Артуром Гальстоном в 1970 г. При этом до сих пор продолжаются споры о том, кто впервые ввёл понятие «экоцид» [5, с. 336–339].

Изначально термин «экоцид» берет свои истоки от греческих и латинских корней, где *oikos* (греч.) – дом, родина, а *caedere* (лат.) или *cida* (греч.) – уничтожать. Термин обладает схожестью со значением биоцида, где *bios* (греч.) – жизнь, а *caedere* (лат.) или *cida* (греч.) – убивать. Термин также обладает схожестью со значением геноцида, где *genos* (греч.) – род, а *caedere* (лат.) или *cida* (греч.) – убивать, уничтожать [6, с. 366]. Проанализировав греческие и латинские корни данных понятий, можно охарактеризовать их общие признаки как активные действия, которые направлены на уничтожение жизни в целом, т.е. человечества, окружающей среды обитания и жизни в широком смысле. Экоцид представляет собой одно из наиболее тяжких противоправных деяний, посягающих на мир и безопасность человечества в целом, т.к. фактически уничтожает среду обитания человека. Совершение деяний, квалифицируемых как экоцид, направлено на уничтожение естественной среды обитания человека и его здоровья, на уничтожение человечества в целом, кроме того оно влечет за собой негативные последствия, которые могут привести к экологической катастрофе.

В толковом терминологическом словаре «Экология и охрана окружающей среды» понятие «экоцид» трактуется как преднамеренные действия, направленные на разрушение среды обитания организмов при помощи дефолиантов и гербицидов, результатом применения которых является полное истребление жизни на значительных территориях.

Дальнейшие исследования вопроса о толковании дефиниции «экоцид» позволили установить, что Э. Л. Милованов и Е. А. Вейцман под «экоцидом» понимают преднамеренное губительное воздействие на окружающую среду, по мнению Н. Е. Яценко, экоцид – это уничтожение среды обитания человека [7]. Представляется, что приведенные толкования термина не являются безупречными, поскольку не позволяют в достаточной степени и всесторонне охарактеризовать экоцид.

А. М. Плешаков понимает под экоцидом умышленное действие или совокупность действий, которые направлены на причинение невосполнимого ущерба природе, результатом чего является нарушение экологической взаимосвязи отдельного региона или их группы с естественной средой обитания человека, а также любое другое негативное воздействие на окружающую среду с целью создания условий, направленных на полное или частичное уничтожение различных национальных, этнических, расовых или религиозных групп [8, с. 82].

Данная формулировка представляется более точной, т.к. содержит указание на умысел как форму вины, свойственную субъективной стороне состава преступления. Также в приведенной дефиниции указано, что результатом воздействия на окружающую природную среду являются негативные факторы, препятствующие благополучному существованию человека, в силу чего целью экоцида можно определить создание условий, направленных на уничтожение

человеческого рода и жизни в целом. Кроме того, в данном определении экоцид имеет черты формального и материального составов [9, с. 121].

На основании рассмотренных вариантов определения исследуемого понятия можно изложить данную дефиницию следующим образом: экоцид – международное экологическое преступление, совершаемое как в период вооруженного конфликта (военных действий), так и в мирное время с целью нанесения ущерба окружающей среде и антропогенным объектам, которое влечёт за собой экологическую катастрофу и угрозу безопасности всего человечества.

Следует отметить, что негативным результатом экоцида выступает вред, который наносится экологической среде. При этом порой экоцид наносит такой ущерб экологии, который зачастую оказывает трансграничное влияние на окружающую среду, последствием чего может стать реальная угроза экологической катастрофы.

Закрепление экоцида в основных международных актах, запрещающих негативное воздействие на окружающую среду, позволит оказывать предупредительное воздействие на государства и контролировать принимаемые ими решения, реализация которых может повлечь за собой экологический вред или привести к экологической катастрофе. В случае же совершения противоправных действий предусмотренных в международных актах такое поведение будет квалифицировано как международное преступление, следствием чего станет применение соответствующих мер ответственности. Осуществление криминализации экоцида на международном уровне как преступления против мира и безопасности человечества также поспособствует эффективному изменению национального законодательства об охране окружающей среды, а кроме того будет содействовать более эффективной реализации мер по развитию экологической безопасности и защите окружающей среды.

Список источников

1. Сокур, А. С. Экоцид как международное преступление против мира и безопасности человечества / А. С. Сокур // Сборник материалов XLVII международной студенческой научно-практической конференции. Южный федеральный университет. – Ростов-наДону. – 2020. – С. 172–174.
2. Сокур, А. С. Экоцид – преступление против мира и безопасности человечества / А. С. Сокур // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – 2020. – Вып. 12, том 4, часть 2. – С. 138–143.
3. Алиев, А. А. Международный закон экоцида – потенциальный инструмент против экологического ущерба / А. А. Алиев // Издательство: Чеченский государственный университет (г. Грозный). – 2018. – № 1. – С. 256–259.
4. Прохоров, Л. А. К вопросу об определении содержания понятия «экоцид» / Л. А. Прохоров // Журнал: Очерки новейшей камералистики. – 2019. – № 1. – С. 38–40.
5. Иногамова-Хегай, Л. В. Уголовное право РФ / Л. В. Иногамовой-Хегай. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 352 с.
6. Дедю, И. И. Экологический энциклопедический словарь / И. И. Дедю – Кишинев: Гл. ред. Молд. совет. энцикл., 1989. – 406 с.

7. Греченкова, О. Ю. Экоцид как преступление против мира и безопасности человечества: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; Уголовно-исполнительное право / О. Ю. Греченкова; Науч. рук. А. Г. Кибальник. – Краснодар, 2007. – 26 с.
8. Плешаков, А. М. Экологические преступления против мира и безопасности человечества / А. М. Плешаков // Государство и право. – 1994. – № 7. – С. 81–90.
9. Одегова, Л. Ю. Генезис понятия «экоцид» / Л. Ю. Одегова, А. С. Сокур // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции. – Том 8. Часть 1. – С. 119–122.

Поступила в редакцию 15.12.2020 г.

GENESIS OF THE CONCEPT «ECOCID»

This article discusses various approaches to the definition of «ecocide» at the international level and in legal science. It has been established that ecocide is an international crime that has a great social danger due to the orientation of the encroachment on creating a threat to the life of the population of a particular state and humanity as a whole. On the basis of the analyzed approaches, it was formulated that ecocide is an international environmental crime that is committed both during an armed conflict or hostilities, and in peacetime with the aim of causing damage to the environment and anthropogenic objects, which entails an environmental catastrophe and a threat to human security.

Keywords: ecocide, crimes against the peace and security of mankind, international crimes, environment, ecological disaster.

Одегова Людмила Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного
и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: odegova@donnu.ru

Odegova Ludmila

Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Constitutional and
International Law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: odegova@donnu.ru

Сокур Анастасия Сергеевна

студентка юридического факультета ГОУ
ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: nastya.sokur.555@gmail.com

Sokur Anastasiya

law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: nastya.sokur.555@gmail.com

УДК 343.974

Олейникова А. В.

Гокунь Ю. С.

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Статья посвящена проблеме защиты культурной безопасности, рассматриваемой через призму посягательств на отечественную культуру в части искажения представлений о советском периоде и выставлении его в негативном свете, а также в реабилитации фашизма, нацизма и национализма. Дан ретроспективный анализ событиям, которые предшествовали возникновению и развитию украинского неонационализма. Определены меры, направленные на обеспечение культурной безопасности как элемента национальной безопасности Донецкой Народной Республики.

Ключевые слова: отечественная культура, культурная безопасность, национальная безопасность, история, неонационализм.

Для всех современных государств обеспечение надлежащей культурной безопасности как составляющего элемента национальной безопасности следует признать одной из стратегически важных задач. При этом, по нашему мнению, данная задача представляется первостепенной именно для молодых развивающихся государств, к числу которых относится Донецкая Народная Республика.

Культурная безопасность и вопросы её обеспечения исследовались рядом учёных, среди которых: Верминенко Ю. В., Ершов Н. В., Хмелевский С. В., Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П., Якунин В. И., Ефремова О. Ю., Голобородько А. Ю., Романова А. П., Толстых В. И., Маршак Л. А., Панчев А., Сулакшин С. С., Мармилова В. О., Ширяев В., Багдасарян В. Э., Дискин И. Е., Сафонова Ю. А., Щукина Е. Л., Деева М. В., Чёрный В. В., Тонконогов А. В., Кара-Мурза С. Г., Колин К. К., Сергеев В. В., Агафонов А. Ю., Цыкало А. В. и др. При этом, обратим внимание на то, что вопросы культурной безопасности Донецкой Народной Республики ранее изучены не были, в связи с чем актуальным становится проведение исследования защиты отечественной культуры как способа защиты культурной безопасности Республики, чему и посвящена данная работа.

Приоритетность защиты культурной безопасности в недавно образовавшихся государствах объясняется тем, что на них значительно проще негативно повлиять как извне, так и снаружи. Такое влияние оказывается несколькими способами, которые предположительно возможно разделить на новые и традиционные. К новым способам целесообразно отнести войны нового поколения, среди которых информационные, психологические, гибридные, сетевые, кибернетические и др. [1, с. 111–119]. Традиционные способы включают в себя

© Олейникова А. В., Гокунь Ю. С., 2020

экстремизм, терроризм, уничтожение и осквернение монументов, посвящённых советским воинам-освободителям, политическим и государственным деятелям, а также возрождение фашизма, нацизма и национализма. Отметим, что названные деструктивные явления имеют место не только в новообразованных, но и во многих государствах, история существования которых исчисляется веками. Считаем, что по отношению к Донецкой Народной Республике, как к молодому государству, посягательства на культурную безопасность следует рассматривать через призму посягательств на отечественную культуру в части искажения представлений о советском периоде и выставлении его в негативном свете, а также в реабилитации фашизма, нацизма и национализма, рассматриваемой некоторыми индивидами в качестве положительного явления.

Культура, тесно взаимосвязана с историей, и во все времена, и во всех странах была инструментом государственной идеологии и политики. Ставя в основу исторические факты, те, кому это выгодно, планируют и проводят психологические операции, позволяющие исказить в сознании индивидов и социальных групп разных уровней уже имеющие правдивые сведения и достоверную картину видения событий истории, сформировать ложное представление об исторических фактах, а затем внушить их настолько устойчиво, чтобы вследствие у общественности сложились ложные стереотипы и оценочные суждения.

Отметим, что описанный процесс начался ещё задолго до событий 2014 года. Так, сразу после провозглашения независимости Украины в 1991 году были демонтированы памятники В. И. Ленину в Западной Украине, а затем и в других областях.

«Ленинопад», т.е. снос памятников В.И. Ленину, происходил в следующем порядке:

1) Памятники великому русскому государственному и политическому деятелю осквернялись, а именно поджигались, были облиты красной и черной краской, расписывались в желто-синие цвета государственного флага, из их постаментов были выбиты фрагменты плит;

2) массовый демонтаж;

3) использование постаментов разрушенных и демонтированных памятников, на которых впоследствии устанавливали государственные флаги Украины, размещали пропагандистские плакаты, рисовали виселицы и трезубцы и т.д.;

4) размещение фотографий в сеть Интернет [2, с. 48–49].

В целом, по состоянию на 2017 год в ходе декоммунизации было демонтировано 2389 памятников, из них 1320 памятников Ленина.

Считаем, что действия по демонтажу памятников уничтожают память о В. И. Ленине и одном из наиболее знаменательных периодов в истории России и всего постсоветского пространства. В Донецкой Народной Республике демонтаж памятников не происходил по причине того, что в нашем государстве помнят и ценят своё прошлое и свою историю.

Сам же процесс декоммунизации, происходивший в Украине, нельзя назвать нормальным, т.к. он формирует у её населения не соответствующее действительности представление о Советском Союзе, очерняя его и выставя в

негативных тонах. В нашей Республике процесс декоммунизации невозможен, т.к., в случае его проявления будет иметь место подрыв государственности, что недопустимо. Декоммунизацию, если бы такая происходила в Донецкой Народной Республике, следовало бы признать противоправной, посягающей на её суверенитет и создающей благоприятную почву для возвращения в состав того государства, от которого она стремится получить независимость. Принятие и поддержка нашими гражданами декоммунизации нивелировало бы всё, что было создано в Советском Союзе, равно как и то, что создавалось на протяжении пяти лет и создаётся до сих пор в Донецкой Народной Республике.

Как одно из проявлений уничтожения и отрицания истории своего государства следует признать и демонтаж памятников и мемориалов, посвящённых Великой отечественной войне, происходивший в Украине. Ярким примером таких действий можно назвать демонтаж расположенной во Львове стелы, являющейся частью Монумента славы советским солдатам. Данный тридцатиметровый мемориал признан одним из самых высоких памятников Великой отечественной войне, будет безжалостно разрушен лишь по одной причине – из-за реабилитации украинского национализма.

Следует обратить внимание на то, что ещё во время Великой отечественной войны, власти Западной Украины были крайне негативно настроены против советской армии. Ее действия они считали не освободительными, а наоборот, направленными на завоевание, подчинение и порабощение украинского народа, одновременно с этим прославляя фашистов и содействуя им. Украинский коллаборационизм проявлялся в различных формах сотрудничества и содействия лиц, проживающих на территории Западной Украины и некоторых других областей, с гитлеровскими захватчиками и их сателлитами. Одной из таких форм взаимодействия было так называемое военное взаимодействие, существовавшее в форме совместных действий по борьбе с советской властью, в частности, с активным участием Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армией (УПА), сформированных из граждан Украины. Взаимодействуя с оккупантами, коллаборационисты уничтожали мирное население, поощряли истребление евреев и способствовали ему, руководствуясь националистическими идеями, провозглашая свою независимость от советской власти и «борясь» за неё.

В настоящий момент в Украине наблюдается реабилитация фашизма, нацизма и национализма. После 2014 года начали проводиться шествия и марши с горящими факелами, портретами Степана Бандеры, националистическими лозунгами и символикой, например, с символом «Вольфсангель», являющейся эмблемой немецкой дивизии СС «Дас Райх». В основу идеологии неонационалистов положены те же принципы деятельности, которые использовали их предшественники в 1930–1940 годах. Так, они делают упор, в значительной степени, лишь на насилие, применяемое в отношении их политических оппонентов, прославляют исторические примеры террора и этнических чисток низших, по их мнению, народов, осуществляют акты экстремизма, пропагандируя этим агрессивную ненависть, направленную на истребление всех несогласных с ними.

Одновременно с этим, убежденность в правильности своих идей позволяет неонационалистам быстро найти сторонников и мобилизовать свои силы, что уже в настоящий момент негативно сказывается на политической системе и государственности Украины, а в последующем способно подчинить её себе, сделав фашистской и националистической державой. Такое положение дел создаёт угрозу не только национальной безопасности Донецкой Народной Республики и Российской Федерации, но также ставит под угрозу суверенитет других государств, в которых по примеру Украины, может начать процветать фашизм, нацизм и национализм. В связи с этим, для всей мировой общественности и для Донецкой Народной Республики в частности, необходимо принять меры по предотвращению возникновения у них радикальных экстремистских группировок, посягающих на их суверенитет, нарушающих установленный в обществе демократический уклад, возвышающих свою нацию и готовых массово истреблять другие. Необходимо обратить внимание на тот факт, что правительство Украины разнообразными способами оказывает содействие неонационалистам, а значит и разделяет их взгляды. Насаждая исторически чужую и противоречащую славянскому моральному укладу националистическую культуру, в 2010 году действующим на тот момент президентом Украины В. А. Ющенко был подписан Указ «О присвоении Бандере звания Героя Украины» [3], что сделало одного из идеологов и практиков украинского национализма, лидера ОУН-УПА Степана Бандеру национальным героем [4, с. 210–216]. Помимо этого, сравнительно недавно, а именно в 2015 году, был принят Закон «О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в XX веке» [5], целью принятия которого является признание участников борьбы за независимость Украины в XX веке главными субъектами борьбы за восстановление её государственной независимости, т.е. борцами за независимость Украины в XX веке, что подтверждает мнение о реабилитации в указанном государстве национализма.

Отметим, что признания и поддержания неонацизма, равно как и принятие аналогичных нормативных правовых актов, в Донецкой Народной Республике не было и быть не может из-за правильного и здравого, по нашему мнению, отношения к фашизму, нацизму и национализму, заключающегося в их осуждении. Наличие вышеуказанных явлений и актов в Украине свидетельствует об отрицании её правительством истории данного государства и должно расцениваться как неуважение к лицам, защищавшим ценой своей жизни и своего здоровья Советский Союз от немецко-фашистских захватчиков. Существующая в Украине политическая ситуация, прославление членов ОУН и УПА, заставляют и обязывают выживших ветеранов Великой отечественной войны по-другому относиться к тем, с кем они воевали, защищая своё государство и своих близких от фашистской узурпации.

Считаем, что в Украине формирование националистических взглядов и создание ложного мнения, происходят ещё начиная со школы, постепенно перерастая в ненависть к другим нациям и народ, сопутствующую возникшему желанию неонацистов подчинить себе, а в некоторых случаях и искоренить тех, чьё мнение, взгляды, идеи и политические убеждения отличны от их собственных. В подтверждение данной точки зрения можно привести следующие аргументы. В

некоторых украинских учебниках, входящих в школьную программу, СССР описывается как государство, которое не заботилось о судьбе Украины и о провозглашении её независимости, в связи с чем украинцами и были созданы освободительные, по их ложному мнению, ОУН и УПА, направленные на борьбу с советской армией как с вражеской, что на самом деле не соответствует действительности. Это заставляет считать школьников СССР, а также современную Россию, врагами Украины. В них же умалчивается и причастие этнических украинцев к расстрелам евреев, цыган и представителей других национальностей в Бабьем Яру и других местах [6]. В дополнение к этому, отметим, что в данных учебниках содержатся сведения, минимизирующие роль Советского Союза в Великой отечественной войне, что заставляет детей и подростков считать СССР беспомощным и неспособным противостоять немецким завоевателям.

Ситуация, полностью противоположная сложившейся в Украине, складывается в Донецкой Народной Республике, где детей в школах учат реальной истории, обращая внимание на зверства немецко-фашистских захватчиков и содействующих им украинских коллаборационистов. Это позволяет сформировать у детей правильное видение истории и соответствующее, уважительное отношение к ней и советской армии как освободительной, руководство и солдаты которой приложили все усилия и, не жалея своих жизней, защищали свою Родину и её население. Осуждение фашизма, нацизма и национализма направлено и на воспрепятствование возникновению у детей и подростков, как у одних из наиболее уязвимых категорий населения в силу их несформировавшейся психики и не до конца оформившегося представления о мире, положительного отношения к фашизму, нацизму и национализму. Считаю, что для обеспечения культурной безопасности необходимо больше внимания уделять осведомлённости подрастающего поколения истории их народа, акцентируя внимание на негативных персон и положительных исторических деятелей.

Для обеспечения культурной безопасности важно также не допустить изменения сознания на индивидуальном уровне, т.е. на уровне мировосприятия конкретного лица, т.к. в противном случае, последнее начнёт распространять верную, по его мнению, однако не соответствующую на самом деле действительности, информацию. Это способно принять массовый характер, создавая угрозу дезинформации общества и его полной деморализации, что может повлечь за собой учащение случаев шпионажа со стороны местных жителей, т.к. люди, обладая ложными сведениями об истории и сформировав у себя в голове недостоверную картину миру, потеряют веру в своё государство, а затем и предадут его, что недопустимо как для Донецкой Народной Республики, так и для любого другого современного государства.

Из-за возможности повлиять на сознание человека, историю вполне заслужено можно назвать главным рычагом воздействия на психологию [7, с. 54–59]. Умелое манипулирование информацией и, в частности, историческими фактами, способно привести к подмене идеалов, а в последующем и к настоящей трагедии. То, что мы можем наблюдать в настоящий момент, а именно разрушение памятников солдатам, сражавшимся за освобождение СССР от немецко-фашистских

захватчиков, демонтаж и акты вандализма, совершённые с памятниками В. И. Ленина, представление России как главного врага Украины [8, с. 224–231], выставление Советского Союза как безразлично относящегося к судьбе советской Украины во время Великой отечественной войны, умалчивание всех бесчинств, которые украинские коллаборационисты творили в период с 1941 по 1945 год, умаление роли СССР в победе во Второй мировой войне, реабилитацию фашизма, нацизма и национализма и ряд других факторов, допускать нельзя в целях обеспечения культурной безопасности как составного элемента национальной безопасности Донецкой Народной Республики.

Как следствие, основываясь на описанной в данном исследовании ситуации в Украине, отметим, что происходит изменение общественного сознания её граждан, возникает новая, базирующаяся на заведомо ложных сведениях и исторических фактах идеология, а вместе с ней и культура, искажающая общественное мнение обо всех важных событиях истории и существующей действительности.

Профилактическими мерами предотвращения формирования подобной идеологии и культуры в Донецкой Народной Республике можно назвать следующие мероприятия:

- 1) прививать детям и подросткам в школах и иных образовательных учреждениях уважительное отношения к отечественной культуре и истории;
- 2) проводить творческие мероприятия, а именно отечественные и международные конкурсы рисунков, сочинений, эссе, научных работ и т.д. на военную и историческую тематику для детей и подростков;
- 3) поощрять посещение краеведческих и других музеев;
- 4) проводить экскурсии для всех желающих по местам, где произошли те либо иные исторические события, находящимся в Донецкой Народной Республике, а также за рубежом;
- 5) организовывать исторические кружки и дискуссионные клубы;
- 6) позволять всем желающим изучать архивы, способствовать поиску погибших и пропавших без вести во время Великой отечественной войны родственников;
- 7) проводить политику «исторического ликбеза» – поднимать грамотность всего населения нашей Республики относительно событий истории, размещая краткие исторические факты на постерах, плакатах и экранах, расположенных на улицах во всех города;
- 8) создавать инсталляции, посвящённые тому или иному историческому событию;
- 9) ставить в театрах больше спектаклей на исторические темы, повествующих о положительных личностях;
- 10) повышать правосознание общественности, ликвидировать нигилизм.

В заключение, подчеркнём, что теоретическая значимость нашего исследования заключается в комплексном анализе проблемы обеспечения национальной безопасности посредством подробного изучения её элемента, а именно культурной безопасности, в процессе чего был совершён экскурс в

отечественную историю, установлены и проанализированы факты, которые привели к существующему в настоящий момент положению дел и которые в состоянии кардинально и негативно изменить будущее Донецкой Народной Республики, а значит, при их обнаружении, они подлежат немедленному пресечению.

Практическая значимость данной научной работы состоит в возможности дальнейшего применения её материалов на практике, с целью повышения уровня знаний и правосознания наших соотечественников.

Список источников

1. Верминенко, Ю. В. Культурная безопасность общества и государства и ее основные угрозы / Ю. В. Верминенко, Н. В. Ершов // Управленческое консультирование. – 2017. – № 12(108). – С. 111–119.
2. Кринко, Е. Ф. Украина без Ленина: старые памятники и новая идеология / Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина // Российские регионы: взгляд в будущее. – 2015. – Т. 2. – № 1. – С. 48–49.
3. Указ Президента Украины В.А. Ющенко «О присвоении Бандере звания Героя Украины» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/46/2010#Text> (дата обращения: 28.12.2020). – Загл. с экрана.
4. Хмелевский, С. В. Реабилитации не подлежат, давностью не прикрыты, или о том, что роднит ОУН–УПА и нынешних ультра-националистов, захвативших публичную власть на Украине / С. В. Хмелевский // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 2. – С. 210–216.
5. Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у ХХ столітті: Закон України № 314-VIII від 09.04.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/314-19#Text> (дата обращения: 28.12.2020). – Загл. с экрана.
6. Моисеенкова, Л. Россия в украинских учебниках истории / Л. Моисеенкова, П. Марциновский // Скепсис. Научно-просветительский журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://scepsis.net/library/id_2169.html#a11 (дата обращения: 28.12.2020). – Загл. с экрана.
7. Петренко, А. И. Искажение истории как результат воздействия психологических операций / А. И. Петренко // Педагогическое искусство. – 2017. – № 1. – С. 54–59.
8. Шульга, М. А. Украинские историки vs украинский национализм: предупреждение, которое предпочли забыть / М. А. Шульга // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. – 2018. – № 1-2. – С. 224–231.

Поступила в редакцию 28.12.2020 г.

WAYS TO PROTECT THE CULTURAL SECURITY OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

The article deals with the problem of protecting cultural security, considered through the prism of encroachment on domestic culture in terms of distorting ideas about the Soviet period and putting it in a negative light, as well as in the rehabilitation of fascism, Nazism and nationalism. A retrospective analysis of the events that preceded the emergence and development of Ukrainian neo-nationalism is given. Defined security measures to ensure cultural security as the national security of Donetsk people's security.

Keywords: domestic culture, cultural security, national security, history, neo-nationalism.

Олейникова Алина Вячеславовна
старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: a.olejnikova@donnu.ru

Гокунь Юлия Сергеевна
студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: yulya.gokun@mail.ru

Oleinikova Alina
Senior lecturer of the department civil law
and process of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: a.olejnikova@donnu.ru

Gokun Julia
law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: yulya.gokun@mail.ru

УДК 347.65/.68

Петраченко Е. И.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НАСЛЕДОВАНИЯ

В статье представлен анализ понятия конституционного права наследования. Рассмотрены различные научные позиции относительно права наследования, а именно представления данного права в научной литературе как конституционно-правовой категории, как элемента конституционно-правового статуса личности, как комплексного межотраслевого института. Выявлен ряд особенностей наследования по закону и по завещанию.

Ключевые слова: конституционное право наследования, право наследования, наследование по завещанию, наследование по закону, обязательная доля, институт.

В ст. 35 Конституции Российской Федерации закреплено, что «право наследования гарантируется» [1]. Подчеркнем, что Конституция Российской Федерации, устанавливая гарантию права наследования, предопределяет особое положение данного права. Данная правовая норма включена в главу вторую Конституции Российской Федерации.

Наследование играет важную роль в жизни каждого человека, именно поэтому устанавливается конституционно-правовое гарантирование права наследования. Наследование берет свое начало из стари. Особое значение наследование играло и играет на текущий момент в политической сфере государств, формой правления которых является монархия. А именно речь идет о престолонаследии.

На сегодняшний день наследственное право Российской Федерации развивается с учетом складывающихся отношений в обществе, а также с учетом правовой действительности. На текущий момент действуют нормы наследственного права, которые существенно претерпели изменения в сравнении с нормами наследственного права, действовавшими в историческом прошлом Российской Федерации.

К нормам права, касающихся наследования, человек обычно обращается, будучи наследником или наследодателем. Наследственные правоотношения предшествуют возникновению имущественных отношений, связанных со смертью наследодателя. Таким образом, наследник вступает в уже существующие правоотношения. Стоит отметить, что субъектами наследственных правоотношений являются наследники и иные лица, однако наследодатель и нотариус не могут входить в круг субъектов указанных правоотношений. Правоспособность наследодателя (как физического лица) согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации [2] прекратилась по причине смерти. Нотариус выполняет административную функцию, которую нельзя причислить к гражданско-правовой обязанности.

© Петраченко Е. И., 2020

Смерть наследодателя, прекращение правоспособности и начало наследственных правоотношений являются безусловными юридическими фактами, неразрывно связанными друг с другом.

М. В. Пресняков, анализируя проблемы прямого действия Конституции РФ, отмечает, что предельная лаконичность конституционных норм, по существу, означает максимально общий, не стесненный рамками отраслевого регулирования смысл закрепленного Основным Законом права. С учетом изложенного представляется методологически правильным утверждать о существовании наряду с отраслевым (или межотраслевым) институтом наследования аналогичного конституционно-правового института, который оказывает на него формирующее и формирующее влияние [3].

Право наследования представлено в научной литературе как комплексный межотраслевой институт, как конституционно-правовая категория и элемент конституционно-правового статуса личности.

Стоит отметить очевидную схожесть основных моделей институтов наследственного права, которые действовали в советский период и действуют на современном этапе. Наследование рассматривается как определение правовой судьбы имущества в связи со смертью его обладателя. Передача имущества по наследству является одной из существующих форм распоряжения частной собственностью. Правовой порядок наследования законодательно дифференцирован на два основания – наследование по завещанию и наследование по закону.

Гражданским кодексом Российской Федерации [2] предусматривается такой вид наследования, как наследование по закону, который представляет собой порядок раздела имущества умершего, либо же признанного умершим между определенными Гражданским кодексом лицами в порядке очередности. Наследование по закону будет иметь место при отсутствии оснований в соответствии с правовыми нормами Гражданского кодекса для наследования по завещанию. Таким образом, законодатель отдает приоритет наследованию по завещанию.

Отличительными признаками наследования по закону являются следующие:

- наследники по закону призываются к наследованию в порядке очередности, список которых является исчерпывающим. То есть круг наследников установлен не наследодателем, а определен законом;
- законодательно установлен не только круг наследников, но и регламентирован порядок их призвания к наследованию;
- наследники одной очереди наследуют в равных долях, за исключением наследников, наследующих по праву представления. То есть всем наследующим по закону предоставляются равные права наследования, независимо от гражданства, пола или имущественного положения.

Следует отметить, что наследование затрагивает интересы каждого человека в тот или иной период жизни. На сегодняшний день все большее количество граждан Российской Федерации решает распорядиться принадлежащим им имуществом на случай смерти, то есть заблаговременно определить наследников

и их доли. Посмертные распоряжения во все времена являлись краеугольным камнем цивилистики.

Несмотря на то, что наследование по завещанию, то есть возможность выразить своё волеизъявление в отношении принадлежащего имущества на случай смерти, является преимущественным видом наследованием перед наследованием по закону, некоторые граждане не задумываются о составлении завещания или сознательно отказываются от такой возможности. Это обусловлено тем, что существует психологические убеждения, связанные со смертью, а также уровнем правовой культуры.

Помимо этого, на сегодняшний день существует ряд правовых сложностей, связанных с реализацией наследственного права. В частности, речь идет о реализации принципа свободы завещания.

В основе правового регулирования наследования по завещанию лежат нормы Гражданского кодекса Российской Федерации. В статье 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации определено, что «завещание относится к односторонним сделкам, которая создает права и обязанности после открытия наследства» [2]. То есть завещание является гражданско-правовой сделкой.

Особое внимание Гражданский кодекс Российской Федерации уделяет принципу свободы завещания, закреплённого ст. 1119 данного кодифицированного акта: «Завещатель по своему усмотрению вправе завещать имущество любым лицам, любым образом определить доли наследников в наследстве, лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения, а в определенных случаях, включить в завещание иные распоряжения». Правила об обязательной доле в наследстве являются ограничителем свободы завещания.

Если вести речь об ограничении завещательной свободы в контексте обязательной доли, следует учитывать, что законодательно закреплённое положение об обязательной доле не препятствует завещателю распорядиться имуществом по своему усмотрению.

Законодательство Азербайджанской Республики, Грузии, Республики Туркменистан также предусматривает принцип свободы завещания.

Необходимо подчеркнуть, что ст. 1149 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] предусматривает, что «несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, его нетрудоспособный супруг и родители, а также нетрудоспособные иждивенцы наследодателя, подлежащие призванию к наследованию, наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону (обязательная доля), если иное не предусмотрено Гражданским кодексом Российской Федерации». Обязательная доля считается институтом гражданского права, который наполнен материальной и моральной составляющей. Необходимо обозначить, что право на обязательную долю в наследстве играет важную роль и, несомненно, является гарантией защиты имущественных интересов особой категории наследников.

В нотариальной практике нередко случаи возникновения проблем с выделением обязательной доли при завещании части имущества.

При существовании близких родственников передача всего имущества по завещанию лицам, не состоящих в родственных отношениях с наследодателем влечет за собой нарушение семейных связей. Именно поэтому законодательно определены границы при реализации права наследования, в частности, есть четко конкретизированный круг лиц, который имеет возможность получить обязательную долю, при всем уважении к свободе наследодателя распоряжаться своим имуществом. С другой стороны, относительно правил об обязательной доле в наследстве может сложиться впечатление, что государство, возлагая обязанности социального характера касательно нуждающихся лиц на наследодателя, тем самым перекладывает именно обязанности.

Конституция Российской Федерации в ч. 3 ст. 55 [1] предусматривает, что «федеральным законом возможно ограничение прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо для защиты прав и законных интересов других лиц». Таким образом, ограничение принципа свободы завещания в виде обязательной доли в наследстве, соответствует нормам Конституции Российской Федерации.

Подводя итог, стоит сказать, что свобода завещания заключается, прежде всего, в свободном выборе наследников по завещанию. Однако свобода завещания не является безграничной и не носит абсолютный характер. Учитывая сегодняшнюю правовую реальность обязательная доля в наследстве является неотъемлемым ограничителем принципа свободы завещания. В связи с этим неверным является утверждение, что распределение наследственного имущества зависит полностью от волеизъявления завещателя. Следует подчеркнуть, что обязательная доля в наследстве, существующая в рамках гражданского законодательства, введена не для ограничения прав личности на свободу распоряжения имуществом, а исключительно для материального обеспечения определенных лиц, которым необходима особая защита по состоянию здоровья или в силу возраста, и для поддержания уровня материального достатка. Вместе с тем принимая во внимание возможность суда с учетом имущественного положения наследников, имеющих право на обязательную долю, уменьшить размер обязательной доли или отказать в ее присуждении, норму о праве на обязательную долю в наследстве нельзя назвать строго императивной.

Право наследования можно трактовать в двух значениях – в субъективном смысле и в объективном смысле. Право наследования в субъективном смысле представлено в научной литературе как элемент правового статуса человека и гражданина (личности). В объективном смысле право наследования рассматривается как конституционно-правовой институт.

В качестве общего вывода следует отметить, что конституционное право наследования в юридической литературе рассматривается с различных научных позиций: как элемент правового статуса человека и гражданина, как комплексный межотраслевой институт, как конституционно-правовая категория. Вместе с тем понимание конституционного права наследования с учетом различных точек зрения и его разного рода интерпретации ни в коем случае не умаляют значение

рассматриваемого права, а, напротив, подтверждают его важную роль среди иных конституционных прав.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации с изменениями от 04.07.2020. – СПб.: Питер, 2020. – 64 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ: в ред. от 03.07.2016 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 03.12.2001. – № 49. – Ст. 4552.
3. Запорожцев, А. Г. Право наследования как элемент конституционно-правового статуса личности / А. Г. Запорожцев // Вестник ПАГС. – 2016. – № 2(53). – С. 68–75.
4. Лотарева, Ю. Б. Свобода завещания и случаи ее ограничения / Ю. Б. Лотарева // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 4. – С. 74–80.

Поступила в редакцию 27.12.2020 г.

CONSTITUTIONAL RIGHT OF INHERITANCE

This article presents an analysis of the concept of the constitutional right of inheritance. Various scientific positions concerning the right of inheritance are considered, namely, the representation of this right in the scientific literature as a constitutional and legal category, as an element of the constitutional and legal status of an individual, as a complex intersectoral institution. A number of features of inheritance by law and by will are revealed.

Keywords: constitutional right of inheritance, right of inheritance, inheritance by will, inheritance by law, mandatory share, institute.

Петраченко Елена Игоревна
старший преподаватель кафедры
конституционного и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: e.petrachenko@donnu.ru

Petrachenko Elena
Senior Lecturer of the Department of
Constitutional and International Law of
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: e.petrachenko@donnu.ru

УДК 342.552

Полякова Н. Г.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена исследованию оснований для участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления и назначении их должностных лиц в свете конституционной реформы в Российской Федерации. Обоснован тезис о том, что указанное участие является ограничением принципа организационной самостоятельности органов местного самоуправления. На основе анализа отечественной и зарубежной практики, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации выявлены обстоятельства, при которых ограничения организационной самостоятельности муниципальных органов являются обоснованными.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, органы государственной власти, публичная власть, организационная самостоятельность, назначение на должность, смещение с должности.

---

4 июля 2020 г. вступили в силу изменения в Конституцию Российской Федерации (далее – РФ), предусмотренные ст. 1 Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [1]. Указанные новеллы, направленные на повышение эффективности публичной власти, предусматривают изменения, в том числе, в регулировании организации и функционирования местного самоуправления. В частности, новая редакция Конституции РФ регламентирует участие органов государственной власти в процессе формирования органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления. Представляется необходимым проанализировать целесообразность и своевременность закрепления на конституционном уровне указанных положений, являющихся по своей сути ограничением принципа организационной самостоятельности местного самоуправления.

Вопросам организационной самостоятельности местного самоуправления и проблемам взаимодействия государственной и муниципальной власти посвящены работы С. А. Авакьяна, О. И. Баженовой, И. А. Косминой, В. А. Овчинникова, Р. Вилсона и др. В то же время, на сегодняшний день ни на законодательном, ни на доктринальном уровнях не определены основания для ограничения принципа организационной самостоятельности местного самоуправления посредством участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, назначении и смещении с должности должностных лиц местного самоуправления.

© Полякова Н. Г., 2020

Целью исследования является обоснование тезиса о том, что непосредственное участие органов государственной власти в процессе формирования органов местного самоуправления является ограничением их организационной самостоятельности, а также определение фактических оснований для такого ограничения.

Формирование единой системы публичной власти, предполагающей взаимодействие органов местного самоуправления и органов государственной власти для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории, является одной из целей конституционной реформы и государственной политики в РФ. В соответствии с принятыми поправками к Конституции, п. 1.1 ч. 1 ст. 131 Конституции РФ предусматривает, что «органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом» [2].

Согласно ч. 4 ст. 34 федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 (в редакции от 09.11.2020 г.), участие органов государственной власти и их должностных лиц в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц допускается только в случаях и порядке, установленных ч. 2.1 ст. 36, частями 5 и 11 ст. 37, статьями 74 и 74.1 указанного закона [3].

Анализируя приведенные законодательные положения, можно выделить такие основные направления участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления:

- 1) назначение руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ половины членов конкурсной комиссии по отбору кандидатур на должность главы муниципального образования;
- 2) назначение руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ половины членов конкурсной комиссии по отбору кандидатур на должность главы местной администрации;
- 3) инициирование и подготовка заявления руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ о расторжении контракта с главой местной администрации;
- 4) издание правового акта об отрешении от должности главы муниципального образования или главы местной администрации в установленных законом случаях;
- 5) инициирование удаления главы муниципального образования в отставку по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 74.1 указанного закона.

Таким образом, руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта федерации наделен правом опосредованно (путем назначения половины членов конкурсной комиссии по отбору кандидатур на должность главы муниципального образования и главы местной администрации) и непосредственно (путем инициирования вопроса о расторжении контракта с главой местной администрации, отрешении от

должности главы муниципального образования или главы местной администрации, а также удаления главы муниципального образования в отставку) влиять на формирование органов местного самоуправления. Представляется целесообразным проанализировать данные законодательные положения с точки зрения соответствия принципу организационной самостоятельности органов местного самоуправления.

Европейская Хартия местного самоуправления от 15 октября 1985 г. (далее – Хартия), ратифицированная РФ без указания на категории органов местного самоуправления, которыми она намерена ограничить применение Хартии, или те категории, которые она намерена исключить из сферы ее применения, исходит из принципа самостоятельности местного самоуправления: организационной, компетенционной, функциональной [4].

Комплексный анализ норм Хартии (ч. 2 ст. 3, ч. 1 ст. 6, ст.ст. 7 и 13) позволяет прийти к выводу о том, что участие органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, а также назначении и освобождении от должности их должностных лиц не вполне отвечает положениям данного акта. В Конституции РФ также содержится указание на самостоятельность органов местного самоуправления. Так, ст. 12 Основного Закона закрепляет положение, в соответствии с которым местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

Раскрывая проблему соотношения органов государственной власти и органов местного самоуправления, Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) неоднократно указывал на единство публичной власти и объективную необходимость взаимодействия указанных элементов системы публичной власти. При этом, необходимость такого сотрудничества рассматривается КС как достаточное основание для участия органов государственной власти в законодательном регулировании порядка формирования органов местного самоуправления [5]. Аналогичное мнение было высказано С. А. Авакьяном, указывающим на то, что «муниципальная власть строится на основе законов, разработанных государственной властью, и лишь в малой степени опирается на собственное нормотворчество» [6, с. 88].

Указанная позиция представляется оправданной и обоснованной, поскольку установление в законодательных актах единых правил формирования органов местного самоуправления, с одной стороны, способствует унификации указанных процессов на всей территории РФ, отражает производный характер муниципальных органов, и, при этом, не нарушает принцип организационной самостоятельности органов местного самоуправления, т.к. не подразумевает непосредственного влияния государственных органов на назначение должностных лиц или органов местного самоуправления. В то же время, отношения, связанные с непосредственным участием органов власти в формировании органов самоуправления или назначении должностных лиц, можно определить скорее как организационную зависимость, а не организационное взаимодействие, которое подразумевает совместную деятельность равных субъектов.

Следует подчеркнуть, что понятия «законодательное регулирование порядка формирования органов местного самоуправления» и «участие в формировании, назначении и освобождении от должности должностных лиц органов местного самоуправления» не являются тождественными. Так, в первом случае государство лишь устанавливает общеобязательные правила, регламентирующие процесс формирования указанных органов, тогда как во втором имеет возможность непосредственно влиять на кадровый состав муниципальных органов, принимая решения об отборе кандидатов на должности, отстранении или удалении в отставку конкретных должностных лиц местного самоуправления. Представляется, что в условиях назначения органов местного самоуправления совместная деятельность государства и муниципальных органов будет осуществляться при очевидном приоритете государственного начала.

Следует отметить, что на сегодняшний день Конституционным Судом РФ не сформулирована однозначная правовая позиция относительно правомерности участия органов государственной власти в формировании (а не законодательной регламентации процесса формирования) органов местного самоуправления, назначении и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления. Оценивая конституционность изменений в Основной закон, КС РФ в своем Заключении от 17.03.2020 г. фактически оставил без внимания формулировку п. 1.1 ч. 1 ст. 131 Конституции РФ, закрепляющую право органов государственной власти участвовать в процессе формирования органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления. Так, комментируя процитированную норму Конституции, КС указал на то, что «приведенные положения не могут рассматриваться как несовместимые с требованиями статьи 12 Конституции Российской Федерации, поскольку не предполагают искажения конституционной природы местного самоуправления как уровня публичной власти, наиболее приближенного к населению, умаления его самостоятельности по отношению к другим уровням публичной власти в пределах его полномочий» [7].

Таким образом, позиция КС сводится к общему утверждению о том, что данные положения являются конституционными, поскольку «не искажают конституционную природу местного самоуправления». При этом заключение не содержит обоснования и аргументации в пользу соответствия Конституции п. 1.1 ч. 1 ст. 131 в указанной редакции. В то же время, думается, что положение об ограничении принципа организационной самостоятельности органов местного самоуправления путем участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления, назначении и освобождении от должности должностных лиц местного самоуправления является дискуссионным и требует детального исследования как со стороны КС РФ, так и ученых. Учитывая также то, что в ранее опубликованных решениях КС РФ изложена иная правовая позиция, целесообразным представляется проанализировать обоснованность участия органов государственной власти в процессе формирования муниципальных органов власти и основания для ограничения принципа организационной самостоятельности последних.

Конституционный Суд РФ в п. 2.1 постановления от 1 декабря 2015 г. № 30-П подчеркнул, что самостоятельность органов местного самоуправления «исключает решающее участие органов государственной власти в собственно формировании органов местного самоуправления» [8]. Также заслуживает внимания позиция КС РФ, выраженная в п. 2.3 постановления от 1 декабря 2015 г., в соответствии с которой, «не могут использоваться организационно-правовые средства и процедуры, которые ставили бы собственно формирование состава органа местного самоуправления или замещение муниципальной должности в зависимость от волеизъявления субъектов государственной власти, вводимое правовое регулирование должно, в силу неоднократно выраженной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, обеспечивать безусловное право населения или избранных им представительных органов местного самоуправления самостоятельно, без вмешательства органов государственной власти и их должностных лиц, формировать органы местного самоуправления. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, «органы государственной власти оказывают на местное самоуправление регулирующее воздействие, в частности путем определения основных принципов организации муниципальной власти, обусловленных конституционно-правовой природой местного самоуправления» [5].

Анализируя специфику правоотношений, возникающих в сфере взаимодействия систем государственной и муниципальной власти, следует учитывать позицию, высказанную С. А. Авакьяном. По мнению ученого, «организационная самостоятельность – это конституционный императив, нарушение которого ставит под угрозу местное самоуправление как таковое. Ее ограничение путем политического либо административного вмешательства государства в вопросы формирования системы органов местного самоуправления не может быть оправдано ни общностью целей и задач публичной власти, ни какими-либо иными аргументами, за исключением ограничений на основании ч. 3 ст. 55 Конституции России» [6, с. 178.]. Аналогичного мнения придерживаются В. А. Овчинников, И. А. Космина, указывающие на то, что участие органов государственной власти в отстранении от занимаемой должности главы муниципального образования нарушает конституционный принцип самостоятельности местного самоуправления [9, с. 50].

Соглашаясь в целом с приведенной позицией, следует, тем не менее, отметить, что в отдельных случаях участие государства в формировании органов местного самоуправления может быть оправдано. Исследование особенностей функционирования местного самоуправления в РФ, а также зарубежного опыта, представленного в обзорах и отчетах Департамента по вопросам местной и региональной демократии и эффективного управления Совета Европы, Конгресса местных и региональных органов власти [10–13], позволяют прийти к выводу о том, что факторами, при которых участие государства может быть целесообразным, являются: 1) наличие в пределах границ муниципального образования объектов особого государственного значения – в целях обеспечения необходимого уровня гарантирования баланса местных и общегосударственных интересов; 2) придание

муниципальному образованию специального (особого) правового статуса, предполагающего особенности осуществления местного самоуправления (накоград, приграничная территория и др.), а также 3) недостаточная обеспеченность органов местного самоуправления ресурсами, преимущественно кадровыми.

Таким образом, участие органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления и назначении его должностных лиц, являясь, по сути ограничением принципа организационной самостоятельности муниципальной власти, должно быть обосновано объективными обстоятельствами, оправдывающими такое ограничение. В качестве таких обстоятельств предлагается рассматривать наличие на территории муниципального образования объектов особого государственного значения, придание муниципальному образованию специального правового статуса, а также недостаточную обеспеченность органов местного самоуправления ресурсами, преимущественно кадровыми. В свете изложенного представляется, что наиболее эффективное сотрудничество и взаимодействие местного самоуправления и государственной власти возможно лишь в условиях координационного управления, представляющего собой горизонтальное сотрудничество всех участников территориального развития.

Список источников

1. Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками: Указ Президента Российской Федерации от 3 июля 2020 г. № 445 / СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74232420/> (дата обращения: 23.12.2020). – Загл. с экрана.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти») / Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 23.12.2020). – Загл. с экрана.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 09.11.2020) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 20.12.2020). – Загл. с экрана.
4. Европейская Хартия местного самоуправления от 15 октября 1985 г. / Официальный сайт Совета Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007a105> (дата обращения: 20.12.2020). – Загл. с экрана.
5. По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2012 года № 32-П / СПС «КонсультантПлюс»

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/22948.html/> (дата обращения: 24.12.2020). – Загл. с экрана.

6. Муниципальное право России: учебник / отв. ред. С. А. Авакьян. – М.: Проспект, 2020. – 656 с.

7. О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации: Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347691/ (дата обращения: 24.12.2020). – Загл. с экрана.

8. По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»: Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189899/ (дата обращения: 24.12.2020). – Загл. с экрана.

9. Овчинников, В. А. Органы местного самоуправления: проблемы формирования / В. А. Овчинников, И. А. Космина // Управленческое консультирование. – 2009. – № 5. – С. 46–51.

10. Public Administration and Local Governments Reforms in Eastern Partnership Countries // Subgroup on Local Government and Public Administration reform of the Working Group 1 of the CSF EAP. – 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eap-csf.eu/wp-content/uploads/policy-paper-par.pdf> (дата обращения: 24.12.2020). – Загл. с экрана.

11. The relationship between central and local authorities: Report of the European Committee on Local and Regional Democracy (CDLR). – 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/1680747fbc> (дата обращения: 24.12.2020). – Загл. с экрана.

12. Adnan, ul Haqu. Theoretical Perspective of Local Government. Literature Review // Research Institute of Behavioural Psychology. – 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mpr.ub.uni-muenchen.de/46301/> (дата обращения: 24.12.2020). – Загл. с экрана.

13. Wilson, Robert, H. Understanding Local Governance: an international perspective / Robert H. Wilson // RAE – Revista de Administrazgo de Empresas. – Jun. 2020. – p. 51-63.

Поступила в редакцию 24.12.2020 г.

ON THE ISSUE OF ORGANIZATIONAL INDEPENDENCE OF LOCAL GOVERNMENT BODIES

The article is devoted to the study of the grounds for the participation of public authorities in the formation of local self-government bodies and the appointment of their officials in the light of the constitutional reform in the Russian Federation. The thesis is substantiated that this participation is a limitation of the principle of organizational independence of local self-government bodies. Based

---

on the analysis of domestic and foreign practice, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author identifies circumstances in which restrictions on the organizational independence of municipal bodies are justified.

Keywords: local government bodies, public authorities, central and local authorities, organizational independence, appointment to office, dismissal.

Полякова Наталия Геннадиевна

кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного
и международного права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: ngpoliakova@inbox.ru

Polyakova Natalia

Candidate of Law, Associate Professor of the
Department of Constitutional and
International Law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: ngpoliakova@inbox.ru

УДК 342.9

Сынкова Е. М.

К ВОПРОСУ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ТАМОЖЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты административно-правового принуждения. Выполнена классификация мер административно-правового принуждения. Обосновано, что меры административно-правового принуждения в области таможенного дела можно отнести преимущественно к штрафным санкциям.

Ключевые слова: административное принуждение, государственное принуждение, таможенное регулирование, таможенное дело.

Важной составляющей демократического, социального и правового государства является его эффективная правовая система. Укрепление законности и обеспечение верховенства права во всех сферах общественной жизни остается приоритетным направлением государственного строительства. А это предполагает углубление как ответственности за выполнение своих обязанностей перед человеком, так и ответственности каждого лица перед государством и обществом. Во время развития государства возникает потребность в реформировании правовой системы в соответствии с современным предназначением.

Соблюдение норм административного права обеспечивается возможностью государства применять меры принуждения за нарушение обязанностей, которые содержатся в нормах административного законодательства.

Проблемы административно-правового принуждения нашли отражение в работах Н. Д. Кочеткова, А. Г. Гришаков, А. Ю. Иванов, Е. В. Черкасова, Т. В. Телятицкая, А. В. Лубенков и других ученых.

Необходимость стабилизации административной системы, соблюдение дисциплины обусловили функционирования особого института административно-правового принуждения. Итак, с развитием административного права в науке стал выделяться самостоятельный вид государственного принуждения – административно-правовой. Социальное назначение административно-правового принуждения, которое выражается в санкциях административно-правовых норм, состоит главным образом в том, что оно выполняет в правовой системе правоохранительную роль, то есть обеспечивает реальное осуществление всех ее регулятивных признаков и ее нормальное функционирование в целом. Принуждение в праве нацелено на то, чтобы усынотрять аномалии, которые возникают в правовой системе, приводить ее в нормальное состояние в случае неправомерной ситуации, применять меры к нарушителям правопорядка [2, с. 221].

Принуждение является универсальным методом функционирования любого вида общественной власти, осуществления социального управления. Отличительная особенность принуждения в праве состоит в том, что оно связано с деятельностью государства, регламентируется правовыми нормами, правовыми формами выполнения им своих функций. Только тогда принуждение становится государственным, то есть таким, за которым стоит аппарат государства, и приобретает вследствие этого юридический характер, когда оно используется как средство, метод реализации правом своей роли официально властного регулятора общественных отношений.

Управление обществом, обеспечение правопорядка и общественной дисциплины, которое реализуется с применением активных способов целенаправленного воздействия на поведение и сознание граждан, выступает как принуждение. Оно существует в любом человеческом обществе и является необходимым элементом социальной организации.

Задача охраны правопорядка и законности в обществе, поддержания государственной дисциплины состоит в том, чтобы органы государства применяли в случае необходимости к правонарушителям принудительные меры, допускаемые законом для обеспечения воплощения в жизнь государственной воли.

Государственное принуждение является средством защиты интересов общества, а право регулирует принудительную деятельность государства [3, с. 47].

Принуждение является отношением, в котором властная сторона является компетентным правоприменительным органом государства или должностное лицо, применяет меры принуждения к обязанному субъекту, а подвластной стороной является субъект, который должен выполнить эти мероприятия.

Административно-правовое принуждение выражает реакцию государства на неправомерное поведение участников административно-правовых отношений, на препятствия, возникающие в процессе функционирования административной системы и существует в пределах правоохранительных отношений.

В последнее время ученые обсуждают единство нормативных и фактических оснований для применения государственного принуждения, поскольку эти основания выступают и противоправными действиями или бездействием и правовой нормой, которая нарушается. Исследователи отмечают, что при установлении и реализации любого вида государственного принуждения должны учитываться как сами явления, факты, обуславливающие применение мер принуждения, так и виды и содержание правовых норм, действующих наряду с этими фактами и явлениями [2, с. 12].

В науке административного права наблюдается повышенный интерес к проблемам административно-правового регулирования, в том числе применительно к субъектам таможенных правоотношений.

Трансформация системы административно-правового регулирования и интенсивное развитие административного законодательства в Донецкой Народной Республике привели к существованию значительного законодательного массива, в котором закреплены основания ответственности, ее меры, санкции за нарушение административно-правовых норм. Однако, такой законодательный массив

значительно дестабилизирует как административную систему и не носит системного характера.

В целом следует отметить, что административно-правовое принуждение существует как форма реализации властно-государственного принуждения по отношению к нарушителю и включает применение к правонарушителю предусмотренных законом санкций специально уполномоченными органами государственной власти.

Необходимо также отметить, что правоотношения, которые связаны с применением мер принуждения, относятся к охранительным правоотношениям, а по своим функциональным характеристикам – к правоприменительным.

Государственное принуждение имеет правовую форму, которая находит свое проявление в правоприменительной деятельности. В то же время его можно рассматривать как систему, функционирующую в правовом пространстве.

Правовой анализ позволяет определить государственное принуждение как вид правоотношений, комплексный правовой институт, метод и средство правового регулирования. В связи с этим необходимо обобщить и системно выделить следующие признаки государственного принуждения:

- 1) выступает как метод правового регулирования общественных отношений;
- 2) цель применения мер принуждения – обеспечения общественного порядка и безопасности, защиты и охраны свобод и прав человека и гражданина, при которой осуществляется как внешнее психическое или физическое воздействие на поведение и сознание граждан;
- 3) фактическим основанием применения принудительных мер является правонарушение, а также другие обстоятельства, которые указывают на необходимость предупреждения и предотвращения правонарушения или на необходимость защиты нарушенного законного интереса или права;
- 4) в качестве юридического основания применения принудительных мер рассматривается указание в законодательстве на меру принуждения в правовой норме;
- 5) применение принудительных мер возможно лишь в процессуальной форме, установленной на законодательном уровне, и возлагается на компетентные государственные органы;
- 6) применения принудительных мер всегда связано с причинением лицу ограничений, имеющих имущественный, личного или организационного характера [4, с. 70].

Любая отрасль права включает в себя возможность применения мер принуждения, определенных законом. Вместе с тем роль принуждения, его назначение и правовая природа принудительных мер в различных областях права имеют свои отличительные особенности.

Административное право также предусматривает возможность государственного принуждения. Иначе административное право не было отдельной отраслью права. Кроме того, административное право является отдельной отраслью права по таким критериям, как: предмет правового регулирования, методы правового регулирования, источники административного права, наличие

юридической ответственности за нарушение административно-правовых норм, круг участников административно-правовых правоотношений.

Предмет административного права сегодня следует определять через имущественные и связанные с ними неимущественные отношения, возникающие в процессе административной деятельности государства. Метод, присущий административному праву, – императивность – рассматривается как направленное на достижение общего публичного интереса средство публичного характера. Общим методом административного права выступает метод властных предписаний. Его суть заключается в том, что решение любого вопроса осуществляется волей одной стороны. Принудительным мерам в административном праве свойственны те же черты, что и методу административного права, они пронизаны принципами административного права и отражают его функциональное значение.

В таможенном деле под административно-правовым принуждением понимается влияние уполномоченных на то органов государства, должностных лиц на сознание и поведение субъектов таможенных правоотношений путем применения к ним в установленном процессуальном порядке принудительных мер, предусмотренных санкциями (диспозиции) административно-правовых норм и тесно связанных с наступлением для них негативных последствий имущественного, личного или организационного характера с целью борьбы с правонарушениями и другими нежелательными последствиями, а также охраны и дальнейшего развития общественных мер административно-правового принуждения таможенного дела относятся:

1) государственно-принудительные меры, которые являются реакцией государства, в отношении конкретного субъекта административного права на факт его противоправного поведения (основная группа): а) финансовые санкции в виде штрафа и / или пени;

2) меры, применяемые в целях пресечения противоправных действий субъектов административного права, – меры пресечения, например, изъятие органами Федеральной таможенной службы РФ у нарушителей таможенных правил документов, свидетельствующих о сокрытии (занижении) объектов обложения таможенными пошлинами, других платежей;

3) превентивные меры, которые предшествуют применению юридических санкций и целью которых является предупреждение совершения правонарушений в сфере административной деятельности, своевременное их прекращения и контроль за мобилизацией, распределением и использованием фондов денежных средств.

Их применяют уполномоченные государством органы Министерства доходов и сборов ДНР. В частности, таможенные органы и их должностные лица вправе использовать такие специальные меры пресечения, как огнестрельное оружие, физическую силу, приемы борьбы, специальные технические средства (резиновые палки, слезоточивые вещества, средства для принудительной остановки транспорта).

Для административно-правового принуждения в области таможенного дела характерны следующие основные признаки:

а) оно всегда является специфической формой правоприменительной деятельности, которую осуществляют специально уполномоченные должностные лица и органы государства;

б) выступает как вид государственного принуждения, и является воздействием на поведение и сознание субъектов таможенной деятельности. Принуждение может принимать форму физического, психического или иного воздействия, однако, несмотря на различия этих форм, все они результат внешнего принудительного воздействия, связанного с ограничением свободы воли субъекта таможенной деятельности и другими правоограничениями;

в) является воздействием и заключается в применении определенных мер;

г) заключается в реальном применении санкций, предусмотренных административно-правовыми нормами к определенным субъектам таможенной деятельности;

д) сопровождается причинением к субъекту таможенной деятельности правоограничений, которые, как правило, имеют отрицательный для него характер, и нередко связаны с возложением на него дополнительных правоограничительных обязанностей, в частности, с уплатой штрафов, пеней;

е) необходимым условием реализации мер принуждения выступает таможенное правонарушение;

ё) применение мер административно-правового принуждения в таможенной деятельности осуществляется в процессуальной форме, определенной законом;

ж) в сфере таможенной деятельности система государственного принуждения вместе с мерами ответственности включает и другие правовые средства – меры процессуального принуждения, определенных таможенным, налоговым, административным и иным законодательством.

Важнейшим обстоятельством необходимости применения административно-правового принуждения является деятельность таможенных органов, которая является разновидностью административной.

Таможенные органы выступают как носители государственной власти. Они наделены в законодательном порядке правом взыскания таможенных пошлин и сборов в бюджет. Поэтому таможенные органы являются субъектами административной деятельности [5, с. 152].

Одной из причин применения административно-правового принуждения является также преобладание императивного метода регулирования таможенных правоотношений.

Другим основанием для применения административно-правового принуждения в таможенных правоотношениях является их высокая конфликтность. Прежде всего, конфликтные по своей сути отношения связанные с принудительным отчуждением части собственности отдельного субъекта в виде таможенной пошлины в собственность государства.

Наличие правонарушений в области таможенного дела также следует отнести к факторам, которые обуславливают необходимость применения административно-правового принуждения. Административное правонарушение в области таможенного дела, безусловно, является антиобщественным

противоправным деянием, противоречит таможенному и административному законодательству.

Таможенные органы в своей деятельности используют значительный арсенал мер административного принуждения. Органы таможенной службы при осуществлении административной деятельности вынуждены прибегать к государственному принуждению, которое используется для прекращения правонарушений в сфере таможенной деятельности и предотвращения неправомерных действий. Задача принуждения состоит в том, чтобы снова ввести поведение в установленные для него рамки или, если это невозможно, путем возложения на нарушителя новой обязанности, связанной с прекращением противоправных отношений. Не вызывает сомнения возможность применения в таможенной сфере санкций, являющихся по своей правовой природе мерами уголовного, дисциплинарного или административно-правового характера. Однако в основном полномочия органов таможенной службы имеют выраженный административно-правовой характер [7, с. 208].

Основными чертами административно-правового принуждения, применяемого органами таможенной службы, являются следующие: они являются средством охраны правопорядка в таможенной сфере; установлены нормами административного права; поводом привлечения является таможенное правонарушение; связаны с применением правовых санкций; реализуют охранные нормы таможенного правоотношения; применяются уполномоченными субъектами.

Цели административно-правового принуждения в законодательстве прямо не указаны, хотя выводятся из целей и задач Закона «О таможенном регулировании в Донецкой Народной Республике» и внутриотраслевых нормативно-правовых актов [1]. Будучи разновидностью правового принуждения, административно-правовое принуждение в области таможенного дела выполняет регулятивную, превентивную, карательную, восстановительную и воспитательную функции.

Административно-правовое принуждение в сфере таможенного дела наступает за административное правонарушение, установленное государством в административно-правовых нормах, которые являются охранными и содержат в своей структуре административно-правовые санкции. Оно предусматривает для правонарушителя определенные негативные последствия, в частности лишения имущественного характера. Формально это обусловлено спецификой административно-правовых санкций, имеющих имущественный характер, и особенностями воздействия правонарушителей на экономические интересы. По сути, это определено стремлением государства, прежде всего, возместить финансовый ущерб, причиненный ему таможенным правонарушением, а также наказанием правонарушителя, но в форме, присущей сфере административно-правового регулирования, то есть в денежной. Административно-правовое принуждение реализуется в специфической процессуальной форме. Так, применение правовосстановительных административно-правовых санкций в виде пени за несвоевременную уплату таможенных пошлин или сборов осуществляется и в рамках административно-процессуального производства.

Административно-правовое принуждению в области таможенного дела может быть определено как форма государственного принуждения в сфере административной деятельности государства, которая заключается в применении компетентными органами государственной власти к правонарушителю обременений имущественного характера в виде штрафа и/или пени. Административно-правовое принуждение является правовым принуждением и имеет все признаки последнего [8, с. 36].

Меры воздействия административно-правового принуждения в области таможенного дела можно отнести преимущественно к штрафным санкциям.

Основной группой мер административно-правового принуждения, применяемые к субъектам административного права в случае совершения противоправных деяний, являются юридические санкции – предусмотренные нормой права меры государственного принуждения, применяемые в зависимости от вида юридической ответственности, которая возлагается на субъектов правоотношений. Самой распространенной санкцией в области таможенного дела за нарушение законодательства является мера государственного принуждения в виде штрафа. Взыскание штрафов осуществляется в соответствии с уголовным законодательством и законодательством об административных правонарушениях [9, с. 160].

Для реализации контрольных задач, возложенных на таможенные органы, они наделены полномочиями, которые можно свести в следующие группы: полномочия по учету плательщиков таможенных пошлин и сборов; полномочия по контролю за соблюдением таможенного законодательства; полномочия по исчислению таможенных пошлин и сборов; полномочия по учета сумм таможенных платежей; полномочия по применению мер, направленных на пресечение нарушений таможенного законодательства; полномочия по применению восстановительных мероприятий для предотвращения убытков, причиненных бюджету или налогоплательщику; полномочия по применению мер ответственности; полномочия по контролю за выполнением субъектами предпринимательской деятельности требований таможенного законодательства; полномочия таможенных органов в сфере валютного контроля; исполнение судебных актов.

Могут быть выделены следующие виды административно-правового принуждения в области таможенного дела, которые уполномочены применять органы таможенной службы:

- 1) превентивные меры;
- 2) меры пресечения;
- 3) восстановительные меры;
- 4) меры юридической ответственности [9, с. 160].

В настоящее время учеными высказываются предложения о существовании единого основания для применения налогово-правового принуждения за совершенные налоговые правонарушения, объединяющие их фактическую и юридическую стороны. Фактической стороной является совершение в реальной действительности общественно вредного воздействия, а юридической стороной

является предсказуемость признаков такого деяния в действующем законодательстве. Тогда основанием для применения административно-правового принуждения в сфере таможенного дела является установление органом государственной власти фактической и юридической сторон совершенного таможенного правонарушения. Отсутствие такого соответствия свидетельствует и об отсутствии основания для применения налогово-правового принуждения. Если так рассматривать основание для применения налогово-правового принуждения, то можно утверждать, что его основанием является наличие действующего нормативно-правового акта, в котором содержится состав таможенного правонарушения. Соответственно, фактическим основанием нужно признать совершение субъектом таможенных правоотношений общественно вредного воздействия. Итак, административно-правовое правонарушение в области таможенного дела, будучи общественно опасным деянием, которое влияет на экономическую безопасность государства, является основанием для применения административно-правового принуждения.

Меры административно-правового принуждения урегулированы в полной мере нормами законодательства о таможенном регулировании и находят отражение в правоприменительной практике таможенных органов.

Список источников

1. О таможенном регулировании в Донецкой Народной Республике: Закон Донецкой Народной Республики № 116-ІНС от 25.03.2016 г. / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-tamozhenom-regulirovanii-v-donetskoj-narodnoj-respublike/> (дата обращения 15.07.2020). – Загл. с экрана.
2. Кочеткова, Н. Д. Административно-правовое принуждение как средство обеспечения безопасности дорожного движения / Н. Д. Кочеткова // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. – 2018. – № 1(1). – С. 221–228.
3. Гришаков, А. Г. Административно-правовое принуждение в деятельности участковых уполномоченных полиции: анализ досмотровых мероприятий / А. Г. Гришаков // Алтайский юридический вестник. – 2019. – № 3(27). – С. 47–51.
4. Иванов, А. Ю. Административно-правовое принуждение как вид государственно-правового принуждения / А. Ю. Иванов // Modern Science. – 2019. – № 11-3. – С. 70–73.
5. Черкасова, Е. В. Административно-правовое принуждение: краткая характеристика / Е. В. Черкасова // Управление в социальных и экономических системах. – 2019. – № 28. – С. 152–153.
6. Телятицкая, Т. В. Административно-правовое принуждение как одно из средств государственной организации: генезис теоретико-правовых взглядов, неразрешенные вопросы и направление развития / Т. В. Телятицкая, А. В. Лубенков // Проблемы управления (Минск). – 2019. – № 2(72). – С. 107–114.
7. Свинухов, В. Г. Принуждение в сфере уплаты таможенных платежей / В. Г. Свинухов, С. В. Сенотрусова // Финансовое право и управление. – 2015. – № 2. – С. 208–212.

8. Россинский, Б. В. Административное принуждение в деятельности таможенных органов и проблемы его реализации / Б. В. Россинский, И. В. Тимошенко // Закон и право. – 2000. – № 2. – С. 36–39.
9. Санакоев, А. В. Административное принуждение в деятельности таможенных органов в ракурсе административной юрисдикционной деятельности / А. В. Санакоев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 10-2. – С. 160–164.
10. Чертищева, С. В. Основания административно-правового принуждения, применяемого в Российской Федерации к юридическим лицам / С. В. Чертищева // В сборнике: Актуальные проблемы и перспективы развития административного права и процесса. Сборник научных статей. – 2018. – С. 312–316.

Поступила в редакцию 18.09.2020 г.

ON THE ISSUE OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL COERCION IN CUSTOMS ACTIVITIES

The article discusses the theoretical and practical aspects of administrative and legal coercion. The classification of measures of administrative and legal coercion has been carried out, according to which all measures of administrative and legal coercion in the field of customs, which are authorized to apply by the customs service, are divided into types: a) preventive measures; b) preventive measures; c) remedial measures; e) measures of legal responsibility. It is substantiated that the measures of administrative and legal coercion in the field of customs can be attributed mainly to penalties.

Keywords: administrative coercion, state coercion, customs regulation, customs business,

---

Сынкова Елена Михайловна
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного
и финансового права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: osyn@inbox.ru

Synkova Elena
Doctor of Law, Associate Professor, Professor
of the Department of Administrative and
Financial Law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: osyn@inbox.ru

УДК 339.7

Сынкова Е. М.

Могутова Н. Г.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОШИБКИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ АРБИТРАЖНЫХ ДЕЛ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье исследуются процессуальные ошибки, возникающие при рассмотрении арбитражных дел. Раскрывается содержание понятия «процессуальная ошибка, выявляются виды процессуальных ошибок при рассмотрении арбитражных дел. Обосновывается, что процессуальные ошибки, допущенные при рассмотрении дела в арбитражном суде, негативно влияют на правосознание граждан и на авторитет судебных органов у населения. Доказывается, что меры, которые влияют на процесс устранения ошибок, в том числе, при кассационном пересмотре, призваны исправлять и предупреждать эти ошибки, так как любая ошибка противоправна и недопустима во время осуществления правосудия

Ключевые слова: процессуальная ошибка, арбитраж, рассмотрение арбитражных дел, устранение ошибок суда, арбитражное судопроизводство, арбитражный суд, арбитражное дело

Исследование процессуальных ошибок, возникающих при рассмотрении арбитражных дел, в том числе, при кассационном пересмотре в арбитражном процессе, приобретает особую актуальность, поскольку в данном случае идет речь о защите, восстановлении, признании неимущественных и имущественных, споров, которые возникают, прежде всего, из договорных и недоговорных, правоотношений, отношений собственности.

В юридической литературе и юрисдикционной практике широко используется термин «ошибка», который применяется для обозначения различных видов ошибок, в том числе при рассмотрении арбитражных дел.

В практической деятельности под ошибкой понимается «неправильность в действиях и мнениях» [1, с. 9]. Ошибка рассматривается как искаженное познание объективной действительности, обусловленное личными качествами субъекта, которое приводит к выводам неправильного характера. Следует отметить, что под термином «ошибка» обычно понимают, совершение неправильного действия.

Ошибка обусловлена сложностью в познаваемости мира, различных явлений, особенно в сфере юриспруденции. Она предполагает отсутствие достоверных данных, заблуждение, непреднамеренное принятие неверных решений, разорванность в логике построения умозаключений и суждений.

Под ошибкой понимается несоответствие между объектом-эталон (идеей) и объектом-сущим. В этом смысле мы сталкиваемся с логическими, грамматическими, техническими, юридическими, медицинскими, математическими и иными ошибками.

© Сынкова Е. М., Могутова Н. Г., 2020

Необходимо отметить, что процессуальные ошибки относятся к распространенным и недостаточно изученным явлениям правоприменительной деятельности. Под процессуальной ошибкой С. Т. Багыллы и С. И. Князькин понимают «неправильные действия либо бездействие, которые нашли отражение в неполноте и в односторонности исследования обстоятельств дела, неправильном применении норм закона, значительном нарушении процессуального закона, которые привели к принятию неправильного итогового решения, незаконность и необоснованность которого были констатированы в соответствующем процессуальном акте прокурором или судом» [2, с. 49]. В данном определении процессуальной ошибкой особое внимание акцентируется на нарушении процессуального законодательства.

Это же позиции придерживается И. Л. Петрухин, который под процессуальной ошибкой понимает неправильное понимание той или иной ситуации, которая повлекла принятие решений и действий, противоречащих нормам права и процесса [3, с. 10].

По мнению автора процессуальная ошибка – это неумышленное нарушение процессуального закона, что находит отражение в ненадлежащем выполнении или неисполнении закона.

А. В. Кательницкая, исследуя процессуальные ошибки, проводит сравнительный анализ терминов «заблуждение» и «ошибка» и указывает, что эти термины похожи, но не равноценны: заблуждение выступает важным и необходимым условием, причиной наступления ошибки как события [4, с. 77].

Наибольшее количество ошибок при производстве по арбитражным делам может быть устранено на этапе подготовки дела к судебному разбирательству.

Процессуальные ошибки, допущенные при рассмотрении дела в суде, негативно влияют на правосознание граждан и на авторитет судебных органов у населения. Ошибки, допущенные в процессуальной деятельности суда, являются угрозой для общества, если их не замечать и своевременно не предотвращать.

В то же время, необходимо четко отделять ошибку, связанную с сознательным отклонением от предписаний закона, от преступлений против правосудия, таких, как сознательное незаконное задержание, принуждение давать показания, сознательное привлечение невиновного к ответственности и др. Эти преступления от внешне схожих процессуальных правонарушений отличаются объективной стороной и, главное, умыслом, который при совершении преступлений против правосудия, диктуется четко обусловленной целью [5, с. 229].

Несоответствие деятельности поставленной цели и задачам порождает ошибки. Следственные действия, в результате которых возникает неправильная правовая оценка деяний, снижают эффективность досудебного расследования правонарушений.

Исследуя данный вопрос, ученые отмечают, что понятие процессуальных ошибок включает в себя такие существенные признаки: а) ошибки осуществляют самостоятельные субъекты процессуальной деятельности, которые имеют право раскрывать и расследовать преступления; б) ошибки свидетельствуют о несоблюдении целевых установок процессуального производства [6, с. 78].

Необходимо также отметить, что процессуальные ошибки могут возникать по вине суда, сторон и третьих лиц, участвующих в арбитражном разбирательстве, прокурора, эксперта ии иных лиц, участвующих в деле. Их действия являются объективно противоправными, они представляют собой нарушение требований, которые определяют правомерность процессуальной деятельности, поэтому процессуальные ошибки должны устраняться правовыми средствами.

Негативное влияние процессуальных ошибок на рассмотрение арбитражных дел предопределяет необходимость активизации борьбы с ними. Меры, которые влияют на процесс устранения ошибок, призваны исправлять и предупреждать их, потому что любая ошибка противоправна и недопустима во время осуществления правосудия.

Многие процессуальные ошибки имеют характер добросовестного обмана. Это явление можно объяснить недостаточным уровнем подготовки следователей. Анализ правоприменительной практики показывает, что промедление с рассмотрением арбитражного дела в некоторых случаях было связано с лишними проверками, дополнениями и уточнениями имеющихся материалов, что приводит к потере времени.

При исследовании понятия ошибки в арбитражном процессуальном праве необходимо отметить, что, в общем ее понимании, ошибка рассматривается как неправильное мнение и действие, которые являются ее обязательными признаками. Обязательным признаком ошибки как следствия деятельности человека является непредумышленность (непредубежденность) действия или мнения [7, с. 68]. Ошибиться можно, если действие или мнение формируются и реализуются через призму непредумышленности, а не с сознательным предположением последствий, которые могут наступить. Кроме того, не каждое неправильное действие или мнение являются ошибкой, поскольку, в зависимости от последствий, в одном случае она будет ошибочной, а в другом правильной (истинной). Критерием, который дает возможность объективно понять, какое деяние является ошибочным, а которое правильным, выступает истина. Следовательно, процессуальная ошибка это непреднамеренная неправильное мнение, действие (бездействие), которое не соответствует истине.

На основании анализа определений процессуальной ошибки и ее признаков можно определить данное понятие как неправильное процессуальное действие (бездействие) судьи и других уполномоченных лиц, которое заключается в неполноте изучения доказательств и обстоятельств дела, нарушении требований процессуального законодательства, которые приводят к принятию неверного процессуального решения и неправильному применению закона.

Процессуальная ошибка характеризуется следующими признаками:

1. Формализацией, которая означает, что ошибка осуществлена соответствующим субъектом и получила внешнюю форму выражения в определенном процессуальном документе.

2. Содержанием, что означает, что анализируемая ошибка заключается в неправильном применении уголовного закона.

3. Социально-психологическим выражением, потому что ошибка носит неумышленный характер.

4. Юридической фиксацией, т.е. наличие ошибки подтверждается процессуальным актом, которым зафиксированная допущенная ошибка.

На этой основе предлагается следующее определение процессуальной ошибки: процессуальная ошибка – это вид ошибки, который является следствием неумышленных действий работников правоприменительных органов, что зафиксировано в вынесенных позднее процессуальных документах.

Последствия ошибок в арбитражном процессе могут быть «позитивными» (для отдельных лиц) и негативными. На этой основе выделяются и характеризуются последствия ошибок, которые

- заключаются в ухудшении положения лица, действия которого квалифицируются;
- ведут к улучшению положения лица, действия которого квалифицируются;
- не влияют на улучшение или ухудшение положения лица, действия которого квалифицируются [8, с. 143].

На основе анализа процессуальных ошибок можно констатировать:

- выделение «позитивных» последствий ошибок в правовой квалификации является условным, допустимым лишь в научном исследовании с целью контраверсии. Позитивными такие последствия могут быть лишь для отдельных лиц, а никоим образом для государства и общества;
- социальные и правовые последствия процессуальных ошибок являются всегда однозначно негативными. Это подтверждает необходимость решительного противодействия таким ошибкам;
- процессуальные ошибки, связаны с причинением разнопланового вреда законным интересам потерпевшим, других участников процесса, общества и государства;
- последствия ошибок следует устранять, а сами ошибки пытаться исправлять, независимо от того, влияют они или не влияют на положение конкретного лица.

Анализ различных подходов к пониманию ошибки в медицине, психологии, педагогике, кибернетике, теории управления и юриспруденции позволяет сделать вывод, что ошибки потенциально присущи любым видам человеческой деятельности и являются достаточно распространенным негативным явлением.

Основываясь на анализе специальной литературы и процессуальной практики, можно сделать вывод, что процессуальным ошибкам присущи следующие признаки: 1) отрасль их производства и проявления; 2) субъекты ошибочных суждений и действий; 3) между разными видами ошибок существует тесная взаимосвязь [9, с. 88].

Для процессуальных ошибок в арбитражном разбирательстве характерна типовость, то есть наличие определенных закономерностей (закономерности возникновения ошибки в результате нарушения процедур деятельности, неправильного использования средств деятельности, неправильного установления обстоятельств дела и их юридической оценки и т. п.) в их существовании, которое объясняет причины и динамику ошибок [10, с. 12].

С учетом совокупности указанных признаков, присущих процессуальным ошибкам при рассмотрении арбитражных дел, а также различных подходов к их

понятию в специальной литературе, процессуальные ошибки могут рассматриваться как недостатки, которые допускаются в ходе судебного рассмотрения, в том числе при применении процессуального законодательства, которые стали результатом добросовестного заблуждения или обмана и привели к негативным последствиям или к возможности их наступления».

Среди процессуальных ошибок, которые чаще всего встречаются на стадии досудебного рассмотрения спора: неправильное или неполное восприятие; поверхностный неполный анализ; ошибочное представление о пригодности (или непригодности) материальных источников информации для последующего решения конкретных экспертных задач; субъективный подход при определении роли и значения исследуемых объектов и их признаков; неполный анализ возможных причин, взятие за основу лишь одного из условий протекания явления; поспешное обобщение; неполное выдвижение всех возможных версий [11, с. 89].

Таким образом, процессуальная ошибка при рассмотрении арбитражных дел может рассматриваться как неправильность в общем ее понимании, состоящая из мнения и действия, которые являются ее обязательными признаками. Обязательным признаком процессуальной ошибки является непредумышленность (непредубежденность) действия или мнения. Ошибиться можно, если действие или мнение формируются и реализуются через призму непредумышленности, а не с сознательным предположением последствий, которые могут наступить. Критерием, который дает возможность объективно понять, какое следствие деяния является ошибочным, а который правильным, выступает истина.

Следовательно, процессуальная ошибка – это непреднамеренное неправильное мнение, действие (бездействие), которое не соответствует истине.

На основании сравнительного анализа этимологии понятия «ошибка» с позиций различных отраслей может быть сформулировано понятие процессуальной ошибки.

Под процессуальной ошибкой понимается неправильное процессуальное действие, которое является результатом добросовестного обмана и находит свое проявление в односторонности или неполноте исследования обстоятельств дела, существенном нарушении требований процессуального закона, неправильном применении закона и, в конечном счете, к принятию неправильного процессуального решения, незаконность и необоснованность которого констатируется в соответствующем процессуальном акте.

К признакам процессуальных ошибок относятся следующие:

а) ошибки допускают самостоятельные субъекты процессуальной деятельности;

б) ошибки свидетельствуют о несоблюдении целевых установок процессуального производства;

в) все процессуальные ошибки являются объективно противоправными, они представляют собой нарушение требований, которые определяют правомерность процессуальной деятельности и должны устраняться правовыми средствами.

Анализ материалов рассмотрения арбитражных дел в Донецкой Народной Республике показал, что наиболее часто встречаются ошибки, которые не влияют

на улучшение или ухудшение положения лица, действия которого квалифицируются, однако приводят к затягиванию рассмотрения дела ошибки и росту загруженности судей [12].

Таким образом, анализ материалов арбитражных дел свидетельствует, что ошибок можно было бы избежать, если бы своевременно были бы приняты меры по их устранению.

Исправление описки, опечатки или арифметической ошибки производится в виде определения.

Копия вынесенного судьей определения об исправлениях, внесенных в постановление по делу об арбитражном правонарушении, направляется должностному лицу, составившему протокол об арбитражном правонарушении, в течение трех дней со дня вынесения соответствующего определения.

Судья вынесший решение по делу, по заявлению сторон арбитражного процесса, их законных представителей, а также по своей инициативе вправе исправить допущенные в указанных документах описки, опечатки и арифметические ошибки без изменения содержания документа. Внесенные исправления (дополнения) в иные процессуальные документы, должны быть оговорены с лицами, указанными в абзаце первом настоящего пункта, и заверены подписью сотрудника, составившего процессуальный документ.

Соответствующие участники производства по арбитражному делу должны быть ознакомлены под роспись с внесенными исправлениями (дополнениями), а при невозможности, копия исправленного (дополненного) процессуального документа высылается им в течение трех дней со дня внесения исправления (дополнения). В случае отказа указанных лиц от подписи об этом делается соответствующая запись в процессуальном документе [13].

Анализ российского опыта показывает, что процессуальные ошибки либо значительно затягивают рассмотрение дел, либо препятствуют его рассмотрению по существу или делают невозможной защиту их прав.

К процессуальным ошибкам относится предоставление в суде в качестве доказательства нечитаемой почтовой квитанции, предъявление в суд претензионных писем, отправленных не по юридическому адресу ответчика.

Процессуальной ошибкой является также предъявление требований к одному, а не к каждому из нескольких ответчиков.

Ряд процессуальных ошибок связан с нарушением допуска к участию в деле третьих лиц. В настоящее время суду предоставлено право допуска к участию в деле третьих лиц путем инициативы самого суда, сторон спорных правоотношений и одной из сторон. В качестве обязательного условия допуска к участию в деле рассматриваются доказательства и доводы наличия интереса в исходе дела для третьего лица, которое не заявляет самостоятельных требований в отношении предмета спора.

Таким образом, процессуальные ошибки при рассмотрении арбитражных дел в большинстве случаев приводят к затягиванию рассмотрения дела и должны устраняться органом, в компетенцию которого входит рассмотрение арбитражных дел.

Список источников

1. Селиванов, Ф. А. Истина и заблуждение / Ф. А. Селиванов. – М.: Политиздат, 1972. – 96 с.
2. Багыллы, С. Т. Проблемы оптимизации пересмотра судебных актов в порядке надзора в системе арбитражных судов / С. Т. Багыллы, С. И. Князькин // Российское правосудие. – 2019. – № 10. – С. 48–53.
3. Петрухин, И. Л. Причины следственных ошибок / И. Л. Петрухин // Советское государство и право. – 1970. – № 5. – С. 10–15.
4. Кательницкая, А. В. Рассмотрение дела арбитражным судом в незаконном составе как безусловное основание отмены судебных решений в апелляционном порядке в арбитражном процессе / А. В. Кательницкая // В сб.: Экономика и право в современном обществе: Материалы международной научно-практической конференции.; отв. ред. А. А. Зарайский. – 2018. – С. 77–83.
5. Женетль, С. З. Институт третьих лиц в гражданском и арбитражном процессе: проблемы и пути совершенствования / С. З. Женетль // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – № 2. – С. 229–235.
6. Петручак, Р. К. Судебная ошибка при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам / Р. К. Петручак // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 1(26). – С. 78–83.
7. Рыбкина, К. В. Судебные ошибки и право на их исправление самим судом / К. В. Рыбкина // Система ценностей современного общества. – 2016. – № 49. – С. 68–79.
8. Лебедь, К. А. Основания для отмены незаконных судебных решений / К. А. Лебедь / Социально-политические науки. – 2020. – Т. 10. – № 3. – С. 143–148.
9. Ястребов, В. М. Преюдициальность как средство юридической обоснованности фактов в судопроизводстве Российской Федерации: законность против эффективности / В. М. Ястребов, А. В. Ястребов // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2019. – № 2(30). – С. 88–92.
10. Идрисов, О. Р. Полномочия кассационной инстанции по выявлению и устранению судебных ошибок в уголовном процессе России: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 – Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность / Идрисов Олег Рафаэлевич; [Место защиты: Нац. исслед. Том. политехн. ун-т]. – Томск, 2012. – 23 с.
11. Посохина, И. В. К вопросу о классификации судебных ошибок / И. В. Посохина // Криминалистика. – 2017. – № 1(8). – С. 89–95.
12. Статистическая информация о работе Верховного Суда и судов общей юрисдикции Донецкой Народной Республики по осуществлению правосудия в 2020 году (по состоянию на 18.06.2020) / Официальный сайт Верховного Суда Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supcourt-dpr.ru> (дата обращения 13.06.2020). – Загл. с экрана.
13. Об утверждении Временного порядка осуществления арбитражного судопроизводства / Официальный сайт Верховного Суда Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supcourt-dpr.ru/zakonodatelstvo/prikaz/ob-utverzhdenii-vremennogo-poryadka-osushchestvleniya-arbitrazhnogo> (дата обращения 15.06.2020). – Загл. с экрана.
14. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2019; ред. от 25.12.2018) // Собрание законодательства РФ. – 29.07.2002. – № 30. – Ст. 3012.

Поступила в редакцию 18.09.2020 г.

JUDICIAL ERRORS IN ARBITRATION CASES AND WAYS TO OVERCOME THEM

Judicial errors, arising up at consideration of arbitrazh businesses, are probed in the article. Maintenance of concept opens up «процессуальная error, the types of judicial errors come to light at consideration of arbitrazh businesses. Grounded, that judicial errors, sufferet at consideration of business in an arbitration court, negatively influence on sense of justice of citizens and on authority of judicial bodies at a population. Proved, that measures which influence on the process of removal of errors, including, at an appeal revision, called to correct and warn these errors, because any error of противоправна and unit admits during realization of justice

Keywords: judicial error, arbitration, consideration of arbitrazh businesses, removal of errors of court, arbitrazh legal proceeding, arbitration court, arbitrazh business,

---

Сынкова Елена Михайловна

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры административного
и финансового права
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: osyn@inbox.ru

Synkova Elena

Doctor of Law, Associate Professor, Professor
of the Department of Administrative and
Financial Law of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: osyn@inbox.ru

Могутова Наталья Григорьевна

аспирант ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: n.g.mogutova@mail.ru

Mogutova Natalia

graduate student of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: n.g.mogutova@mail.ru

УДК 343.09

Тимошенко Н. А.
Свиридова К. Е.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются вопросы правового обеспечения информационной безопасности государств в связи с возрастанием интереса к юридическим аспектам обеспечения безопасности в информационной сфере. Считается, что этот феномен является естественным следствием в связи с прогрессом общества в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, поэтому заслуживает особого внимания с точки зрения правовой регламентации.

Ключевые слова: информационная безопасность, обеспечение национальной безопасности, киберпространство, информационно-коммуникационные технологии, информационные отношения.

На данный момент актуальным вопросом в сфере правового регулирования является обеспечение информационной безопасности как основного направления деятельности в сфере национальной безопасности. Это, прежде всего, связано с развитием информационно-коммуникационных технологий и повсеместным внедрением цифровых технологий, что способствует изменению характера правоприменительной практики, которая обеспечивает безопасность всех участников «цифрового» оборота, сохранность персональных данных и различного рода информации в киберпространстве.

Целью данного исследования является комплексный анализ государственной политики в области правового обеспечения информационной безопасности.

В связи с этим стоит отметить, что, как и любое достижение науки, информатизация общества несет в себе как положительные, так отрицательные черты. Так, с развитием современных технологий, человечество столкнулось с новыми типами угроз, среди которых можно выделить следующие:

- «кибервойны», которые представляют собой возможность силового противостояния государств в информационной сфере;
- «кибертерроризм» – использование информационных технологий террористическими организациями либо отдельных лиц в целях осуществления террористической угрозы;
- «киберпреступность» – возможность использования сети Интернет в иных противоправных целях, с нарушением установленного правопорядка, преследуемым уголовным законодательством государства [1].

Важность роли информационной безопасности на современном этапе развития общества подчёркивают сами главы государств. Так, в качестве примера следует рассмотреть Совместное российско-американское заявление об общих вызовах

безопасности на рубеже XXI века, подписанного по итогам Московского саммита от 2 сентября 1998 года президентами России и США. Так, в данном заявлении отмечено следующее: «Мы, президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки, заявляем, что сотрудничество между Россией и США будет иметь в XXI веке чрезвычайно важное значение для содействия процветанию и укрепления безопасности во всем мире. В этой связи мы подтверждаем, что Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки являются естественными партнерами в обеспечении международного мира и стабильности» [2]. Таким образом, Россия и США признали «особую важность содействия положительным сторонам и ослабление действия отрицательных сторон происходящей информационно-технологической революции, что является серьезной задачей в деле обеспечения стратегических интересов безопасности двух стран в будущем».

Ещё одним ярким примером в области координации позиций государств относительно объектов обеспечения международной информационной безопасности является Окинавская хартия глобального информационного общества, принятая на встрече лидеров стран «Большой Восьмёрки» в июле 2000 г. на Окинаве (Япония) [3]. Так, результатами встречи является фиксация следующих основных положений:

- 1) признание информационно-коммуникационных технологий в качестве основного фактора, формирующего общество XXI века;
- 2) готовность содействовать переходу к информационному обществу;
- 3) необходимость решения проблем, связанных с обеспечением безопасности использования этих технологий [4].

На сегодняшний день законодательство Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), а именно ст. 5 Закона «О безопасности» устанавливает, что правовую основу обеспечения безопасности составляют Конституция Донецкой Народной Республики, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Донецкой Народной Республики, Закон «О безопасности», другие законы и иные нормативные правовые акты Донецкой Народной Республики, органов местного самоуправления, принятые в пределах их компетенции в области безопасности [5].

Основополагающим законодательным актом ДНР, регулирующим общественные отношения в информационной сфере, является Закон ДНР «Об информации и информационных технологиях» [6]. Данный Закон регулирует отношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; применении информационных технологий; обеспечении защиты информации. Однако до сих пор законодательно не закреплено такое понятие как «информационная безопасность», что способствует распространению субъективизма по отношению к определению сущности понимания данного термина.

Если обратиться к опыту Российской Федерации (далее – РФ), то следует подчеркнуть, что понятие «информационная безопасность» нормативно закреплено в качестве самостоятельной составляющей безопасности, в Законе РФ «О безопасности» [7].

Не менее важным, представляется, системный подход в вопросах информационной безопасности, реализованный в Доктрине информационной

безопасности РФ, представляющий собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере. Первоначально законодательное определение термина «информационная безопасность» было закреплено в Федеральном законе от 4 июля 1996 г. № 85-ФЗ «Об участии в международном информационном обмене». Информационная безопасность представляла собой «состояние защищенности информационной среды общества, обеспечивающее ее формирование, использование и развитие в интересах граждан, организаций, государства». Однако дальнейшего закрепления в действующем на сегодня Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» данная дефиниция не получила [8].

Необходимо отметить, что была закреплена такая дефиниция как «международная информационная безопасность». Так, международная информационная безопасность трактуется, прежде всего, исходя из характера угроз. В п. 6 Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года под международной информационной безопасностью понимается «такое состояние глобального информационного пространства, при котором исключены возможности нарушения прав личности, общества и прав государства в информационной сфере, а также деструктивного и противоправного воздействия на элементы национальной критической информационной инфраструктуры» [9].

В научной литературе можно встретить неоднозначные взгляды на содержательную составляющую анализируемого понятия. Так, В. Н. Лопатин считает, что под информационной безопасностью следует понимать состояние защищенности национальных интересов страны (жизненно важных интересов личности, общества и государства на сбалансированной основе) в информационной сфере от внутренних и внешних угроз. Информационная безопасность предполагает не только защиту от информационного оружия, но и обеспечение конституционных прав граждан на свободу сбора, распространения и получения информации (естественно, с определенными ограничениями), на тайну корреспонденции и т.п. [10]. По мнению А. Д. Урсул, информационная безопасность представляет собой «состояние защищенности основных сфер жизнедеятельности по отношению к опасным информационным воздействиям» [11, с. 7].

Рассматривая правовой аспект обеспечения информационной безопасности, следует отметить, что данное направление является не отдельно взятой, а комплексной задачей всего государства, в связи с тем, что появляется необходимость в задействовании правовых норм различных отраслей права. Это способствует разработки комплекса нормативно-правовых актов и положений, регулирующих информационные отношения различных субъектов в обществе, а также руководящих и нормативно-методических документов в сфере обеспечения информационной безопасности [12].

Считается целесообразным выделить основные признаки рассматриваемого института информационного права. Так, среди них: 1) наличие системы норм информационного права, регулирующих совокупность однородных отношений; 2)

направленность норм на регулирование определенного порядка в информационной сфере, состояние защищенности объекта защиты жизненно важных интересов; 3) существование уровней информационной безопасности: личностного (субъектного); корпоративного (общественного) и общегосударственного [13, с. 119].

Исходя из основополагающих начал «информационной безопасности» следует отметить, что законодательство в области информационной безопасности выполняет две основные функции:

- разработка механизмов, норм и правил, обеспечивающих заданный уровень информационной безопасности;

- контроль исполнения норм и правил в области информационной безопасности.

Таким образом, информационная безопасность представляет собой один из элементов многоуровневой системы безопасности государства. Следует согласиться с мнением И. Э. Кванталиани, который обозначил, что информационная безопасность является одним из важнейших аспектов интегральной безопасности независимо от уровня: международного, национального, отраслевого, корпоративного или персонального [14, с. 43].

Однако, наряду с выполнением одной из важнейших роли в государстве существует пробел правовой регламентации информационной безопасности. Так, в качестве решения обозначенных проблем исследования необходима разработка нормативно-правового акта или внесения изменений путём выделения отдельного раздела посвященному вопросу информационной безопасности с непосредственным закреплением данной дефиниции. Исходя из проанализированных документов российского законодательства, а также научной литературы предлагается следующая трактовка понятия информационной безопасности: «Информационная безопасность – это состояние защищенности информационного пространства, при котором исключены возможности нарушения прав интересов личности, общества и национальных интересов страны в информационной сфере, а также деструктивного и противоправного воздействия на элементы национальной информационной инфраструктуры, защита от внутренних и внешних угроз в киберпространстве.

Помимо этого необходима закрепления сопутствующих терминов, к примеру, таких как «киберпространство», «информационная сфера» и т.д., определение объекта и субъекта данных правоотношений, а также установление границ для разграничения нарушения информационной безопасности государства от нарушения международной безопасности в целом. Исходя из этого, немаловажным является и установление ответственности за нарушение информационной безопасности государства, что должно быть отражено в разработанном нормативно-правовом акте. Также немаловажную роль играет проблема правового характера, решение которой должно определить соотношение между свободой слова и секретностью, открытостью глобального информационного пространства и вопросами информационной безопасности государства. Эти вопросы в первую очередь связаны с тем, что на сегодняшний день такой особый правовой институт как «институт информационной открытости» изучен не в полной мере.

Список источников

1. Сахаровский, С. Д. Информационная безопасность органов государственной власти и местного самоуправления в контексте противодействия коррупции / С. Д. Сахаровский // Молодой ученый. – 2017. – № 5.1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/139/39314/> (дата обращения: 09.12.2020). – Загл. с экрана.
2. Совместное российско-американское заявление об общих вызовах безопасности на рубеже XXI века от 2 сентября 1998 года / Официальный сайт информационно-правового консорциума «Кодекс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901764255> (дата обращения: 17.12.2020). – Загл. с экрана.
3. Окинавская хартия глобального информационного общества (принятой лидерами стран восьмерки в г. Окинава, Япония, в 2000 г.) / Официальный сайт информационно-правового консорциума «Кодекс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901770887> (дата обращения: 17.12.2020). – Загл. с экрана.
4. Бекетов, Н. В. Политико-правовые аспекты глобальной информационной безопасности / Н. В. Бекетов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2008. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-pravovye-aspekty-globalnoy-informatsionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 15.12.2020). – Загл. с экрана.
5. О безопасности: Закон Донецкой Народной Республики № 04-ІНС от 12.12.2014 (действ. ред. по сост. на 16.03.2020) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-bezopasnoste/> (дата обращения: 10.12.2020). – Загл. с экрана.
6. Об информации и информационных технологиях: Закон Донецкой Народной Республики № 71-ІНС от 07.08.2015 (действ. ред. по сост. на 03.09.2015) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-informatsii-i-informatsionnyh-tehnologiyah/> (дата обращения: 10.12.2020). – Загл. с экрана.
7. О безопасности: Федеральный закон от 05.03.1992 г. № 2446-1 (ред. от 25.07.2002) / / Ведомости СНД и ВС РФ от 09.04.1992. – № 15. – Ст. 769; Российская газета от 06.05.1992. – №103.
8. Алексеев, Г. В. Международное вещание и информационная безопасность государств / Г. В. Алексеев // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2003. – № 8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-veschaniye-i-informatsionnaya-bezopasnost-gosudarstv> (дата обращения: 18.12.2020). – Загл. с экрана.
9. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ 24.07.2013 № Пр-1753) / СПС «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071558/> (дата обращения: 10.12.2020). – Загл. с экрана.
10. Лопатин, Ю. Н. Информационная безопасность в России. Проблемы, поиски решений / Ю. Н. Лопатин // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2008. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-bezopasnost-v-rossii-problemy-poiski-resheniy> (дата обращения: 28.12.2020). – Загл. с экрана.

11. Урсул, А. Д. Информационная стратегия и безопасность в концепции устойчивого развития / А. Д. Урсул // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. – 1996. – № 1. – С. 17–22.
12. Проценко, Е. А. Правовое регулирование информационной безопасности / Е. А. Проценко // Власть и управление на Востоке России. – 2007. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-informatsionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 19.12.2020). – Загл. с экрана.
13. Лименько, Л. Г. Отдельные аспекты правового регулирования информационной безопасности / Л. Г. Лименько // Молодой ученый. – 2017. – № 45(179). – С. 118–121.
14. Кванталиани, И. Э. Информационная безопасность – важнейший аспект интегральной безопасности / И. Э. Кванталиани, Н. Б. Жданов // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2011. – № 10. – С. 41–43.

Поступила в редакцию 28.12.2020 г.

LEGAL ASPECTS OF INFORMATION SECURITY OF STATES

The article discusses the issues of legal support of information security of states in connection with the growing interest in the legal aspects of security in the information sphere. It is believed that this phenomenon is a natural consequence of the progress of society in the field of information and telecommunication technologies, therefore it deserves special attention from the point of view of legal regulation.

Keywords: information security, national security, cyberspace, information and communication technologies, information relations.

Тимошенко Нина Александровна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Timoshenko Nina
PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of criminal law
and procedure of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: n.timowenko@gmail.com

Свиридова Кристина Евгеньевна
Студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: sviridova.1598@gmail.com

Sviridova Kristina
law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: sviridova.1598@gmail.com

УДК 342.72/.73

Финкина А. П.

ЗАЩИТА ПРАВ ПАЦИЕНТА ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В работе проведен анализ правоприменительной практики Европейского суда по правам человека, касающейся защиты прав человека, а именно – прав пациентов. За годы своей деятельности Европейский суд по правам человека принял немало решений, касающихся защиты прав человека в сфере здравоохранения, исследован механизм обращения пациентов в Европейский суд по правам человека. Автором рассмотрены ключевые решения Европейского суда по правам человека в контексте защиты прав пациентов.

Ключевые слова: права человека, права пациента, способ защиты, Европейский Суд по правам человека, решение ЕСПЧ.

Здоровье человека в эпоху динамически неустойчивых природных и общественных условий требует пристального внимания к организации здравоохранения. Особое значение имеют законодательные гарантии действенности системы медицинской помощи и социальной защиты. Известно, что эффективность деятельности системы охраны здоровья является одним из определяющих факторов социально-экономического развития любого государства.

Кроме деятельности государства, к организационным гарантиям реализации прав пациентов относится деятельность, в частности, государственных органов системы здравоохранения, судебных органов, негосударственных органов и организаций и тому подобное. Так, определение и нормативное закрепление прав пациентов дает возможность реализовывать права пациентов при помощи предусмотренных законодательством способов защиты нарушенных прав, к которым относится обращение пациентов в государственные органы системы здравоохранения, в суд и обращение в негосударственные органы и организации с целью получения помощи в защите и восстановлении своих нарушенных прав.

Одним из наиболее актуальных вопросов в области медицинского права остается проблематика защиты прав пациентов – комплексной системы мероприятий, которые используются в тех случаях, когда без препятствий реализовать права пациента не удастся и когда на помощь неудовлетворенному интересу пациента должна прийти соответствующая правоприменительная деятельность со стороны уполномоченных государственных и общественных организаций.

В научной литературе предлагается классификация способов защиты прав пациентов: система обжалования нарушенных прав в сфере здравоохранения;

© Финкина А. П., 2020

обращение к институтам судопроизводства; обращение в негосударственные органы и организации [1, с. 13].

Первым шагом к решению проблемы нарушения прав пациента является подача жалобы на действия (бездействие) должностных лиц в сфере здравоохранения и руководителей частных медицинских учреждений. Выделение обжалования в отдельный способ защиты прав пациентов наряду с судебными и альтернативными способами обусловлено такими признаками как досудебная процедура урегулирования конфликта и наличие властных полномочий органов относительно сферы здравоохранения. Среди основных органов обжалования можно выделить следующие: администрация медицинского учреждения; органы и подразделения органов исполнительной власти; управление защиты прав потребителей; органы полиции и прокуратуры; омбудсмен и другие организации, наделенные полномочиями защищать права пациентов.

Среди судебных способов защиты прав пациента выделяем гражданское, уголовное, административное, конституционное судопроизводство, обращение в Европейский суд по правам человека.

Показательной в вопросе защиты прав пациентов является деятельность Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ).

Механизм обращения пациентов в Европейский суд по правам человека можно определить следующим образом:

- нарушение прав пациентов, определенных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод со стороны государства и его органов;
- использование национальных инстанций правовой защиты (как правило, суды первой, апелляционной и кассационной инстанций), что не приносит желаемого результата пациентам, чьи права нарушены;
- обращение пациента в Европейский суд по правам человека с описательным письмом о факте нарушения прав человека;
- получение и заполнение пациентом формуляра заявления в Европейский суд по правам человека;
- оценка Европейским судом заявления как соответствующего критериям приемлемости к рассмотрению;
- переписки Европейского суда по правам человека с пациентом и уполномоченным органом по детализации позиций сторон и их доказывания;
- рассмотрение дела в Европейском суде по правам человека и вынесение решения;
- исполнение решения Европейского суда по правам человека.

За годы своей деятельности ЕСПЧ принял немало решений, касающихся защиты прав человека в сфере здравоохранения [2].

Ключевым в этом контексте является Решение ЕСПЧ по делу «Биржиковский против Польши» (2006) [3]. В фабуле решения предусмотрено, что 11 июля 1999 года жену заявителя привезли в Медицинскую академию г. Вроцлава, где она должна была в тот же день рожать. Однако роды не начинались, а диагностические аппараты показывали, что у ребенка есть проблемы с сердцем. Жене заявителя сделали инъекцию, после чего она впала в кому. Попытки вернуть больную в

сознание были безуспешными, а 31 июля 1999 года она умерла. У новорожденного сына заявителя сразу появились проблемы с сердцем, а также осложнения неврологического характера. Сейчас он нуждается в постоянном медицинском наблюдении. Суд установил, что произошло нарушение ст. 2 Конвенции, которое выразилось в отсутствии надлежащего расследования обстоятельств смерти жены заявителя и существенного ухудшения здоровья его сына. Согласно ст. 41 Конвенции Суд назначил выплатить заявителю 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда и 1 150 евро на возмещение судебных расходов. Но наиболее значимым для европейского правосудия при рассмотрении медицинских дел и создании юридической практики в этой области, как представляется, является вывод Суда по данному делу, согласно которого отмечается необходимость скорейшего решения дел, касающихся смерти лица в медицинских учреждениях. Ошибки, допущенные медработниками, должны быстро проясняться. Далее эта информация должна безотлагательно распространяться среди персонала медицинского учреждения в целом, чтобы не допустить повторения негативного опыта в будущем, а следовательно гарантировать пациентам предоставление более качественных медицинских услуг.

По состоянию на сегодня ЕСПЧ критически оценивает право человека на смерть. Хрестоматийным делом относительно права на прекращение жизни, которое слушалось в Суде стало дело «Претти против Великобритании» (2002) [4]. Гражданка Великобритании страдала неизлечимой формой редкой болезни – заболевания двигательного нейрона (все ее тело ниже шеи было парализовано). Г-жа Претти имела четкое желание прекратить свои страдания и достойно уйти из жизни, однако из-за болезни она не могла совершить никаких активных действий, направленных на совершение акта самоубийства.

Решение ЕСПЧ по делу Претти является чрезвычайно ценным для правопонимания. Суд не нашел в ограничении «права на самоубийство с помощью третьих лиц» противоречий правам человека, которые декларированы в Конвенции. В частности, Суд указывает, что право на жизнь, гарантированное ст. 2 Конвенции, не означает права на смерть с участием или умышленную помощь третьих лиц в самоубийстве, при этом Суд также ссылается на текст Рекомендации ПАСЕ № 1418 (1999). Заявитель аргументировала свою жалобу также и в первую очередь нарушением Великобританией ее права на свободу от жестокого и унижающего человеческого достоинство обращения, которое гарантируется положениями ст. 3 Конвенции. Эта статья действительно возлагает на государств-участниц не только негативные обязательства – запрет жестокого обращения, но и позитивные обязательства по защите людей, находящихся под юрисдикцией этих государств, от такого обращения.

Суд подчеркнул в этом деле, что позитивные обязательства государства по ст. 3 есть в трех плоскостях: а) обязанности государства защитить здоровье лица, лишённого свободы; б) обязанности государства обеспечить неприменение запрещенного Конвенцией обращения в отношении всех лиц, находящихся под его юрисдикцией, со стороны частных лиц; в) обязанности государств привлекать к ответственности частных лиц, наносящих ущерб свободе лиц от жестокого и

унижающего человеческое достоинство обращения (наказания). Отказывая заявительнице в признании нарушения Великобританией предписаний ст. 3 Конвенции, Суд отметил: «Страдания, порожденные естественно возникающими физическими или психическими заболеваниями, могут подпадать под ст. 3, когда страдания связаны также с условиями заключения, последствиями выдворения или другими мерами, ответственность за которые лежит на государстве». Суд также отклонил требование заявительницы признать нарушение ст. 8 Конвенции, запрещающей вмешательство в частную жизнь заявительницы.

Вопрос о душевнобольных выяснял Суд в Решении «Винтерверп против Нидерландов» («Winterwerp v. the Netherlands») (1979) [5]. В Конвенции не указано, что нужно понимать под словом «психически больные». Этот термин не может быть четко истолкован – как отмечалось Комиссией, значение этого термина постоянно расширяется вместе с новыми достижениями в области психиатрии, появлением более гибких методов лечения, изменениями в отношении общества к психическим заболеваниям, в частности, растет понимание проблем душевнобольных пациентов. В любом случае очевидно, что п. «е» ч. 1 ст. 5 Конвенции не следует понимать как разрешение на задержание лица лишь потому, что его взгляды или поведение отклоняются от нормы, которая преобладает в конкретном обществе. По мнению Суда, за исключением неотложных случаев, лицо не может быть лишено свободы, если не будет достоверно установлено, что оно является психически больным. Сама природа того, что должно быть установлено компетентным национальным органом – то есть реальное расстройство психики, требует объективной медицинской экспертизы. Кроме того, расстройство психики должно иметь такой характер или такую степень, которые бы оправдывали обязательное лишение свободы, а правомерность дальнейшего содержания в психиатрической больнице зависит от того, сохраняется ли состояние психического расстройства.

В данном решении ЕСПЧ заявитель обосновывал нарушение п. 4 ст. 5 Конвенции, согласно которой каждый, кто лишен свободы вследствие ареста или задержания, имеет право на судебное разбирательство, при котором суд без промедления определяет законность задержания и принимает решение об освобождении, если задержание является незаконным. Суд подчеркнул в заключении решения, что ключевой гарантией по п. 4 ст. 5 Конвенции является то, что лицо, которое принудительно удерживают в психиатрическом учреждении, должно иметь право на судебный пересмотр по его собственному желанию. Доступ лица, которое содержится в таком учреждении, к судье не должен зависеть от доброй воли администрации учреждения, где содержится лицо, использоваться по усмотрению руководства медицинского учреждения.

Актуальным в этом исследовании, конечно, являются дела, связанные с защитой права лица на уважение к его частной и семейной жизни (ст. 8 Конвенции). Права пациента на медицинскую информацию и медицинскую тайну относятся к чаще всего нарушаемому на практике. Это обусловлено не всегда правильным пониманием ключевых понятий, некорректной реализацией своих прав другими субъектами и тому подобное. В контексте этого Суд отметил (решение по делу

«М. С. против Швеции» (M. C. v. Sweden) (1997) [6]): «Охрана данных личного характера, и особенно медицинских данных, имеет основополагающее значение для осуществления права на уважение частной и семейной жизни. Соблюдение конфиденциальности сведений о здоровье составляет основной принцип правовой системы всех государств-участников Конвенции. Он является важным не только для защиты частной жизни больных, но и для сохранения их доверия к работникам медицинских учреждений и системы здравоохранения вообще. Национальное законодательство должно обеспечивать соответствующие гарантии, чтобы исключить любое сообщение или разглашение сведений личного характера в отношении здоровья, если это не соответствует гарантиям, предусмотренным ст. 8 Конвенции».

В Решении ЕСПЧ по делу «Z против Финляндии» (Z v. Finland) (1997) [7] Суд подчеркнул, что защита персональных данных – в данном деле медицинского характера – имеет фундаментальное значение для реализации лицом своего права на уважение частной и семейной жизни. Соответственно, государство обязано определить эффективные гарантии, чтобы предотвратить обнародование такой информации. Суд принимает во внимание фундаментальное значение защиты персональных данных, причем не только медицинских, для осуществления права на уважение частной и семейной жизни, как это гарантируется ст. 8 Конвенции. Уважение конфиденциальности данных о физическом состоянии является существенным принципом в правовых системах всех государств-участников Конвенции.

Итак, как видим, ЕСПЧ в своих Решениях касается широкого спектра вопросов, посвященных правам пациентов. Механизм обращения пациентов в ЕСПЧ можно определить следующим образом: нарушение прав пациентов, определенных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод со стороны государства и его органов; использование национальных инстанций правовой защиты, которое не приносит желаемого результата пациентам, чьи права нарушены; обращение пациента в ЕСПЧ с описательным письмом о факте нарушения прав человека; получение и заполнение пациентом формуляра заявления в ЕСПЧ; оценка ЕСПЧ заявления как соответствующего критериям приемлемости к рассмотрению; переписки ЕСПЧ с пациентом и уполномоченным органом по детализации позиций сторон и их доказывания; рассмотрение дела в ЕСПЧ и вынесения решения; выполнение решения ЕСПЧ.

Список источников

1. Сенюта, І. Права пацієнтів у рішеннях Європейського суду з прав людини / І. Сенюта // Вісник Львівського університету. – Серія юрид., 2009. – Вип. 48. – С. 13–20.
2. Европейская конвенция о защите прав человека и основополагающих свобод от 04.11.1950 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hri.org/docs/ECHR50.html> (дата обращения: 18.12.2020). – Загл. с экрана.
3. Решение Европейского суда по правам человека (дело «Биржиковский против Польши» (Byrzykowski v. Poland)) (2006) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://curia.europa.eu/> (дата обращения: 18.12.2020). – Загл. с экрана.

4. Решение Европейского суда по правам человека (дело «Претти против Великобритании» (Pretty v. the United Kingdom)) (2002) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://curia.europa.eu/> (дата обращения: 18.12.2020). – Загл. с экрана.
5. Решение Европейского суда по правам человека (дело «Винтерверп против Нидерландов» («Winterwerp v. the Netherlands»)) (1979) [[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://curia.europa.eu/> (дата обращения: 18.12.2020). – Загл. с экрана.
6. Решение Европейского суда по правам человека (дело М. С. против Швеции (M.C. v. Sweden)) (1997) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://curia.europa.eu/> (дата обращения: 18.12.2020). – Загл. с экрана.
7. Решение Европейского суда по правам человека (дело «Z против Финляндии» (Z v. Finland)) (1997) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://curia.europa.eu/> (дата обращения: 18.12.2020). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 19.12.2020 г.

PROTECTION OF PATIENT RIGHTS BY THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

The paper analyzes the law enforcement practice of the European Court of Human Rights concerning the protection of human rights, namely, the rights of patients. Over the years of its activity, the European Court of Human Rights has made many decisions concerning the protection of human rights in the field of health care, and the mechanism of patients' appeal to the European Court of Human Rights has been investigated. The author considers the key decisions of the European Court of Human Rights in the context of protecting the rights of patients.

Keywords: human rights, patient rights, method of protection, European Court of Human Rights, ECHR decision.

Финкина Анна Павловна

старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: a.finkina@donnu.ru

Finkina Anna

Senior Lecturer at the Department of Civil
Law and Procedure of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: a.finkina@donnu.ru

УДК 347.461

Финкина А. П.
Стёпина В. Ю.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВИЛ ОБ ЭВИКЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Данная работа посвящена анализу отдельных проблемных вопросов эвикции, порождающей ответственность недобросовестного продавца в случае истребования спорного имущества третьим лицом. Исходя из указанной цели, исследуются понятие и признаки добросовестного приобретателя, а также рассматриваются основные конституирующие признаки «эвикции». В результате научного исследования установлено, что действующее на территории Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) гражданское законодательство не определяет перечень критериев, которые подтверждают добросовестность лица. В работе предпринята попытка установления такого перечня с помощью смыслового наполнения концепта добросовестности. Автором сделаны выводы о том, что закрепление признаков эвикции и критериев добросовестности в гражданском законодательстве ДНР предоставит возможность контрагентам защитить собственные интересы, а также снизит риски и обезопасит стороны от возможных мошеннических действий, обеспечит исполнение договорных обязательств, в первую очередь, со стороны продавца.

Ключевые слова: добросовестность, добросовестный приобретатель, оспоримая сделка, реституция, эвикция.

В рамках гражданского законодательства Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) правил об эвикции является унаследованным явлением, которое впервые упоминается у римских юристов. Под эвикцией (от лат. «eviction» – лишение владения) следует понимать истребование у покупателя имущества, которое было им приобретено, по основаниям, которые возникли до продажи. Иными словами, если продавец, который не является законным собственником реализованного имущества, продаёт данное имущество, – то именно он обязан нести ответственность перед покупателем, в случае истребования у последнего спорного имущества его законным владельцем. На данном этапе исторического развития, применение правил об эвикции является очень актуальным и спорным вопросом. Рассматриваемое нами понятие нашло своё отражение в ст. 572 Гражданского кодекса ДНР (далее – ГК), норма которой предусматривает ответственность недобросовестного продавца, в том случае, если в сделку вступают третьи лица, изымающие у покупателя спорный товар [1] при соблюдении некоторых условий:

1) основания, по которым третье лицо изымает у покупателя спорный товар, должны были возникнуть до исполнения договорных отношений между продавцом и покупателем;

© Финкина А. П., Стёпина В. Ю., 2020

2) недобросовестный продавец спорной вещи обязан возместить убытки, причинённые его незаконными действиями;

3) покупатель не должен был и не знал о существовании прав третьих лиц на спорный товар.

Следовательно, буквальное толкование правовой нормы позволяет сделать вывод о том, что в отечественном гражданском праве в качестве эвикции следует понимать отчуждение приобретённого имущества у покупателя по различным основаниям, которые возникли до продажи.

Часть 5 статьи 11 ГК предусматривает добросовестность участников гражданских правоотношений [1]. Однако анализируемая практика показывает, что в экономической деятельности порой не всегда контрагенты ведут себя добросовестно.

Наиболее распространено это в случаях, когда одно лицо продаёт другому лицу вещь, не имея на неё законных прав. В результате такая сделка не может быть признана действительной, следовательно, ни о какой передаче права собственности говорить не приходится. При отчуждении вещи по договору поставки либо купли-продажи, продавец передаёт заказчику, покупателю не просто саму вещь в материальном смысле, а и право собственности на неё. Однако с передачей последней могут возникнуть проблемы, поскольку она становится невозможной, если указанная вещь принадлежит не продавцу, а третьему лицу, или же, когда третье лицо имеет какие-нибудь другие права требования на данную вещь. Вследствие этого возможность отчуждения этой вещи становится ограниченной.

Такая сделка не может быть признана действительной, а, следовательно, не несёт за собой никаких правовых последствий. Законный собственник данного имущества в любой момент может изъявить право на него, и в порядке реституции все нарушенные права должны быть восстановлены, и вещь должна быть возвращена её законному собственнику.

Однако в данном случае мы сталкиваемся с новым нарушением прав, но уже покупателя, ведь зачастую данная сторона таких правоотношений является добросовестной. Ведь указанное лицо могло действовать в соответствии с законом, т.е. разумно, и могло не знать либо не иметь возможности знать, что заключение той же сделки купли-продажи с такой вещью безосновательно и абсолютно незаконно.

По мнению А. В. Егорова и М. А. Ероховой, в качестве проблемы, которая связана с положением покупателя при признании продажи чужого имущества ничтожной сделки, можно считать тот факт, что у отчуждателя появляется возможность требовать возврата переданной вещи либо возмещения её стоимости [2, с. 50].

На практике можно заметить, что суды находятся в таких случаях на стороне покупателя и возвращают ему стоимость приобретённого им товара по правилам о реституции, при этом не требуют передачи товара продавцу, поскольку он изымается его законным собственником.

Закономерным является возникающий в таком случае вопрос: будет ли считаться такая реституция законной? Если да, то возникает иной вопрос,

касающийся требований со стороны приобретателя чужого имущества в возмещении убытков. Следовательно, если сделка купли-продажи имущества является ничтожной, то нормы об эвикции не действуют, т.е. требование о возмещении убытков не подлежит удовлетворению.

Двусторонний характер реституции приводит к тому, что у неправомочного отчуждателя возникает право требования имущества обратно, а у добросовестного приобретателя возникает обязанность возвратить такое имущество, по основаниям ст. 217 ГК ДНР [1].

Не представляется обоснованным признание в качестве добросовестных действий, которые направлены на уменьшение имущества должника с целью отказа кредитору в обращении взыскания на это имущество. В данном случае неправильно определены положения о двусторонней реституции, впрочем, денежные средства, которые переданы добросовестным владельцем имущества по недействительным сделкам, взыскиваются в его пользу, в таком случае мы можем говорить о том, что владельцу предоставляется возможность защиты своих прав.

А вот в ином деле, к примеру, договор купли-продажи имущества признается недействительным, а суд отмечает, что заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки дает основание полагаться на действительность сделки [3].

Лицо, которое знало об основаниях недействительности оспоримой сделки, после признания её таковой не может считаться таким, которое действовало добросовестно.

Таким образом, можно заметить, что, ввиду вышеуказанных примеров, добросовестный приобретатель товара защищён от притязаний взыскателя, так или иначе обоснованных.

В рамках норм, которые посвящены в ГК урегулированию процедуры истребования собственности её законным владельцем, отечественный законодатель ввёл такое понятие как «добросовестный потребитель».

Присутствие в процедуре истребования имущества его законным владельцем такого субъекта как добросовестный потребитель, существенно усложняет её проведение, ведь в этом случае возникает конфликт интересов между двумя сторонами, вместе с тем ни одна из сторон не нарушила действующее гражданское законодательство.

Помимо всего вышеуказанного, сам статус добросовестного приобретателя вызывает большое количество спорных вопросов, которые исходят из субъективной природы указанного явления («добросовестности»), а также сложностью его доказывания и подтверждения.

ГК не содержит в себе перечень критериев, которые подтверждали бы добросовестность лица. В рамках судебной практики была предпринята попытка создания такого перечня, однако полагаться на него всецело не стоит, поскольку само явление «добросовестности» является сугубо субъективным и относительным, а потому каждый конкретный случай необходимо рассматривать отдельно, при этом тщательно изучая все обстоятельства.

Исходя из положений ст. 361 ГК можно заключить, что законодатель под добросовестным приобретателем понимает лицо, приобретшее имущество у лица, не уполномоченного на реализацию данного имущества, причём приобретатель не мог знать и не знал об этом.

Анализ вышеприведённого определения позволяет выделить несколько критериев добросовестности лица:

1. Вещь должна быть приобретена на возмездной основе. Возмездность в данном случае подразумевает под собой то, что указанная вещь должна быть полностью оплачена покупателем. Однако законодатель предусмотрел, что приобретение вещи на безвозмездной основе также будет считаться в случае возникновения ситуации, при которой на дату, когда покупателю стало известно о том, что вещь была получена им не законно, а оплата не была произведена вообще или в полном объёме (была уплачена лишь часть), либо ещё не наступило иное встречное исполнение [4].

2. Лицо, приобретшее вещь, не знало и не могло знать о праве третьих лиц на данную вещь, т.е. то, что лицо, реализующее данную вещь, не имеет на неё законных прав. Здесь имеется ввиду, искренняя уверенность покупателя в том, что он участвует в обычных экономических отношениях, а также, что сделка, которая им заключается, не нарушает ничьих прав. В данном случае вполне логичным становится вопрос, который вызывает в современной гражданско-правовой доктрине большой интерес и по-прежнему остаётся неразрешённым законодателем, – вопрос осведомлённости покупателя. Как добросовестному приобретателю определить, что на приобретаемый им товар не имеются права третьих лиц? Где взять этот стандарт осмотрительности, при вступлении лица в сделку по купле-продаже товара? Где та граница, по которой можно считать, что потребитель не знал и не мог знать о правах третьих лиц на приобретаемый товар? Опять же, возникает ряд вопросов и к самому продавцу такого товара. Каковы пределы его ответственности в качестве информатора, который выступая как человек знающий, обязан сообщить потребителю, желающему приобрести товар, о различных спорах и обременениях? Указанные вопросы разрешаются в рамках конкретного дела, т.е. на практике, на усмотрение судьи, а вот на законодательном уровне разрешить указанные вопросы не имеется возможности.

Таким образом, стоит отметить, что законодателем установлена необходимость совокупности названных критериев для признания лица добросовестным приобретателем. Однако, вполне очевидным является то, что названные критерии являются чересчур широкими и неоднозначными для возможности наделения лица статусом добросовестного приобретателя судом. В данной ситуации необходимо обратить внимание на критерии, которые были отображены в обзорах судебной практики, хотя данный перечень не может быть и не является исчерпывающим [5, с. 91].

Следовательно, законодателем предоставлено покупателю неограниченное право на подтверждение своей добросовестности.

В случае, если лицо докажет свою добросовестность, возможно два варианта развития событий:

1) спорное имущество может быть передано первоначальному собственнику, или может быть оставлено у добросовестного приобретателя;

2) у добросовестного приобретателя возникает право собственности на спорную вещь.

В итоге, в случае если приобретатель докажет свою добросовестность и будет признан таковым по решению суда, то возникает два варианта разрешения спора:

1) спорное имущество передаётся первоначальному собственнику;

2) спорное имущество остаётся у добросовестного приобретателя.

Во втором случае имеет место возникновение права собственности на спорное имущество именно у добросовестного приобретателя.

Необходимо отметить, что действующее гражданское законодательство находится на стороне покупателя, поскольку вводит презумпцию добросовестности покупателя.

Потому бремя доказывания недобросовестности покупателя лежит на законном собственнике имущества, однако при этом покупатель не ограничивается в праве предоставлении суду доказательств, подтверждающих его добросовестность.

Однако данное правило несколько не облегчает судьбу покупателя на практике, ведь именно ему необходимо доказать, что действовал разумно, что не знал и не мог знать о праве третьего лица на спорное имущество, а также, что им были предприняты все возможные и необходимые меры по установлению прав продавца на отчуждение имущества.

Исходя из этого, представляется возможным дать практический совет ответчикам по данным гражданским спорам. По вполне обоснованным суждениям учёных-цивилистов «истец, предъявляя иск, должен представить суду данные подтверждающие, что он является надлежащим истцом, а привлекаемое лицо является надлежащим ответчиком». Поэтому, ответчику необходимо ходатайствовать перед судом о возложении на истца обязанности доказать, что именно истец является предыдущим собственником спорной вещи [6, с. 145].

Например, в случае, когда приобретатель спорного имущества знал либо же мог знать о том, что приобретает имущество у лица, неправомерно на отчуждение и продажу указанного имущества, то говорить о добросовестности такого приобретателя не представляется возможным, исходя хотя бы уже из смыслового содержания концепта добросовестности.

Стоит обратить внимание и на то, что законодателем устанавливаются обстоятельства, когда приобретатель добросовестно заблуждался о правах продавца на спорное имущество, если указанное имущество приобретается им на безвозмездной основе, в таком случае спорная вещь всегда может и должна быть изъята в пользу её законного собственника. Исключением из данного правила являются сделки, совершённые в отношении денег и ценных бумаг на представителя (ч. 2-3 ст. 361 ГК ДНР).

Кроме указанного нами случая, зачастую лицом приобретается вещь, находящаяся в залоге, а покупатель даже не подозревает этого. В таком случае спустя какой-то период времени добросовестный приобретатель получает повестку

из суда, которая содержит в себе информацию о требовании третьего лица об обращении взыскания на такое имущество, поскольку должником не выполняются его обязанности перед кредитором.

По общему правилу, если такое имущество было получено на возмездной основе, а покупатель отвечает всем установленным критериям добросовестности и может доказать это в суде, то залог прекращается (ч. 1 ст. 427 ГК). Однако в этом случае на покупателя возлагается обязанность доказывания ещё и следующих моментов:

1) договор, заключённый добросовестным приобретателем, в обязательном порядке должен содержать в себе условие об отсутствии у третьих лиц каких-либо притязаний на объект договора, и что последний не имеет любых обременений;

2) добросовестный приобретатель обязан убедиться, что у продавца имеются все необходимые документы о праве собственности, а также что указанные документы не являются фиктивными либо устаревшими;

3) добросовестный приобретатель должен получить все необходимые сведения, которые подтверждают свободу приобретаемого имущества из всех возможных и свободных ресурсов (например, ЕГРП). Только таким образом у покупателя будет возможность восстановить и защитить свои нарушенные права в порядке ст. 572 ГК [1].

Таким образом, на основании всего вышеизложенного, необходимо отметить, что основной целью закрепления в законодательстве нормы об эвикции является восстановление нарушенных прав. Эвикция является наиболее актуальным и действенным способом защиты нарушенных прав [7, с. 16]. По нашему мнению закрепление норм об эвикции и критериев добросовестности в гражданском законодательстве ДНР позволит защитить экономические интересы контрагентов, снизить риски и обезопасить стороны от возможных мошеннических действий и наиболее полно обеспечить исполнение договорных обязательств (в первую очередь со стороны продавца).

Список источников

1. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики: Закон ДНР № 81-ПНС от 13.12.2019 (действ. ред. по сост. на 05.10.2020) / Официальный сайт Народного Совета ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения – 08.10.2020). – Загл. с экрана.
2. Церковников, М. А. Ответственность продавца в случае изъятия товара у покупателя / М. А. Церковников. – М.: Статут, 2016. – 137 с.
3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 27.11.2020). – Загл. с экрана
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении

- споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100466/ (дата обращения: 27.11.2020). – Загл. с экрана
5. Осадченко, Э. О. Применение правил об эвикции в отечественном гражданском праве / Э. О. Осадченко // Legal Concept. – 2020. – № 2. – С. 89–96.
6. Квициния, Н. В. Судебные ошибки при применении норм о замене ненадлежащей стороны судопроизводства / Н. В. Квициния, Э. О. Осадченко // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 142–147.
7. Ем, В. С. Ничтожность сделок по действующему гражданскому законодательству / В. С. Ем // Вестник гражданского права. – 2018. – № 4. – С. 12–45.

Поступила в редакцию 30.11.2020 г.

FEATURES OF APPLICATION OF THE EVICTION RULES IN THE CIVIL LAW OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

This work is devoted to the analysis of certain problematic issues of eviction, which gives rise to the liability of an unscrupulous seller in the event of a claim of disputed property by a third party. Based on this goal, the concept and features of a bona fide acquirer are studied, as well as the main constituent features of «eviction» are considered. As a result of scientific research, it was established that the civil legislation in force on the territory of the Donetsk people's Republic (hereinafter – the DPR) does not define a list of criteria that confirm the integrity of a person. The paper attempts to establish such a list using the semantic content of the concept of good faith. The author concludes that the consolidation of eviction signs and integrity criteria in the civil legislation of the DPR will enable contractors to protect their own interests, as well as reduce risks and protect the parties from possible fraudulent actions, and ensure the fulfillment of contractual obligations, primarily on the part of the seller.

Keywords: good faith, bona fide acquirer, disputed transaction, restitution, eviction.

Финкина Анна Павловна
старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: a.finkina@donnu.ru

Finkina Anna
Senior Lecturer at the Department of Civil
Law and Procedure of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: a.finkina@donnu.ru

Стёпина Виктория Юрьевна
студентка юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»
г. Донецк, ДНР
E-mail: vika.stiyopina@mail.ru

Stiopina Victoria
law student of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: vika.stiyopina@mail.ru

УДК 347.412.92

Швайковская В. Н.
Шапиро В. А.

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПОСТАВКИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ НАСЕЛЕНИЮ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В статье актуализируется проблема обеспечения системной связи подзаконных актов в сфере энергоснабжения и положений Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики. В частности, аргументирована необходимость разработки и принятия в Донецкой Народной Республике собственных Правил пользования электрической энергией для населения и Типового договора с целью обеспечения их оптимального соотношения между собой, а также дальнейшего совершенствования правового регулирования отношений поставки электроэнергии.

Ключевые слова: договор о пользовании электрической энергией, энергопоставщик, потребитель, Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики, Правила пользования электрической энергией для населения.

Уровень развития современного общества, его достижения, цели, успехи подтверждают высокую социально-экономическую значимость электроэнергии. В снабжении электроэнергией в различном объеме нуждается большинство используемых современной цивилизацией объектов, то есть все то, без чего немыслима в наше время жизнь любого человека. Бесспорна также и значимость договора о пользовании электроэнергией как правового института, поскольку в современном гражданском обороте этот договор – один из наиболее распространенных и имеющих публичный характер. Именно по этой причине законодательство трактует поставку электроэнергии как деятельность, связанную с обеспечением жизнедеятельности населения и государства.

С принятием Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики, имеющего масштабное значение для всех отраслей применяемого на нашей территории права и выступающего глобальным регулятором гражданских и хозяйственных правоотношений, появляется острая потребность в дальнейшем совершенствовании правового регулирования договорных отношений по снабжению электрической энергией потребителей путем обеспечения системной связи положений Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики и подзаконных актов в сфере энергоснабжения. Практика правоприменения действующих норм в данной сфере актуализирует указанную проблему.

Одним из принципов формирования любого правового государства является наличие согласованного и непротиворечивого законодательства. Как известно,

именно в законе осуществляется первичное регулирование общественных отношений, закрепляются принципиальные, основополагающие нормы.

Параграфом 6 Гражданского кодекса Донецкой Народной Республики (далее – ГК) дается общая характеристика договора энергоснабжения. Так, по договору энергоснабжения энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту (потребителю) через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию, а также соблюдать предусмотренный договором режим ее потребления, обеспечивать безопасность эксплуатации находящихся в его ведении энергетических сетей и исправность используемых им приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии [1].

Если абонентом по договору энергоснабжения выступает физическое лицо, использующее энергию для бытового потребления, договор считается заключенным с момента первого фактического подключения абонента в установленном порядке к присоединенной сети. В то же время, определена особенность применения данной нормы к отношениям по договору снабжения электрической энергией в том случае, если законом или иными нормативными правовыми актами не установлено иное.

В подзаконных нормативных правовых актах, как правило, осуществляется вторичное регулирование общественных отношений. Подзаконные акты издаются в развитие положений закона и в соответствии с ним.

На сегодняшний день, основным нормативным правовым актом, регламентирующим правоотношения поставки электроэнергии между энергопоставщиком и потребителем (населением), определяющим порядок заключения, исполнения, прекращения и иные условия, вытекающие из данного рода договорных обязательств, являются Правила пользования электрической энергией для населения, утвержденные Постановлением Кабинета Министров Украины от 26.07.1999 г. № 1357, в редакции по состоянию на 26.12.2011 г. № 1408 (далее – Правила). Применение Правил осуществляется на основании и в соответствии с ч. 2 ст. 86 Конституции Донецкой Народной Республики, п. 2 Постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики «О применении Законов на территории ДНР в переходный период» от 2 июня 2014 года № 9-1 (в соответствующей редакции) [2; 3].

Следует отметить, что данные Правила разрабатывались Кабинетом Министров Украины во исполнение ст. 26 Закона Украины «Об электроэнергетике», конкретизируя обязанности и ответственность потребителей энергии [4]. В свою очередь, Закон Украины «Об электроэнергетике» не имеет юридической силы в Донецкой Народной Республике в виду принятия Постановлением Народного Совета Донецкой Народной Республики Закона «Об электроэнергетике» 17 апреля 2015 года (далее – Закон), направленного на регулирование отношений, которые возникают в результате производства, передачи, поставки и потребления электрической энергии и мощности и связанные с государственным контролем (надзором) за безопасной технической эксплуатацией энергетического оборудования и выполнением работ на объектах электроэнергетики всех форм собственности и ведомственной принадлежности Донецкой Народной Республики [5].

Как правило, подзаконные акты по отношению к закону занимают подчиненное положение, основанием их издания является закон. В нашем случае в нарушение логики процессов нормотворчества подзаконный акт опережает законодателя (Народный Совет ДНР) и не развивает некоторые его положения. Дополнение и совершенствование действующих Правил недопустимо с точки зрения компетенции соответствующих органов ДНР. Такое положение дел обуславливает необходимость разработки собственного подзаконного акта в ДНР.

Исходя из положений Правил, потребление электрической энергии осуществляется на основании договора о пользовании электрической энергией, который разрабатывается энергопоставщиком на основании Типового договора о пользовании электрической энергией [6]. При этом такой договор также применяется по образцу договора Украины, прилагаемого к Правилам и на данный момент, Типовой договор о пользовании электрической энергией образца Донецкой Народной Республики не утвержден.

Следует отметить как неопределенность сроков разработки энергопоставщиком такого договора, так и сроков, порядка и оснований предоставления мотивированного отказа в заключении договора энергопоставляющей организацией.

Особое внимание на себя обращает отсутствие конкретизации перечня необходимых документов, которые предоставляются для заключения договора о пользовании электрической энергией с населением. Не урегулирован и порядок, объем предоставления таких документов потенциальным потребителем, что в свою очередь не позволяет определить, имеет ли право потребитель обращаться в адрес энергопоставщика посредством электронного документооборота, привлекать представителя для выполнения всех необходимых действий для заключения такого договора и т.д. Например, закрепленная в Правилах возможность предоставления необходимых документов посредством электронной почты, с учетом ситуации со сложившейся пандемией, могла бы существенным образом сократить риск заболевания новой коронавирусной инфекцией, в особенности для наиболее уязвимых слоев населения – пожилых граждан.

Учитывая, что договор о пользовании электрической энергией для населения является публичным, требования к такому договору регламентируются также ст. 528 ГК. Одними из значимых являются положения об одинаковых условиях для всех потребителей, кроме тех, для кого установлены льготы, и об отсутствии права отказать в заключении публичного договора при наличии возможностей предоставления потребителю соответствующих товаров (работ, услуг). Правилами также предусмотрено потребление электрической энергии по льготным условиям, однако льготные категории граждан не перечисляются.

Кроме того, п. 3 Правил устанавливается, что отказ энергопоставщика, осуществляющего поставку электрической энергии на закрепленной территории, потребителю в заключении договора о пользовании электрической энергией не допускается. Но при этом, отсутствие у потребителя исправной электроустановки и другого необходимого оборудования лишает его возможности реализовать свое право на заключение договора с энергопоставляющей организацией. И как отмечалось

выше, сама процедура предоставления мотивированного отказа, сроки, а также исчерпывающий перечень оснований для него, Правилами не устанавливается.

К примеру, российский законодатель также определяет, что при необоснованном отклонении энергоснабжающей организации от заключения договора применяются положения, предусмотренные п. 4 ст. 445 Гражданского кодекса Российской Федерации, т.е. договор может быть заключен в принудительном порядке по решению суда. Абонент вправе потребовать возмещение убытков, вызванных уклонением от заключения договора [7].

Немаловажным является аспект восприятие и понимание Правил обычным гражданином. Текстовка изобилует технической терминологией, часть из которой не находит своей расшифровки и конкретизации, при этом автоматически переносится в заключаемый с потребителем договор. Кроме того, формулировки идут в противоречия с нормами ГК и Закона. Представляется, что доступность норм и конструкций таких правил должна быть достигнута путем расширения и добавления перечня новых терминов и определений с целью урегулирования спорных, неоднозначных для понимания граждан вопросов, касающихся надлежащего исполнения условий договора.

На данный момент, практически каждый участник общественных отношений выступает потребителем электрической энергии. Затрагивается наиболее масштабный и важнейший пласт правоотношений в Донецкой Народной Республике, который не ограничивается только лишь поставщиком и потребителем электроэнергии, но и как минимум, касается институтов купли – продажи, поставки, собственности и многих других.

Целесообразность внесения изменений в действующие Правила, призванные дополнять и расширять нормы и положения ГК и Закона, к тому же, применяемые в редакции девятилетней давности очевидна. Однако, согласно нормам правотворческой деятельности, закрепленным в Законе Донецкой Народной Республики «О нормативно правовых актах» [8], осуществить такие действия не представляется возможным.

Подводя итог, с целью обеспечения оптимального соотношения закона и подзаконных нормативных правовых актов, устранения расхождений и противоречий соответствующих норм, следует подчеркнуть необходимость приведения нормативно-правовых актов Донецкой Народной Республики в единообразное соответствие. Именно поэтому, необходимо разработать и утвердить собственные Правила пользования электрической энергией для населения, которые будут учитывать, дополнять, регулировать все тонкости правовых отношений между энергопоставщиком и потребителем – населением. Этот нормативный документ имеет важное общественное значение и касается конституционных прав, свобод, интересов и обязанностей граждан. Кроме того, есть обоснованная необходимость в утверждении Типового договора о пользовании электрической энергией, как неотъемлемой части вышеперечисленных правил пользования, который будет максимально доступен к пониманию потребителем и исполнению надлежащим образом, что в последующем должно вывести правоотношения между энергопоставляющей организацией и потребителем на более качественный уровень.

Список источников

1. Гражданский кодекс Донецкой Народной Республики: Закон Донецкой Народной Республики № 81-ПНС от 13.12.2019(ред. по сост. на 15.10.2020)/Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki> (дата обращения: 22.09.2020). – Загл. с экрана.
2. Конституция: Закон Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 (ред. по сост. на 06.03.2020) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/> (дата обращения: 28.10.2020). – Загл. с экрана.
3. О применении Законов на территории ДНР в переходный период: Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики № 9-1 от 02.06.2014 г. (ред. по сост. на 31.05.2016)/ Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-9-1-2014-06-02> (дата обращения: 01.10.2020). – Загл. с экрана.
4. Про електроенергетику: Закон Верховної Ради України від 16.10.1997 № 575/97-ВР (в редакції від 01.01.2014 № 663-ІІІ) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-elektroenergetike/> (дата обращения: 28.10.2020). – Загл. с экрана.
5. Об электроэнергетике: Закон Донецкой Народной Республики № 45-ІНС от 17.04.2015 (ред. по сост. на 16.03.2020) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-elektroenergetike/> (дата обращения: 28.10.2020). – Загл. с экрана.
6. Про затвердження Правил користування електричною енергією для населення: Постанова Кабінету Міністрів України від 26 липня 1999 року № 1357 (в редакції від 26.12.2011 № 1408) / Офіційний вебпортал парламенту України [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1357-99-%D0%BF> (дата обращения: 23.10.2020). – Загл. с экрана.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: (офиц. текст по состоянию на 10.12.2014) / Правовой навигационный сервис по законодательству Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/gk/> (дата обращения: 28.10.2020). – Загл. с экрана.
8. О нормативных правовых актах: Закон Донецкой Народной Республики №72-ІНС от 07.08.2015 (ред. по сост. на 12.09.2020) / Официальный сайт Народного Совета Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-normativnyh-pravovyh-aktah/> (дата обращения: 02.11.2020). – Загл. с экрана.

Поступила в редакцию 26.11.2020 г.

**ON THE QUESTION OF IMPROVING THE LEGAL REGULATION
OF RELATIONSHIPS OF SUPPLY ELECTRIC POWER TO THE
POPULATION IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC**

The article actualizes the problem of ensuring the systemic communication of by-laws in the field of energy supply and the provisions of the Civil Code of the Donetsk People's Republic. In

---

particular, the need for the development and adoption in the Donetsk People's Republic of its own Rules for the use of electrical energy for the population, as well as a Model Agreement in order to ensure their optimal relationship with each other, as well as further improve the legal regulation of electricity supply relations, is argued.

Keywords: agreement on the use of electrical energy, energy supplier, consumer, Civil Code of the Donetsk People's Republic, Rules for the use of electrical energy for the population.

Швайковская Валентина Николаевна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
и процесса

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: trud-vn@mail.ru

Shvaikovskaya Valentina

PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Civil Law
and Procedure of Donetsk National
University

DPR, Donetsk

E-mail: trud-vn@mail.ru

Шапиро Владимир Александрович

студент юридического факультета

ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

ДНР, г. Донецк

E-mail: vladimir.russck@gmail.com

Shapiro Vladimir

law student of Donetsk National University

DPR, Donetsk

E-mail: vladimir.russck@gmail.com

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

---

1. В печать принимаются научные статьи на русском и английском языках, которые имеют необходимые элементы:

    постановка проблемы в общем виде и её связь с важнейшими научными и практическими задачами;

    анализ последних достижений и публикаций, в которых рассмотрена данная проблема и на которые ссылается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, на решение которых направлена данная статья;

    формулирование цели и постановка задач;

    изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;

    выводы из этого исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

2. Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт., с выравниванием по ширине. Аннотация (до 500 знаков с пробелами; ориентировочно 10 строк), ключевые слова (не менее 5), список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт Times New Roman, размер 12 пт. Без автоматической расстановки переносов. Таблицы располагаются по тексту строго в пределах печатного поля книжной ориентации страниц после первого упоминания. Каждый рисунок имеет подпись (не совмещенную с рисунком), а таблица – заглавие (выравнивание – по центру). Все рисунки и таблицы должны быть последовательно пронумерованы арабскими цифрами. Сканированные рисунки не принимаются. При наличии рисунков и таблиц их необходимо предоставлять в отдельном файле с возможностью редактирования.

3. Объем статьи — 7–10 страниц печатного текста формата А4. Поля: левое – 3,0 см, нижнее – 1,5 см, правое – 1,5 см, верхнее – 2,0 см. Междустрочный интервал – полуторный. Абзацный отступ – 1,25 см.

4. Текст рукописи должен соответствовать следующей структурной схеме:

    – Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (14 кегль, без абзацного отступа).

    – НАЗВАНИЕ статьи — полужирный, выравнивание по центру без абзацного отступа (прописными буквами без переноса слов, 14 кегль);

    – Через строчку: аннотация на русском языке, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты и ключевые слова. Таким же образом оформленные аннотация и ключевые на английском языке (12 кегль, абзацный отступ 1,25, выравнивание по формату, одинарный интервал);

    – В конце статьи копирайт ©, фамилия и инициалы автора(ов), год (12 кегль, выравнивание по правому краю);

– Словосочетание СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (полужирный, все прописные, 12 кегль без абзацного отступа с выключкой по левому краю). Перечень литературных источников (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке появления ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала и оформленные в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание». Ссылка на источник дается в тексте статьи и оформляется в квадратных скобках ([5, с. 22]). Ссылки допускаются только на опубликованные работы по исследуемому вопросу. Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

5. В конце статьи обязательно указываются следующие сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке); ученая степень и звание (на русском и английском языке); полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке); адрес электронной почты каждого автора и телефон для контактов.

6. Текст статьи должен быть тщательно выверен, без орфографических ошибок. Сокращения слов, кроме общепринятых, не допускаются или обязательно даётся их расшифровка.

7. Если статья подается на английском языке, то прилагается её русский вариант.

8. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений. К статье в обязательном порядке прилагается отчет о проверке научной работы на уникальность и поиск заимствований.

10. Рукопись проходит независимое анонимное рецензирование специалистами на предмет научной ценности статьи, её соответствия профилю и требованиям журнала. По рекомендации рецензентов редколлегия принимает решение о возможности и условиях опубликования статьи.

11. Публикация статей в журнале бесплатная.

Научное издание

**Вестник Донецкого национального
университета.
Серия Е: Юридические науки**

2020. – № 3

Технический редактор: А. К. Миронова

Адрес редакции:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк
Тел.: +38(071) 36-707-35, +38(099)226-26-74 (Viber)
E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru
URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Подписано в печать 28.12.2018 г.

Формат 60х84/8. Бумага офсетная.

Печать – цифровая. Усл. печ. л. 12,59.

Тираж 100 экз.

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: +38 (062) 302 92 27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.